

Ю. Д. Марголис
Г. А. Тишкин

«ЕДИНЫМ вдохновением»

Очерки истории
университетского образования
в Петербурге в конце XVIII —
первой половине XIX в.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

2019/9/1 13:01

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМУ
ГОСУДАРСТВЕННОМУ
УНИВЕРСИТЕТУ

275
ЛЕТ

St. PETERSBURG STATE UNIVERSITY

Yu. D. MARGOLIS, G. A. TISHKIN

BY A SINGLE
INSPIRATION

Essays on the history
of university education in St. Petersburg
in the late 18th—first half of the 19th centuries

ST. PETERSBURG UNIVERSITY PRESS
2000

С.-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Ю. Д. МАРГОЛИС, Г. А. ТИШКИН

ЕДИНЫМ ВДОХНОВЕНИЕМ

Очерки истории
университетского образования в Петербурге
в конце XVIII — первой половине XIX в.

ИЗДАТЕЛЬСТВО С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

2000

2019/8/30 12:13

ББК 63.3(2)
М 25

Рецензенты: д-р ист. наук Е. В. Соболева (С.-Петербург. гос. ин-т истории естествознания и техники РАН), д-р ист. наук Е. Р. Ольховский (С.-Петербург. гос. аграрный ун-т)

Проверено
2007

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Санкт-Петербургского государственного университета

Марголис Ю. Д., Тишкин Г. А.

М25 «Единым вдохновением»: Очерки истории университетского образования в Петербурге в конце XVIII — первой половины XIX в. — СПб: Издательство С.-Петербургского университета, 2000. — 228 с.
ISBN 5-288-02488-X

В данной книге освещаются основные события истории Санкт-Петербургского университета с 1765 по 1840 г. и последовательно доказывается идея преемственности высшего образования в Санкт-Петербурге в Академических Университете и Гимназии XVIII в. и в Университете, возобновившем свою деятельность в 1819 г. в составе учебных заведений Министерства народного просвещения. Аргументы в пользу этой идеи основываются преимущественно на документах Санкт-Петербургского филиала Архива Российской Академии наук, в основном впервые вводимых в научный оборот.

Книга посвящается 275-летию основания Санкт-Петербургского университета. Она рассчитана на читателей, интересующихся историей университетов, образования и отечественной культуры.

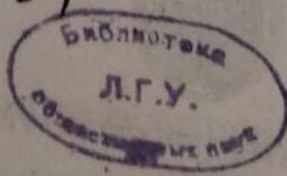
The present work deals with the main events in the history of the university in St. Petersburg between 1765 and 1840. An idea is substantiated consistently of the continuity of higher education in St. Petersburg, beginning from the University and Grammar School within the Academy of Sciences in the 18th century to the University reestablished in 1819 under the auspices of the Ministry for Education. Arguments in support of the idea are largely based on documents from the St. Petersburg branch of the Russian Academy of Sciences Archives, most of them introduced in scholarly research for the first time.

The book is dedicated to the 275th anniversary of the founding of St. Petersburg University and is intended for all those interested in the history of universities, education and Russian culture.

Тематический план 2000 г., № 31

ББК 63.3(2)

281064

ISBN 5-288-02488-X

- © Ю. Д. Марголис, Г. А. Тишкин, 2000
- © Н. П. Федорова, перевод на англ., 2000
- © Издательство С.-Петербургского университета, 2000

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемая вниманию читателя книга является продолжением нашей монографии 1988 г. «Отечеству на пользу, а россиянам во славу: Из истории университетского образования в Петербурге в XVIII—начале XIX в.», обосновавшей идею преемственности в истории университетов Петербурга — от проекта Академии с Университетом и Гимназией, утвержденного Петром Великим 28 января 1724 г., через Петербургский университет М. В. Ломоносова к Петербургскому университету П. Л. Чебышева и Д. И. Менделеева, И. М. Сеченова и П. Ф. Лесгафта, а далее — к Ленинградскому и, добавляем мы сегодня, вновь к Петербургскому. Труден и тернист, а порой и прерывист был этот путь — говорилось в монографии 1988 г. «Но именно этот путь во славу Отечества был пройден».¹

Монография 1988 г. получила поддержку общественности в стране,² вызвала и одобрительный международный резонанс.³ Однако мы не обольщались положительными откликами, придали значение критическим замечаниям, пожеланиям и размышлениям, порожденным книгой «Отечеству на пользу, а россиянам во славу». В том числе и на диспуте об этой книге, состоявшемся в Петербургском университете⁴ в 1994 г. с участием научных сотрудников Института истории естествознания и техники РАН. Часть участников этого обсуждения высказали мотивированные пожелания усилить аргументацию в пользу утверждения о продолжении деятельности Академического университета в годы после смерти М. В. Ломоносова (после 1765 г.), а также в пользу преемственности между учебными заведениями Академии наук конца XVIII — начала XIX в. и Педагогическим институтом в Петербурге, возникшим в 1804 г. уже в качестве «отделения» намеченного к учреждению внеакадемического Петербургского университета, открывшегося в 1819 г.

Когда предлагаемая читателю книга была уже готова к выходу в свет, тогда на страницах журнала «Отечественная история» (1998, № 5) появились две публикации: «О начале университетского образования в Санкт-Петербурге» (с. 62–73) и «Академический университет в Санкт-Петербурге. Историческая справка» (с. 73–76). В первой из них высказывается мнение

будто в XVIII в. в Петербурге не существовало образования по университетской программе, а следовательно, лекции, экзамены, учебная библиотека, заграничные командировки студентов, документы, подтверждающие существование Университета и Гимназии, — всего лишь «призраки».

Вторая публикация в журнале отчасти противоречит первой, так как автор ее, доктор исторических наук Б. В. Левшин признает-таки некоторые имена и факты, свидетельствующие о существовании подготовки специалистов по университетской программе в Петербурге. Правда, только до 1765 г., т. е. до смерти М. В. Ломоносова...

Мы не могли предвидеть подобных публикаций, между тем настоящая книга, словно отвечая на них, повествует о том, что в истории университетского образования в стенах Петербургской Академии наук было немало трудностей, провалов и даже перерывов; наша книга содержит также достаточно подробные и убедительные доказательства о наличии профессорских лекций в Академическом Училище на рубеже XVIII—XIX вв., документы, включающие в себя сведения о количестве студентов и гимназистов в нем, документы раскрывающие содержание учебных программ и рисующие условия быта учащейся молодежи. В фондах Санкт-Петербургского филиала Архива Российской Академии наук сохранились многие десятки отпусков студенческих аттестатов. А это заставляет задуматься каждого непредвзятого исследователя, прикасающегося к документам, над вопросом: где же учились после 1765 г. В. Зуев, Я. Захаров, В. Севергин, А. Кононов, П. Озерецковский, И. Мартынов, А. Красовский, Ф. Моисеенков, В. Венедиктов, В. Цветов, И. Юдин, П. И. и Д. М. Соколовы, В. Попугаев, А. Волков, Н. Судаков и многие другие известные деятели отечественной науки и культуры? Неужели они тоже всего лишь «призраки»?

Охватывая историю университетского образования в Петербурге приблизительно с 1765 по 1840 г., когда был принят очередной университетский устав и состоялось памятное возвращение Университета в здание Двенадцати коллегий, предлагаемая книга содержит и материалы, позволяющие ответить на вопрос об отношении универсантов XIX в. к проблеме преемственности университетского образования Петербурга.

Источники, на которых базируется предпринятое исследование, богаты и разнообразны. Не преследуя цели дать этим источникам исчерпывающую характеристику здесь, во Введении, скажем лишь об их главных группах.

Первую составляют архивные материалы, отложившиеся в

результате деятельности учебных заведений Академии наук с 1765 г.) Множественное число употреблено здесь неслучайно. На смену Академическому университету в итоге реформы учебной деятельности Академии наук, осуществленной в 1770 г. Л. Бакмейстером, пришло «Академическое училище (всеучилище)», соединившее в своем учебном плане (предвосхищая опыт российских лицеев) гимназическую и университетскую модели учебных заведений в одном. В материалах академической канцелярии особенно важны документы о составе элевов (учащихся)⁵ и профессоров,⁶ об итогах стажировок петербургских студентов в Геттингенском и других европейских университетах,⁷ документы о различных сторонах деятельности Училища при Академии,⁸ Академической гимназии (в частности, «Набросок проекта учебного плана Академической гимназии», датированный 1795 г.),⁹ документы элева Василия Попугаева,¹⁰ о стипендиальных расходах,¹¹ списки неплательщиков, число которых увеличивалось вследствие демократизации состава и студентов-элевов, и пансионеров,¹² о различных формах обучения и аттестации студентов в Академическом училище¹³ (здесь особенно ценны сведения о числе молодых людей, занимавшихся по университетской программе, вплоть до 1803 г.¹⁴), о распределении студентов-элевов, закончивших курс обучения,¹⁵ о «высочайшем» патронате Павла I над «Академическим всеучилищем» и последствиях этого.¹⁶ Все это — ценные документы, выдерживающие проверку на достоверность, за исключением тех, которые мотивировали необходимость смены администрации в учебных заведениях или имели отчетный характер (часть из них, по-видимому, принадлежала Е. Р. Дашковой¹⁷).

Вторую по значению группу источников составляют «Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 г.». Особенно важны для темы нашей книги материалы четвертого тома Протоколов, охватывающие время с 1788 по 1803 г. Здесь материалы о перестройках зданий Академической гимназии и Училища при Академии,¹⁸ о предложенной Павлом I реформе Училища при Академии,¹⁹ об условиях и итогах стажировки «студентов и элевов Академии» за период с 1787 по 1803 г. в различных университетах Западной Европы,²⁰ о преподавательской деятельности академиков²¹ и других сторонах учебной жизни. Протоколы, разумеется, фиксировали важные факты, но нередко и борьбу амбиций, карьерные устремления и требуют ввиду этого повышенного критического отношения.

К этой группе материалов непосредственно примыкают постановления по Министерству народного просвещения (публикация 1864 г.), содержащие нормативные акты об учреждении

непосредственных предшественников внеакадемического университета Педагогического института, Главного Педагогического института, Благородного пансиона. Напрасно, однако, читатель будет искать в этих документах подлинные мотивы побудительные мотивы принимаемых решений этими документами, как правило, тщательно скрывались. Их следы чаще всего оставались в неофициальных источниках.

Они и составляют третью часть использованной в книге документальной базы. Таково письмо С. С. Уварова А. Н. Голицыну от 18 ноября 1821 г., проливающее свет на расстановку общественных сил вокруг «процесса профессоров». ²²Документы, относящиеся к «делу профессоров» образуют следующую группу источников, среди которых важное место занимают сочинения профессоров, подвергшихся опале, ²³ материалы их цензурных квалификаций, ²⁴ хранящиеся в делах Главного правления училищ, материалы следствия и суда над профессорами, ²⁵ мнения и письма погромщиков Университета, ²⁶ воспоминания современников (среди последних примечательны воспоминания М. Г. Плисова, который на заседаниях суда 3, 4 и 7 ноября 1821 г. исполнял обязанности конференц-секретаря и вел протоколы ²⁷).

Отметим источник, выпадающий по форме из предложенной группировки. Речь о хранящейся в Государственном Эрмитаже памятной медали в честь возвращения Петербургского университета в здание Двенадцати коллегий в 1838 г. (Аверс медали отмечен датами «1724-1835». Реверс медали — словами «Единым вдохновением», словами, которые могли адресоваться не только «высочайшим учредителям» университетов, но и истинным поборникам русского просвещения. Памятная медаль — важный и многозначный источник, подтверждающий факт официального и общественного признания единства и преемственности университетского образования в Петербурге, начиная с указа Петра Великого о «триедином здании» (Академия наук — Университет — Гимназия).

Что до историографической ситуации, то со времени выхода в свет нашей монографии в 1988 г. выяснилось, что она «полна неожиданностей». Выявились наши авторитетные предшественники, сторонники идеи преемственности университетского образования в Петербурге, в лице видных профессоров Петербургского университета И. П. Шульгина ²⁸ и П. А. Плетнева. ²⁹ В 1835 г. первый сказал в торжественной речи, а второй написал в «Современнике», что честь открытия Петербургского университета принадлежит Петру Великому, и что Петербургский университет принадлежит Петру Великому, и что Петербургский университет бережно и достойно хранит «наследие исполина». Хотя в извест-

ном смысле тексты речи Шульгина и статьи Плетнева принадлежат к историческим источникам, они, бесспорно, принадлежат и к историографической традиции. Ее обогащает также статья К. С. Веселовского «Отношение императора Павла I к Академии наук», содержащее указание на Училище при Академии с функциями Университета, которое император намеревался в соответствии с Уставом Академии 1747 г. «опустить» до уровня гимназии.³⁰ Полезны новейшие разыскания о педагогической деятельности Е. Р. Дашковой, включая деятельность в Училище при Академии и Университете,³¹ как и комментарии к новым изданиям ее «Записок».³² Изучению сложного творческого пути графа С. С. Уварова, «просвещенной энергии» которого начальный этап истории внеакадемического университета столь многим обязан, помогают исследования С. Н. Дурылина,³³ В. В. Пугачева³⁴ и С. Б. Окуня. О работах С. Б. Окуня следует сказать особо. Мы уже указывали в монографии 1988 г., что им в определенной мере принадлежит иницилирующая роль в постановке нашей темы.³⁵ Некоторые положения написанной этим ученым главы «Образование Санкт-Петербургского университета и начальный период его деятельности. 1819–1855» в очерках по истории Университета, изданных в 1969 г., будучи также исключительно важны для нашей темы, требуют взыскательного отношения. С. Б. Окунь был прав и тогда, когда связывал заботы С. С. Уварова об устройении в столице центра «классического» университетского образования с карьерными устремлениями молодого, энергичного чиновника,³⁶ и тогда, когда объяснял заинтересованность верховной власти в открытии в столице внеакадемического университета тем, что его образовательный профиль существенно дополнял возможности имевшихся к тому времени в столице специальных учебных заведений.³⁷ Но ученый был неправ, допуская, будто Уваров намеревался придать Петербургскому университету «карманный характер»,³⁸ будто уваровский проект университетского устава был направлен на ликвидацию университетской автономии, закрепленной в уставах 1804 г. для Московского, Виленского и Харьковского университетов.³⁹ Уместно заметить, что правильно отмечая влияние карьерных устремлений Уварова, С. Б. Окунь определенным образом преувеличил меру их воздействия: едва ли многотрудное дело открытия Университета в столице прибавило внешнего блеска карьере С. С. Уварова, и без того облеченного европейской известностью и местом президента Академии наук. Эти частные соображения не отменяют, конечно, вывода об исключительном значении мыслей С. Б. Окуня для разработки нашей темы.

Настоящие историографические заметки требуют повышенного внимания к оставшейся в рукописи работе крупнейшего знатока истории общественно-политической жизни первой четверти XIX в., ставшей исполненной драматизма новой борьбой правительства и общества за реформы «сверху» в России — А. В. Предтеченского, где затрагивается и «дело профессоров» Петербургского университета 1821 г. Эта рукопись посвящена истории типов русских либералистов первой четверти XIX столетия. Часть рукописи носит название «Академические круги» и ценна повышенным вниманием к обстоятельствам возникновения «дела», общественно-политическим воззрениям опальных профессоров, особенно А. П. Куницына, интересна тонкими наблюдениями над тактикой поведения сторон на «процессе» профессоров. Не лишенная дискуссионности версия А. В. Предтеченского «Академические круги» значительно повлияла на наши позиции в освещении первого в истории «дела профессоров» Петербургского университета.

Лакуны источниковой базы, фрагментарность и противоречивость историографических исследований порождают очевидные трудности в разработке темы. Напротив, имеющиеся работы ее отдельных граней делают возможным предпринять следующий шаг — представить опыт монографического исследования истории университетского образования в Петербурге на протяжении времени, охватывающего две трети века, — с 1765 (кончина М. В. Ломоносова) по 1838 г. (возвращение Университета в здание Двенадцати коллегий).

Поставленная цель предопределила структуру книги.

Ее первая глава «Академическое всеучилище» посвящена истории учебных заведений Академии наук после М. В. Ломоносова до 1783 г. Вторая — «Под сенью “мадам директор”» исследует судьбу университетского образования в Петербурге во время директорства Е. Р. Дашковой. Третья — повествует об истории Педагогического института как «отрасли» будущего внеакадемического университета. Четвертая — «Побеждать просвещением» отведена борьбе общественных сил за устройство в столице рассадника «классического университетского образования», завершившейся при деятельном участии графа С. С. Уварова указом Александра I об учреждении внеакадемического университета в Петербурге. Пятая — посвящена первому в истории «делу профессоров» Петербургского университета 1821 г. Книгу завершает глава «Преимственность университетского образования», тема которой — «единое вдохновение» поборников университетского образования в Петербурге со времени указа Петра Великого 28 февраля 1724 г. об учреждении Петербург-

ского университета в составе Академии наук.

Мы выражаем сердечную благодарность своим коллегам в Петербургском университете, Академии наук России, Гуманитарной академии, Петербургской академии культуры, многочисленных книжных и архивохранилищ за помощь и советы в работе. Особую признательность необходимо высказать Т. Н. Жуковской, в соавторстве с которой написана четвертая и пятая главы, О. Н. Ансберг за ценную помощь при подготовке рукописи к печати, Н. О. Серебряковой за создание именного указателя. Благодаря заботам этих добровольных помощниц, выпускниц исторического факультета, книга стала удобнее для чтения.

Примечания

¹ Марголис Ю. Д., Тишкин Г. А. Отечеству на пользу, а россиянам во славу: Из истории университетского образования в Петербурге в XVII—начале XIX в. Л., 1988. С. 225.

² Керзум И. В. Весомый аргумент // Ленинградский университет. 1988. № 9. С. 9; Архипова Г. А. (Рецензия) // Вопросы истории. 1989. № 1. С. 163-164; Шевченко Ф. П., Шип Н. А. (Рецензия) // Український історичний журнал. 1989. № 10. С. 147-148.

³ Meyer K. Wie alt die Universität Leningrad // Osteuropa Zeitschrift für Gegenwartsfragen des Ostens Sonderdruck. 1990. Deutche—Verlag—Austalt Stuttgart. 1990. S. 963-965; Ghetti M. C. Pietroburgo o Mosca? La nascita del sistema universitatis in Russia // Studi Slavistical in onore di Natahino Radovich. Padova, 1966. P. 100-104; A History of the university in Europa. Vol. II. Universities in early Modern Europe (1500-1800). Editor Hidle de Ridder-Symoens. Cambridge, 1996. P. 48.

⁴ Фещенко Л. В спорах рождается истина // Санкт-Петербургский университет. 1994. № 2. С. 2.

⁵ См., напр.: Архив Академии наук в Петербурге (Далее — ПФААН). Ф. 9. Оп. 3. Д. 673.

⁶ Там же. Д. 520 и др.

⁷ Там же. Д. 625.

⁸ Там же. Д. 727. Л. 4, сл.

⁹ Там же. Д. 520.

¹⁰ Там же. Д. 826. Л. 2; Д. 1021. Л. 1-2; Д. 511. Л. 1-2.

¹¹ Там же. Д. 1093. Л. 1-4.

¹² Там же. Д. 625. Л. 2, 3об, 6-7.

¹³ Там же. Д. 489. Л. 2-3.

¹⁴ Там же. Д. 816. Л. 8-9.

¹⁵ Там же. Д. 923, 924 и др.

¹⁶ Там же. Д. 814.

¹⁷ Там же. Д. 433, 454, 457, 477, 505 и др.

¹⁸ Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 г. Т. IV. 1788-1803. СПб., 1911. С. 273.

¹⁹ Там же. С. 1063-1064.

²⁰ Там же. С. 121, 177, сл.

²¹ Там же. С. 370-371.

²² См.: Сухомлинов М.И. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. Т. 1. СПб., 1889. Изд. 2-е. С. 378–382.

²³ См., напр.: Право естественное, сочиненное профессором императорского лицея Александром Куницыным. СПб., 1818; Галич А. История философских систем. Кн. 1. СПб., 1819 и др.

²⁴ РГИА. Ф. 732. Оп. 1. № 20 (о книге А. Куницына «Право естественное») и др.

²⁵ Там же. № 383 и др.

²⁶ /Магницкий М.Л./ Два мнения попечителя Казанского учебного округа Магницкого // Русский архив. 1864. Вып. III. Стлб. 321–329. Ср.: Выписки из Статистики Российского государства, составленной адъюнкт-профессором Главного Педагогического института Арсеньевым, посвященной бывшему попечителю Уварову 1818 г., и замечания на нее Магницкого // Сборник отделения русского языка и словесности императорской Академии наук. Т. IX. СПб., 1872. С. 69–78.

²⁷ Плисов М.Г. Историческая записка о деле С.-Петербургского университета // Сухомлинов М.И. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. Т. 1. СПб., 1889. С. 307–337.

²⁸ Тишкин Г.А. И.П.Шульгин и П.А.Плетнев: история Санкт-Петербургского университета в освещении его ректоров // Очерки по истории Санкт-Петербургского университета. Вып. 7. СПб., 1998.

²⁹ Плетнев П.А. Перемещение университета в Санкт-Петербурге // Современник. 1838. Т. X. С. 1–11.

³⁰ Веселовский К.С. Отношение императора Павла I к Академии наук // Русская старина. 1898. Кн. V. С. 235–237.

³¹ Краснобаев Б.И. Глава двух академий // Вопросы истории. 1971. № 12; Лозинская Л.Я. Во главе двух академий. Изд. 2-е. М., 1983; Коломинов В.В., Файнштейн М.Ш. Храм муз словесных. Л., 1986. — Упомянем и работы авторов данной книги: Тишкин Г.А. 1) Петербургский университет и начало высшего женского образования в России // Очерки по истории Ленинградского университета. Вып. 4. Л., 1981. С. 15–32; 2) Е.Р. Дашкова и учебная деятельность Петербургской академии наук // Очерки по истории Ленинградского университета. Вып. 6. Л., 1989. С. 190–208; Марголис Ю.Д., Тишкин Г.А. Воронцовы — два века в истории России. СПб., 1993. С. 7.

³² Моисеева Г.Н. Подготовка текста, статья и комментарии // Дашкова Е.Р. Записки. 1743–1810 / Отв. ред. Ю.В.Стенник. Л., 1985; Веселая Г.А. Составление и комментарии // Дашкова Е.Р. Записки; Письма сестер М. и К. Вильмонт из России / Отв. ред. С.С.Дмитриев. М., 1987.

³³ Дурылин С.Н. «Друг Гете» // Литературное наследство. Т. 4–6. М., 1932. С. 207, сл.

³⁴ Пугачев В.В. К вопросу о политических взглядах С.С.Уварова в 1810-е годы // Уч. зап. Горьковского университета. Сер. ист.-филолог. Вып. 72. Т. 1. 1964. С. 125–131.

³⁵ Марголис Ю.Д., Тишкин Г.А. Отечеству на пользу, а россиянам во славу. С. 4.

³⁶ Окунь С.Б. Образование Санкт-Петербургского университета и начальный период его деятельности. 1819–1855 // История Ленинградского университета: Очерки / Отв. ред. В.В.Мавродин. Л., 1969. С. 17.

³⁷ Там же. С. 14.

³⁸ Там же. С. 18.

³⁹ Там же. С. 18–19.

Глава первая

«АКАДЕМИЧЕСКОЕ ВСЕУЧИЛИЩЕ»

В главе «После Ломоносова» нашей монографии 1988 г. выражалась надежда, что дальнейшее изучение Академического университета и неразрывно с ним связанной Академической гимназии представляет новые свидетельства важной роли, которую продолжал играть Университет Петербурга в развитии национальных культуры и просвещения, в частности, в подготовке национальных кадров ученых.¹

Можно с удовлетворением констатировать, что эти надежды оправдались, и в предлагаемой вниманию читателя книге есть возможность привести новые факты, подтверждающие не просто существование Петербургского университета после 1766 г., а возрастание его роли как кузницы национальных научных кадров, его выдающийся вклад в укрепление и развитие сотрудничества академической молодежи с корпусом признанных ученых — академиков и профессуры, в изучение малоосвоенных российских окраин, в межнациональное сотрудничество ученых, в структуру культурно-просветительской деятельности.

Тезис о возрастающей роли Университета в городе на Неве тем более существен, что его развитие, особенно в павловское время, происходило не благодаря, а вопреки политике государства в сфере, которую в чуть более позднее время российская общественная мысль и публицистика назовут «университетским вопросом».

Именно отсутствие достаточной правительственной поддержки подвигло поборников российского просвещения из числа ведущих деятелей Университета в Петербурге предложить и реализовать идею создания при Академии наук «Академического всеучилища»,² объединившего по сути функции гимназии и университета, в форме, объективно предвосхищавшей появление будущих лицеев — Царскосельского и Ришельевского.

Сам по себе факт объединения Университета и Гимназии не содержал в себе ничего искусственного. В представлении великого реформатора, автора идеи «триединого здания» (Академия — Университет — Гимназия) Петра Великого, эти учебные заведения в Петербурге должны были стать нераздельными составляющими единого целого. Почти полувековое их сосуществование в системе Академии наук отнюдь не было формальным: оба заведения находились продолжительное время под одной крышей, гимназистам и студентам преподавали одни и те же лица, среди которых немалую долю составляли профессора-академики, учебная программа Гимназии с первых лет ее существования была нацелена на подготовку своих лучших выпускников для поступления в Университет, а наиболее способные и подготовленные студенты Университета становились учителями младших классов Гимназии.

Одним из самых деятельных создателей «Академического всеучилища» (нередко оно традиционно называлось «Гимназией», что с античных времен обозначало также и «школу высших наук») стал Л. И. Бакмейстер, многолетний наставник гимназической молодежи, убежденный поборник педагогических идей М. В. Ломоносова.

О фактическом слиянии Университета и Гимназии можно уверенно говорить как о событии 1770 г., когда Бакмейстер ввел для лучших учеников старшего класса Гимназии «университетское преподавание на латинском и немецком языках», после чего в следующем году программа обучения наиболее достойных из них была расширена в сущности до уровня университетской (в частности, за счет увеличения программного материала по математике, физике, естественной истории и привлечения к преподаванию академиков А. И. Лекселя, К. Ф. Вольфа, Э. Г. Лаксмана и Г. В. Крафта); этим учащимся были даны студенческая форма, шпага и звание «элевов» (от французского élève).

В монографии 1988 г. мы привели возражения против нередкого в современных исследованиях перевода понятия «элев» словом, неопределенно характеризующим обучаемого, — «учащийся». В действительности понятие «элев» употреблялось в Академии наук и в «Академическом всеучилище» только как синоним слова «студент». ³ Это подтверждает блок документальных материалов, относящихся к 1788–1790 гг. Так, в протоколах заседания Конференции императорской Академии наук от 14 февраля 1788 г. есть следующая запись:

«Секретарь зачитал письма академических элевов, студентов в Геттингене (от 30 дек. 1787 и 2 февр.), содержащих отчеты о разных занятиях, которые каждый из них посещает и которые

предлагают на рассмотрение Ее Светлости княгини Директора Дашковой и Академии следующие обязательства:

1. Каждый из них потерял при обмене по курсу сумму ок. 10 р. на двух последних переводах, которые делала Академия.

2. Господин Сахаров, кроме этого убытка, был вынужден сделать долги, покрывая непредвиденные расходы из-за своей тяжелой болезни, которую он перенес прошлым летом и что он не имеет денег, чтобы записаться на курс по металлургии, который ему предложил профессор Гмелин на текущий семестр.

3. Все занятия так же, как расходы на содержание, должны были оплачены перед семестром. А именно господину Паку и господину Мишелю. Элевы хотели бы получить свое жалованье вперед (...)

Секретарь затем сообщил, что он уже уведомил Ее Сиятельство княгиню Дашкову о содержании этих писем и что она соизволила согласиться с просьбами Элевов и приказала, чтобы эти господа получали вперед их жалованье два раза в году, т. е. господин Пак и господин Мишель, что им будет выплачена сумма, которую они потеряли при обмене по курсу, элеву Сахарову сверх этого 20 руб., которые будут приняты в расчет по его возвращении, т. к. Академия не обеспечивает сверх того, что было оговорено при расходах элевов». ⁴

То, что в этом официальном протоколе «элевы» употребляется в смысле «студент», подтверждается и контекстом, и содержательной стороной описания учебной деятельности молодых людей: они ведут различные «занятия», посещают лекции, получают семестровое содержание от Академического университета, директором которого была княгиня Е. Р. Дашкова. Не менее выразительна и следующая запись в протоколах университетской Конференции от 30 марта 1789 г.:

«Господа академики Румовский, Паллас, Лепехин, Крафт, Георги, Фусс и адъютант Шуберт представили копию их рапорта, представленного княгине Дашковой, об успехах, которые сделали господа студенты Кононов и Севергин в науках, которые они получали в Геттингене. Все эти рапорта, которые должны были сохранены в архивах, содержат похвальные свидетельства и убежденность в том, что эти молодые элевы хорошо использовали современную литературу, будучи в Университете». ⁵

Запись от 24 сентября 1789 г. в протоколах Академической конференции гласит следующее:

«Господа Придворные советники Лепехин и Соколов представили каждый в отдельности благосклонные рапорта об успехах, которых достиг в науках студент Сахаров за время пре-

бывания в Университете Геттингена. Когда коллеги советник Паллас и профессор Георги представят свои (рапорта) и когда написанное элевом сочинение будет проверено, Конференция представит общий рапорт княгине Дашковой». ⁶

Еще одним непреложным свидетельством того, что слово «элев» в официальном словоупотреблении, принятом в Академии наук, означало «студент», является запись в протоколах Академической конференции от 25 мая 1789 г., в которой говорится:

«Господин проф. Фусс переслал исследование студента Кононова, извиняясь за свое отсутствие, и выражает свое мнение следующими словами: Исследование, представленное господином Кононовым 14 мая, содержит полное и удовлетворительное решение проблемы интегрального расчета, которая ему была предложена. Оно служит новым доказательством способностей этого элева и подтверждает хорошее мнение, которое господа академики выразили, экзаменуя уже известного своими способностями и успехами в своих исследованиях элева. Таким образом, он заслуживает со всех точек зрения быть рекомендованным Ее Светлости княгине Директору и быть поддержанным в академической карьере, которую он избрал». ⁷

Можно было бы привести и еще немало документов, подтверждающих сказанное по поводу смысла понятия «элев», какой вкладывали в него в Академии наук и в «Академическом всеучилище». Ограничимся здесь еще одной характеристикой студента-элева Сахарова, данной ему группой академиков в связи с рекомендацией его к «причислению» к Академии наук:

«Господа Академики Паллас, Георги и Соколов представили рапорт о химическом исследовании студента Сахарова (...). Так как они единодушны в том, что этот элев отчитался в своих солидных знаниях, и он заслуживает похвалы и быть причисленным к Академии, Конференция нашла возможным рекомендовать его благосклонности мадам княгине Директору, передав ей копию этого рапорта». ⁸

Конечно, вопрос об употреблении термина «элев» не более как частность. Но эта частность проливает свет на статус «Училища Академии» как вынужденного временем синтеза Гимназии и Университета.

Отнюдь не случайно существовала практика перевода старших гимназистов в «элевы», как и наделение элевов обязанностями и правами студентов.

То, что назначение из гимназистов в студенты сопровождается награждением назначенных шпагами, подтверждает, например, следующая копия с «дневниковой записки» академи-

181188

ческой
«Ис
кову
из гим
2 руб.
дать с
Дашко
Эта
мичес
пуски
тета.
В с
гимна
Акаде
при А
твор
назии
запис
как б
адрес
ситет
ются
сомне
вешал
даник
Из
что «
ский
Он кр
гинал
Но да
гимна
подры
ческой
этого
Но,
вания
ческой
ситет
связи
об оп
учебно
проше
с Акад

ческой канцелярии от 23 марта 1794 г.:

«Исправляющему эскуторскую должность Гавриле Волкову по рапорту его, на платеж закупленных для назначенных из гимназистов в студенты шести шпаг каждая с прибором по 2 руб. 50 коп. — пятнадцать рублей из экономической суммы выдать с запискою в расход... На подлинном подписано Княгиня Дашкова, Николай Чихачев, секретарь Петр Волков».⁹

Эта практика определялась тем, что учебный план «Академического всеучилища», состав преподавателей и судьба выпускников в полной мере соответствовали статусу университета.

В связи с реформой Бакмейстера и вопреки факту подготовки гимназистов-старшеклассников по программе университета в Академической канцелярии полагали даже, что университет при Академии «перестал быть». Знаком такого — по сути противоречащего фактам — восприятия последствий слияния Гимназии и Университета во «Всеучилище» является, например, запись академической канцелярии от 9 декабря 1790 г. о том, как были вскрыты два пакета из Венгрии для Академии: «один адресован Академии наук, второй — Петербургскому Университету, которого не существует».¹⁰ Одновременно пакеты являются важным подтверждением того, что в Венгрии в 1790 г. не сомневались в существовании в Петербурге Университета и извещали его о новых научных журналах, предполагавшихся к изданию в Буде с 1791 г.

Известно, что министр-обскурант Д. А. Толстой, признавая, что «гимназисты-элевы изучали "сокращенный" университетский курс», считал, будто этот курс «не мог быть полезен».¹¹ Он критически отнесся к разработке И. И. Лепехиным «оригинальных правил производства гимназистов в студенты».¹² Но даже собственная работа Д. А. Толстого «Академическая гимназия в XVIII столетии...» содержала ряд констатаций, подрывающих скепсис автора в отношении статуса «Академического всеучилища» (впрочем, Д. А. Толстой воздержался от этого названия).¹³

Но, быть может, с особенной очевидностью факт использования термина «Училище...» для обозначения той Академической гимназии, старший класс которой обучался по университетской программе, подтверждает официальная переписка в связи с прошением надворной советницы княгини Волконской, об определении «ее сына в Академию Наук или другое какое учебное место на казенный кошт», причем извещенный об этом прошении Павел I «высочайше повелеть соизволил... снести с Академиками, может ли сын просительницы принят быть на

190188

казенный кошт». Ответ академиков гласил буквально следующее: «как по справке в Канцелярии оказалось, что в Училище Академии наук вакансии, на которую бы означенной княгини Волконской сын мог быть принят на иждивении казенном ни одной не имеется ... », то и принять сына Волконской в училище нельзя.¹⁴

Заслуживает, несомненно, быть отмеченным, что в составе воспитанников «Всеучилища» были и своеобразные предшественники современных заочников — молодые люди, совмещавшие обучение в Университете с исполнением чиновничьих должностей в Академии наук. В журнале академической канцелярии 13 октября 1800 г. помечена следующая нетривиальная запись:

«Слушали прошение канцеляриста Павла Ермолаева (...) что он воспитан в Гимназии Академии наук, где обучавшись с 1792 г. преподаваемым наукам и приобретя в них некоторые успехи, определен в реченую Канцелярию к письменным делам 1797 года марта 26 числа, в коей и по сие время находится, но как он противу своих сотоварищей, и даже младших его классами выпущенных из гимназии студентами, много лишается, то и просит в уважение сего и в сравнение других переименовать студентом, с отданием со дня вступления в действительную сей Академии службу старшинства, оставя его при исправлении настоящей его столоначальничей должности. Приказали: означенного просителя за добропорядочное поведение, отличное прилежание к должности и оказанные им в бытность его при гимназии ... успехи и в поощрение его к прохождению дальнейших трудов с усердием, переименовать студентом ... » с оставлением в должности канцеляриста.¹⁵

Если верно, что качество преподавания прежде всего определяется составом преподавателей, то следует сказать, что штат преподавателей «Академического всеучилища» вполне отвечал университетским критериям. Помимо названных уже выше академиков, к обучению старших гимназистов, элевов и студентов в разные годы были привлекаемы также академики С. Я. Румовский, П. Б. Иноходцев, Ф. И. Шуберт,¹⁶ И. И. Лепехин,¹⁷ профессора С. К. Котельников,¹⁸ А. Б. Соколов.¹⁹ Да и менее титулованные преподаватели «Всеучилища» были признанными и авторитетными знатоками тех дисциплин, которые вели. В их числе преподаватель богословия, нравственной философии, истории и латинского языка «протоиерей и кавалер» Павел Озерецковский, преподаватель «верхнего французского класса» титулярный советник Иллер, преподаватель минералогии надворный советник Герман, преподаватель исторического класса титулярный советник Генрих Зон, преподаватель «чи-

стой математики» Петр Буканов.²⁰

В практике комплектования преподавательского штата «всеучилища» широко практиковалось привлечение в его состав способных выпускников Академической гимназии.

По предложению руководителя «Всеучилища» П. П. Бакунина 22 января 1795 г. воспитанник Академической гимназии А. К. Кононов, прошедший многолетний путь обучения и воспитания (гимназист — элев — адъюнкт), был избран в «ординарные академики и стал профессором “Всеучилища”». ²¹

О процедуре привлечения к преподаванию во «Всеучилище» наиболее способных молодых иностранцев на русской службе свидетельствуют многие записи в Протоколах академических конференций. Характерна следующая запись, помеченная 18 сентября 1786 г.:

«Княгиня Дашкова, прочтя в предшествующих протоколах положительную оценку, данную господами придворными советниками Котельниковым и Румовским по поводу исследований географа Шуберта, приказала представить его Конференции с целью присвоения звания Адъюнкта математики, сохранив за ним его обязанности в географическом департаменте. Это назначение прошло единодушно, и гос. Фредерик Теодор Шуберт был объявлен Адъюнктом математического класса». ²²

29 января 1795 г. по предложению П. П. Бакунина адъюнктом Академии был избран помощник библиотекаря и корректор Академической гимназии Ян Бусс, ставший, таким образом, и профессором «Академического всеучилища».

Еще одним важным резервом пополнения преподавателей Университета-Гимназии («Академического всеучилища») стали в 80-х годах XVIII в. лучшие из питомцев учительской семинарии. Они почитали за честь оказаться в числе учителей Академической гимназии. Одно из ярких свидетельств тому — заявление в академическую канцелярию выпускника учительской семинарии Евдокима Луцкого, датированное 30 июня 1799 г.:

«Находясь в Учительской гимназии, состоящей под ведением комиссии об учреждении народных училищ, — писал Луцкой, — обучался я истории натуральной и всемирной, географии, Латинскому и Греческому языкам. При случае с открывшейся ныне при помянутой Академии вакансии исторического учителя, которого должность я заступил по приказанию его высокопревосходительства Господина Президента Академии Кавалера Барона Андрея Львовича Николаи, объявленному мне чрез ректора Академической Гимназии, и исправляю уже оную с 1-го числа сего июня месяца: почему канцелярию покорнейше прошу определить мне положенное за тот класс жалование со

времени моего вступления. Студент Евдоким Луцкой». ²³
Управлявшая Учительской семинарией Комиссия, на протяжении многих лет и после того, как семинария начала работать, именовавшаяся «Комиссией об учреждении училищ», поддержала заявление своего питомца. В деле Луцкого содержится документ, подписанный Ф. Янковичем де Мириево, в котором содержится следующая мотивация этой поддержки:

«Обучая в академической гимназии воспитанников историческим предметам, можно изощрить и усовершенствовать себя чрез то в способе учения, получая при том некоторую для себя выгоду, почему Комиссия на преподавание им Луцким исторических предметов в Академической Гимназии изъявляет свое согласие». ²⁴

Евдоким Луцкой стал преемником Г. Зона в качестве учителя истории «старшего» класса гимназии с 15 июня 1799 г.

Питомцем Академической гимназии и Академического университета был и известный минералог академик В. М. Севергин. Отзыв академика П. С. Палласа о конкурсном сочинении Севергина гласил:

«Я прочел исследование Севергина о природе и образовании базальта, и я должен засвидетельствовать искреннее удовлетворение, что это первое эссе свидетельствует о его знаниях глубоких и основательных и предвещает Академии Товарища, который принесет ей славу, если он продолжит совершенствование в своей области. Исследование, которое я имею честь послать Академии, хорошо сделано, если учесть молодость элева, латинский слог его чист и ясен (...) и я называю его человеком очень продвинутым и зрелым в области, которую он исследует». ²⁵

Впрочем, Паллас напомнил в этом отзыве, что минералогия не является «его областью как академика» и что он с охотой выслушал бы мнение тех, кто «в курсе современных публикаций по минералогии». Разумеется, авторитетную оценку Палласом труда Севергина никто из членов академической конференции под сомнение не поставил. Севергин стал адъюнктом. Так началась его блистательная карьера в Академии наук.

Вместе эти наставники смогли осуществить преподавание ряда фундаментальных дисциплин (включая математику и физику) на университетском уровне. Да и в тех пяти младших «чинах» «Всеучилища», которые именовались по-прежнему «гимназией», обучение было построено столь продуманно и эффективно, что они уверенно готовили молодежь к постижению высших наук и — впоследствии — к деятельности на академическом поприще. Судить об этом, в частности, позволяет датирован-

ный 1795 г. «Набросок проекта учебного плана Академической гимназии» (от старшего — первого — до младшего — шестого — классов). В «Наброске» говорилось:

«Академия наук приемля в уважение умножившееся число гимназистов, желая устроить упражнения их, за благо решила предписать г-ну инспектору гимназии и академику Иноходцеву всех господ учителей обучающих при гимназии собрать и согласясь с ними образовать удобное разноположение часов и разделить учащихся по их способностям, приравливаясь сколько возможно следующему начертанию: { ... } Второму классу предполагаются { ... } упражнения в языках, исключая только итальянский, уважая однакож, что обучающиеся в сем классе таковые, которые, не имея еще великих успехов в языках, требуют учителей, которые должны входить более в подробнейшее обучение каждого ученика. В сем классе не будут обучать ни физике, ни вышней математике, а одной только геометрии. В истории займется обучающий первоначальным основанием оной продолжая преподавание сие до 8-го столетия. О географии должно внушить всеобщие понятия, не входя в частное и подробное описание каждой земли, протчее же время займется рисованием и обучением в чистописании российском и иностранном. Третий класс исключая английского, в тех же языках, как и второй, упражняется; но будучи слабее в знании оных тем займется, чтобы на следующий год вступить во второй класс. В науках же равномерно будет иметь учителей в геометрии, паче же в окончательном познании арифметики, также вместо гражданской истории будет учиться священной истории. В сем еще классе должно быть крайне уважено, чтобы обучить хорошему и чистому писанию для чего и в рисовании должно стараться чтобы успевали. Четвертый класс имеет быть составлен из таковых, кои умея читать и писать, могут заняться первоначальными основаниями грамматики во всех обучающихся языках, катихизисом, рисованием, чистописанием и арифметикою. Пятый и шестой класс имеет одинаковые упражнения, и для того только надвое разделен, что число малолетних неспособных еще ни к какому обучению по неумению грамоте столь велико, что неудобно в один класс может поместиться и оный единственно чтением и писанием в четырех означенных языках, также и по знанию арифметических знаков и первых оных употреблению занимается».²⁶

Уместно подчеркнуть, что учебные планы «Академического всеучилища», так же как и его практическая деятельность, постоянно совершенствовались. Так, в 1762 г. «по высочайшему повелению учрежденная при Академии наук Комиссия обра-

тила внимание свое на Училище, что департаменты от коих она имела ожидать со временем достойных членов Академии и снабжать по возможности другие места ... » должны и впредь «пецись» о том, чтобы основные «наставления в науках преподавали Академики и некоторые (питомцы училища. — Авт.), переименованные студентами».²⁷

Конечно, Гимназия-«Всеучилище» развивалось отнюдь не прямолинейно по восходящей. Сказывались неизбежные спады в связи с естественной сменой наставников. Так было, например, в начале 1770-х годов, когда «по смерти профессоров философии и физики Брауна, древностей и истории Фишера предписано было логику читать бывшему при Гимназии инспектору Бакмейстеру, древности и латинских авторов толковать бывшему при гимназии конректору Штриттеру (...) преподаваемы были наставления в математике, химии, анатомии и истории натуральной».²⁸ Но «академики Котельников, Румовский, Протасов и Лепехин, кои составляли Комитет, для рассмотрения училища назначенный», не оказались удовлетворены постановкой обучения. Из-за материальных трудностей в иные годы сокращалось число воспитанников. В 1782 г. академики-кураторы «Всеучилища» констатировали: «Училище академическое состоит ныне только из 28 человек, препорученных в смотрение одного только учителя и двух элевов со стороны принятых».²⁹

Однако «Всеучилище», преодолевая трудности энтузиазмом поборников российского просвещения, оказавшихся способными при Екатерине II и Павле I привлечь к заботам об этой неотъемлемой части Академии наук верховную власть, продолжило свою деятельность вплоть до начала XIX в.

Обратимся к характеристике состава учащихся «Академического всеучилища» — гимназистов, студентов-элевов и «вольноприходящих учеников». Отметим вначале, что «вольноприходящие» обучались бесплатно без претензии на помощь Академии. Гимназисты же и студенты-элевы такую в различных формах, описываемых ниже, получали. Число обучающихся во «Всеучилище» было подвержено резким колебаниям: от 4 гимназистов-студентов в 1777 г. до 112 в середине 1790-х годов, во времена директорства княгини Е. Р. Дашковой (этому времени ниже будет посвящена особая глава). Эти колебания были прямым следствием разной степени рачительства в отношении «Всеучилища». При Е. Р. Дашковой и значение его повышалось, и деньги, необходимые на поддержку учебных зданий, экипировку, учебники и учебные приборы, находились. Непрост ответ на вопрос о социальном облике учащихся. Есть документы, свидетельствующие, как будто, о принадлеж-

ности большей части воспитанников «Всеучилища» к дворянским, т. е. относительно состоятельным семьям. Такова, в частности, «Ведомость, по которой следует получить данные за содержание в Академической Гимназии Пенсионеров от нижеследующих родителей и родственников их» (1802 г.). В ней говорится, что за обучение в Академической гимназии в канцелярию должны поступить деньги «от камергера барона Г. А. Строгонова на Петра Балашова, от отставного майора Василия Быкова на сына Василия Быкова, от негож майора Быкова на Владимира Быкова, от губернского секретаря Ивана Гудимова на Александра Гудимова, от коллежского регистратора Григория Борисова на Василия Борисова, от придворного актера Антона Крутицкого на Иосифа Крутицкого, от академика Шуберта на Карла Силанда, от надворного советника Александра Стаханова на Пантелея Стаханова, от коллежского советника Вилима Кослика на Павла Вильгельмса, от Санкт-Петербургского купца жены вдовы Катерины Ивановой на Петра Ханина, от надворного советника Кокурина на Павла Кокурина, от негож Кокурина на Николая Кокурина, от коллежского секретаря Андрея Кузнецова на Александра Кузнецова, от учителя Александра Ламне на Иоганна Иогансона от учителя гимназии, от учителя гимназии Иллера на Александра Рыколовского, от вновь вступивших: от статского советника Модеста Петровича Бакунина от супруги на Евдокима Саблина, от госпожи полковницы Татьяны Мелеховой на Александра Рыкова, от покойного придворного банкира барона Фридерикса, от жены, вдовы Регины Луизы на Захара Христенена».³⁰

В этой ведомости дворянских фамилий значится не менее 12, т. е. две трети, а выходцев из разночинной среды почти нет.

Но представительность этого документа невелика. Фронтальное изучение сохранившихся материалов о составе учащихся «Всеучилища» показывает наглядно, что ломоносовский принцип «лишь бы знал, а чей он сын, в том нет нужды» воплощался в жизнь и «после Ломоносова».

Так, ректор К. Ф. Герман доносил в академическую канцелярию в сентябре 1800 г., что в составе вольнообучающихся в училище значились, в частности, «Иван Пингер, сын медника Ивана Пингера, Карл Фридрих Шахт сидельника Карла Шахта, Емельянов солдата Емельяна Андреева, Симеон Степанов лакея Ивана Степанова, Оттон Христиан Грибко покойного арендатора Грибко и находится ныне у своей матери Анны Грибко». Примечательно, однако, что дверь крепостным во «Всеучилище» была и в начале XIX в. закрыта наглухо. В том же документе читаем, что если «показанный» в числе пенсione-

Сост. состав
уч. кол.
диз. Шубер

2

Фухото
в состав
Ломоносова

2019/8/30 12:17

ров Семион Степанов окажется сыном «не придворного служителя, а какого-либо господского человека, то ему в хождении в гимназию отказать, а (...) пенсионерам Березникову и Татариннову (...) позволить просимое время безденежно пользоваться гимназическим наставлением».³¹ Этот документ К. Ф. Германа весьма репрезентативен.

С ним явно коррелируют и «всепокорнейшая просьба» тульского купца Емельяна Солодовникова «о принятии в Академическую гимназию двух его сыновей Абрама (12 лет) и Семена (7 лет), старшего на пенсионное содержание, а младшего вольным учеником»,³² и в «канцелярию Императорской Академии Наук от механика Ивана Кулибина Покорнейшее прошение». В последнем говорилось:

«Резолюциею оной Канцелярии на прошение мое 1798-го года мая в 15 день последовавшею определено сына моего Дмитрия принять в Гимназию Академии Наук на первую вакансию, которая от того числа очистится на казенное содержание и на первый год платье, белье, обувь, ложку серебрянную и на постельный прибор — денег десять рублей от меня принять, и о том — кому следовало тогда ж предписано указами, и мне копию с оной резолюции объявлено; но как оный сын мой и до ныне по силе прописанной резолюции в Гимназию не изтребован; а я уведомился, что находящийся в Гимназии на казенном содержании воспитанник Пинин о увольнении его из оной подал в Канцелярию прошение; почему Канцелярию Императорской Академии Наук покорнейше прошу на основании сделанной резолюции и мною вышепрописанной; показанного сына моего Дмитрия в Гимназию на казенное содержание принять, определенные же на постельный прибор десять рублей при сем прилагаю

К сему прошению механик Иван Кулибин руку приложил.
Сентябрь 1800 года.

В меморий сего числа Господином президентом написано исполнять ... ».³³

Репрезентативно и прошение форстмейстера (лесничего) Карла Фейерейзена, который писал:

«За два с половиною года я подавал письменное прошение на Высочайшее имя Государя императора Павла I-го о принятии в Академическую Гимназию трех моих сыновей, и имел то счастье, что они по именному повелению в оную были приняты. Обстоятельства заставили взять старшего сына домой; но младшие оба остались в Гимназии для совершенного окончания преподаваемого там учения, дабы со временем они могли сделаться искусными и государству полезными людьми. Я уведомился,

что недавно сделана в учении новая перемена, в разсуждении которой живущие в нижнем етажѣ воспитанники, между коими находятся и мои дети, назначаются к должностям низкого состоянія; а живущие вверху воспитываются для состоянія ученых, художников и т. п. При чем их наставляют в вышних науках и содержат лучше: сии последние называются гимназистами или студентами, а первых зовут просто синяками! Мне до того нет надобности в каком бы платьѣ дети мои ни ходили в синем или сером: но долгом своим почитаю сколько возможно стараться, чтобы дети мои были основательно научены, и к чести императорской Академии Наук сделались искусными и полезными людьми.

По сей причине осмеливаюсь Канцелярии Императорской Академии Наук письменнo о сем представить и Ее всепокорнейше просить, дабы Она благоволила, если можно, дать приказание о перемещении детей моих Георга и Экзавера Фейерейзеных в верхние классы. Я не сомневаюсь, что Канцелярия удостоит внимания мою справедливую просьбу, принимая в уважение ту обязанность, которую имею я как отец стараться о пользе своих детей. Сию для моих сыновей великую милость я приму с величайшей благодарностию

Форстмейстер 9-го класса Карл Фейерейзен
Петергоф мая 17-го дня 1801 г.»³⁴

Прошение лесничего Карла Фейерейзена было удовлетворено.

Понятны причины, почему «Всеучилище» с особой охотой принимало молодежь, происходящую из ученой среды. К чести училищных наставников, они глубоко постигли значение семейных традиций, преемственности поколений ученых, объединенных узами семейного родства. Характерна (не только содержанием, но в не меньшей мере убеждающей стилистикой) просьба Президенту Академии наук барону А. Л. Николаи «об определении» в Академическую гимназию племянника академика Э. Г. Лаксмана (от 12 июня 1802 г.):

«Желая устроить судьбу десятилетнего сына умершего таможенного надзирателя Лаксмана, родного племянника покойного профессора Лаксмана, побуждаюсь покорнейше просить ваше превосходительство оказать сему сироте отеческую милость принятием его в воспитанники Императорской Академии Наук, чего и родственники его весьма желают. Сим изволите почтить память известного по своим достоинствам и трудам его дяди, и доставить отечеству гражданина со способностями, каковых по убожеству своему не мог бы он приобрести сам собою, и кои подадут ему возможность итти по следам покойного сво-

его родственника. В надежде на исполнение сей моей прозьбы с истинным почтением и таковою же преданностью имею честь быть вашего превосходительства милостивого государя моего покорнейший слуга А. Витовтов. 12 июня 1802 г.»³⁵

По тем же основаниям во «Всеучилище» был принят и Фридрих Рихман, сын профессора физики Г. В. Рихмана, трагически погибшего в лаборатории при постановке опыта с шаровой молнией. Это было верное решение академической канцелярии: сын сподвижника Ломоносова университетского профессора Г. В. Рихмана учился прилежно и успешно, что и было подтверждено официальным «рапортом» Л. И. Бакмейстера от 22 февраля 1773 г.:

«Фридрих Рихман, сын покойного профессора Рихмана, принят в Гимназию Имп. Акад. наук в число казенных учеников 1761 г. ноября 9 дня и был в отпуске до 28 февраля 1765 г., с которого времени в принятую вступил и обучался Латинскому, Французскому, немецкому языкам, Арифметике, Геометрии, Географии и прочим преподаваемым в гимназии наставлениям; а потом с марта месяца 1770 года слушал у господ академиков Астрономию, Алгебру, Фисику, Ботанику, Анатомию и Хемию...»³⁶

«За услуги отца сей Академии» был причислен по решению княгини Е. Р. Дашковой «в число студентов» Академического университета (30 марта 1786 г.) и Фридрих Горри, обучавшийся в Лейпцигском университете, причем было положено «жалованья оному студенту производить по сту рублей в год с 1-го числа наступающего апреля месяца, которое и выдавать здесь кому отец его в принятии оного дает доверенность, а ему для продолжения его наук еще три с половиною дозволяется пробыть в Лейбциге, после же сего непременно приехать в Санкт-Петербург и явиться в Академию. О чем г. надворному советнику и академику Лепехину для ведения дать выписку».³⁷

Заслуживают внимания и не вошедшие до сих пор в оборот науки документы об обучении в Академической гимназии молодых людей, внесших впоследствии заметный вклад в развитие русской культуры. Таковы, в частности, документальные свидетельства об ученических годах будущего выдающегося проsvетителя начала XIX в., писателя Василия Попугаева. Среди них — копия с «дневной записки» в Академической канцелярии от 3 января 1793 г. о том, что канцелярией получены «на содержание пенсионеров Павла Кедрина и Василия Попугаева, считая сего года января с 1-го вперед за год, за каждого по сту десяти рублей, а на обоих двести двадцать рублей в экономическую сумму принять и записать в приход. На подлинной

подпи
Ср
(студ
рес п
пенси
други
Феоф
спосо
ставл
мик п
«Н
из пр
мели
Глеба
ваемь
в язы
и дру
к нау
русск
браже
конце
учите
ков, к
двое
только
и пре
[Ав
пуски
Васил
на каз
в чис.
1795-г
франц
два го
ках и
шитьс
упраж
и Мин
был к
учител
И [в
в Ака
пус ст
времен

подписано Екатерина Дашкова, Николай Чихачев». ³⁸

Среди других документальных свидетельств об ученических (студенческих) годах Василия Попугаева определенный интерес представляет упоминание его имени в кругу имен других пенсионеров «Всеучилища» в 1794–1795 учебном году (среди других пенсионеров упомянуты Евграф Воронцов, граф Санти, Феофан Корягин), ³⁹ а особенно сравнительная характеристика способностей В. Попугаева к переводческой деятельности, составленная академиком Петром Иноходцевым в 1796 г. Академик писал:

«На присланный ко мне 23 сентября запрос отвечаю, что из прежних студентов, кои иностранные языки довольно разумели и переводить на российский могли, все выпущены кроме Глеба Мальгина, который имеет склонность и охоту к преподаваемым наукам, а особенно физике, и желает утвердиться более в языках Английском и Итальянском. Желать надобно, чтоб и другие сему примеру следовали, и не к одним языкам, но и к наукам прилежали, дабы со временем могли заступить место русских Академиков, соответственно высокомонаршей воле избраженной в регламенте Академическом. Из произведенных в конце прошлого 1795 года студентов, по свидетельству господ учителей переводить могут Василий Попугаев и Алексей Волков, кои за год до того были уже в первом отделении; а прочие, двое Красовских и Судаков находятся в сем отделении девять только месяцев, и нужно им еще усовершеняться как в языках, так и преподаваемых науках». ⁴⁰

Авторитетным именем Петра Иноходцева подписано и выпускное свидетельство, выданное 26 января 1797 г. «студенту Василью Попугаеву в том, что он принят в Гимназию (...) на казенное содержание в августе 1785 года: с 1790 г. помещен в число пенсионеров Их Императорских высочеств, а в конце 1795-го произведен студентом. Обучался языкам Латинскому, французскому и немецкому с изрядным успехом, в последние два года нарочито также успел в Аглицком и Итальянском языках и собственным упражнением во всех оных еще более усовершеняться может. Сверх того похвальным прилежанием и успехом упражнялся в чистой Математике, Истории, Географии, физике и Минералогии. При бывших экзаменах в отличие награждаем был книгами; вел себя добропорядочно и заслужил от господ учителей похвалу и одобрение». ⁴¹

И во второй половине XVIII в. продолжалось зачисление в Академическую гимназию семинаристов, пополнявших корпус студентов Академического университета еще с петровских времен. Но приток семинаристов не увеличивался из-за со-

мнительного качества знаний учащихся духовных семинарий, даже московских. Свидетельство тому (одно из многих) — «подкорнейший» рапорт «Ее сиятельству двора ея императорского величества статс-даме, Академии наук директору и ордена святыя Екатерины кавалеру, княгине Катерине Романовне Дашковой» от 28 апреля 1783 г.: «Выполняя приказания Вашего Сиятельства мы нижеподписавшиеся свидетельствовали приехавших из Москвы семинаристов знание, которое, вообще говоря, весьма не велико; а о каждом порознь прилагаем особливую роспись, из коей Ваше Сиятельство усмотреть извольте, что французскому и немецкому языкам, также и арифметике надлежит им учиться...»,⁴² а, следовательно, к обучению в старшем классе «всеучилища» эти молодые люди не были подготовлены. Рапорт подписали академики И. И. Лепехин, Г. В. Крафт, Н. И. Фусс, Ф. Гакман.

Тенденцию к преобладанию разночинцев в составе питомцев Академической гимназии-«Всеучилища» ни в коем случае нельзя признать случайной. Напротив, она воспринимается как результат укоренения ломоносовской традиции. В самом деле, еще в документах, отразивших реформу Академической гимназии, осуществленной И. И. Таубертом в 1765 г., признавалось необходимым «набрать вновь и содержать на основании и законах воспитательного училища при Академии художеств тридцать человек молодых ребят возрастом пяти и шести, а отнюдь не выше семи лет, которых принимать как из бедных дворян буде пожелают, так и из разночинцев; о приемах оных публиковать при газетах печатными листочками, и во все команды разослать, а между тем покуда происходить будет сей набор учеников зделать к их содержанию штат, и какие для того окажутся надобности немедленно приготовить и исправить таким образом, чтоб буде возможно к первому числу будущего августа сего года к действительному приятию и содержанию сих для воспитания к наукам вновь принимаемых тридцати учеников все в готовности было, и учение их в то же время начаться могло...».⁴³

Однако собственная «готовность» к обучению во «Всеучилище» со стороны разночинной молодежи нередко была совсем невелика. Например, в 1771 г. в группе приехавших в Петербург семинаристов из Московской славяно-греко-латинской академии только один Михайло Цветихин слушал в Московском университете «опытную физику и математику». Прочие же (Иван Флоренов, Сергей Лавров, Иосиф Беляев, Федор Каменский, Дмитрий Сонов, Алексей Зднирецкий, Александр Губин, Петр Соколов, Михайло Кунялев, Алексей Шестаков, Алексей Цве-

таев) зна
подготови

проблема

«Практи

бедных д

лась неиз

осудил то

как и гим

ниц, заби

поныне н

питанник

части во

если к он

Среди

назистов

списки «

ких спис

4 студент

Бол, Ива

пугаев с

Согла

назии бь

гимнази

сомненн

служива

ловин, Ф

Ковалев

Фил. Си

Обра

учебног

что до к

дением с

училища

руковод

циально

характер

Академи

сма трив

сами», н

нию «на

«Высс

мум фин

следую

«В пр

таев) значились учениками риторики, и их использование для подготовки по естественным дисциплинам оставалось весьма проблематичным.⁴⁴

Практика допущения в Гимназию молодых людей «как из бедных дворян, буде пожелают, так и из разночинцев» сохранялась неизменной вплоть до начала XIX в. Разумеется, Трауберт осудил тот факт, что ко времени реформы «между студентами, как и гимназистами» находились «почти половина отчасти пьяниц, забияк, ленивых, непонятных и в учении никакого успеха поныне не оказывавших», а потому он и распорядился всех воспитанников, «никакой надежды о себе вперед не подающих, отчасти вовсе отрешить, а отчасти распределить к художествам, если к оным способны явятся...».⁴⁵

Среди отрывочных данных о точном числе студентов и гимназистов, обучавшихся во «Всеучилище», особо авторитетны списки «находившихся на пищевом довольствии». Один из таких списков помечен январем-февралем 1796 г. В нем значились 4 студента (Глеб Мальгин, Григорий Никифоров, Григорий фон Бол, Иван Борм), 104 гимназиста и 21 пенсионер (Василий Попугаев среди них), итого 130 человек.⁴⁶

Согласно рапорту Бакмейстера от 26 апреля 1771 г. в гимназии было 12 старших и 16 младших гимназистов. Старшие гимназисты (по сути — студенты) внесли впоследствии столь несомненный вклад в развитие отечественной культуры, что заслуживают быть названы поименно. Это — Ф. Рихман, Мих. Головин, Фед. Моисеенко, Козьма Флоренский, Ив. Одинцов, Петр Ковалев, Як. Хвостов, Иох. Леман, Вас. Хвостов, Ал. Хвостов, Фил. Сеницкий, Ив. Лебецкий.⁴⁷

Обращаясь к характеристике материального обеспечения учебного процесса в «Академическом всеучилище», отметим, что до конца XVIII и в начале XIX в. над этим учебным заведением сохранялся «высочайший» патронат. Нуждами «Всеучилища» интересовались и Екатерина II, отдавшая его под руководство Е. Р. Дашковой (чему ниже будет посвящена специальная глава), и Павел I, для облика которого полностью характерно стремление в конце «осмнадцатого века» вернуть Академическую гимназию к уставу 1747 г., отнюдь не предусматривавшему ни обогащения ее структуры «русскими классами», ни преимущественной подготовки воспитанников служению «науке».⁴⁸

«Высочайший» патронат обеспечивал «Всеучилищу» минимум финансовой поддержки. О ее размерах можно судить по следующей ведомости 1804 г.:

«В прошлом 1803 г. выдано на содержание в Гимназии вос-

Уч +
ЕИ
Рав
Кто
Саж

питанников и на прочее:

На пищу воспитанников и работных людей	—	6216-19
За делание платья и за шитье онаго	—	1127-80
За шитье белья	—	71-76
— мытье белья	—	615-65
— на медикаменты	—	122-85
На башмаки, чулки и проч. мелочные расходы	—	1571-59
— починку различных ветхостей	—	296-00
Дрова	—	1789-47 ¹ / ₂

Итого — 11911-31¹/₂

На содержание учителей	—	4052-67 ¹ / ₂
смотрителей	—	1070-57 ¹ / ₂
сторожей	—	598-95
	—	415-80

Итого — 6138

а вообще всего — 18.049-31¹/₂
849-81¹/₂

		18.899-13
На свечи	—	285-85 ¹ / ₂
— масло	—	87-75
— бумагу, перья, чернила	—	268-21
— чистоту и подчистку	—	208-00

848-81¹/₂»⁴⁹

Постоянную заботу об укреплении материальной базы учебного процесса проявляли наставники молодежи.⁵⁰ Так, в сентябре 1791 г. «Господин Придворный советник Соколов заявил о необходимости строить новую аудиторию для уроков химии по соседству со старой лабораторией, очень тесной, холодной и сырой, так что химические препараты замерзают, особенно зимой».⁵¹ Он предложил включить это заявление в настоящий протокол и поддержать его «перед Ее Светлостью княгиней Директором».⁵² Княгиня Директор Е. Р. Дашкова поставила эту просьбу в связь с собственным замыслом о перестройке здания Академической гимназии, реализованным при поддержке Екатерины II. В протоколах заседаний академической конференции от 8 апреля 1793 г. появилась запись: «Ее Светлость (...) кн. Дашкова представили через Концелярию доклад Ее Вел-ву Императрице, в котором она Ее просит при-

водя свои доводы, разрешить ей продать большой каменный дом, где находится Акад. Гимназия, а также деревянный дом на 2 Линии, где располагается химическая лаборатория, перевести Гимназию в дом на углу 7 Линии и чтобы его увеличить, построить крыло на линии. К этой копии присоединена копия с выражением согласия Ее Импер. Величества в самых изысканных выражениях». ⁵³

Многочисленны факты воспомоществования «Всеучилищу» со стороны профессуры — предоставлением собственных трудов, учебной литературы, коллекций. В 1787 г. «господин профессор Крафт предложил для библиотеки Краткое Начертание Физики, являющееся волным переводом экспериментальной физики, по которой господин Крафт дает уроки академическим элевам. Этот перевод сделан господином Широкиным, преподавателем географии в Императорском кадетском корпусе и там же напечатанным». ⁵⁴ В 1788 г. княгиня Дашкова передала «Всеучилищу» «Коллекцию минералов с каталогом». ⁵⁵

В мае 1791 г. профессор математики Н. И. Фусс подарил в библиотеку Академии «Уроки алгебры», написанные на основе курса алгебры академика Леонарда Эйлера. ⁵⁶ В 1792 г. свою коллекцию минералов подарил Академии (т. е. фактически Академической гимназии) и «придворный советник» Н. Я. Озерецковский. ⁵⁷ Вскоре же «господин Адъютнт Севергин представил в Архив Конференции сделанный им Каталог минералов, подаренных господином Придворным советником Озерецковским академической гимназии». ⁵⁸

Примеры бескорыстной помощи «Всеучилищу» со стороны академиков-профессоров могли бы быть приумножены.

Следствием именно подобных забот стало богатство библиотеки «Всеучилища», представление о котором дает «Реестр книг, находящихся в гимназической библиотеке», законченный 12 марта 1799 г.

В «Реестре», в частности, значилось: «Российской грамматики Соколова — 75 (экз.), Универсальной истории Гоберта — 6, Грамматики Ломоносовой — 29, Эзоповых басен — 3, Опытной физики Крафта — 10, Похождения Жильблаза — 17, Нравоучительные повествования — 6, Новые ежемесячные сочинения — 16, Всеобщее земли описание — 18, Комедия Награжденное постоянство — 1, Продолжение начального учения — 1, Ядро греческой истории — 1, Сочинения г-на Ломоносова — часть 3-1, часть 4-2, часть 5-2, часть 6-3, Шербатовой истории — 1, Древней Истории Тредьяковского — 1, Зрелище природы том 4-1, Сказка о царевиче Хлоре — 2, Геометрия г-на Румовского — 2, Похождения Телемака — 1, Плоская и сферическая триго-

нометрия Головкина — 1, Объявления о публичных учениях — 2, Способ прять хлопчатую бумагу — 1, Греческая грамматика — 6, Свойство и действие служителей человеческих — 1, О начале Владимирера что на Клязьме — 1, Грушинская грамматика — 1, Аделунгова словарь — 2, Древняя Российская история Михайлы Ломоносова — 6, Путешествия в южную половину Земного шара и вокруг него. Части 2 и 3 — 2, Устав благочиния или Полицейский. Часть 1 — 1, Краткое руководство по красноречию соч. г-на Ломоносова. СПб., 1792 — 5, Начальные основания естественной истории изд. Севергиным в 4-х частях. СПб., 1791 — 2, Российская грамматика, в которой синтаксис и просодия объяснены. СПб., 1788 — 5, Российская грамматика г-на Ломоносова — 28, История разорения Трои. СПб., 1765 — 1, Первые основания металлургии г-на Ломоносова. СПб., 1763 — 1, Начальные основания химии — 10, Полное историческое известие о раскольниках. СПб., 1795, Изд. 2-е — 1, Экономический лексикон. СПб., 1763 — 1, Опыт исторического словаря о российских писателях. СПб., 1772 — 1, Житие свят. патриарха Никона. СПб., 1782 — 1, Селим и Домисина. Африканская повесть. СПб., 1766 — 1, История о переменах в Швеции. Соч. Гертона, в 2-х частях. СПб., 1754 — 2, Торжество философии. Пер. с немец. СПб., 1765 — 1, Всякая всячина — 1, Похождения Невитолема. Москва, 1788 — 1, Жизнь и приключения Робинзона Круза. 2 части — 1, Арифметика г. Котельникова — 1, Слово похвальное Петру Великому. Ломоносова. СПб., 1755 — 2, Школа злословия. Комедия, 1788 — 1, Побочный сын. М., 1788 — 1, Русская летопись по Никонову списку. СПб., 1767 — 1, История славянских великих государей. СПб., 1765 — 1, Обстоятельное наставление по рудному делу. Части 1-4. СПб., 1760 — 1, Сочинения о сибирских рудниках и заводах. СПб., 1797 — 1, Регламент благочестивейшего государя Петра Великого отца отечества. СПб., 1795 — 1, Российская летопись по списку Софийскому Великому Новгорода. Часть 1. СПб., 1795 — 2, Увеселение женского пола. Часть 2 и 3. СПб., 1765 — 2, Универсальная арифметика Эйлера. СПб., 1769 — 27, Школа мужей. М., 1788 — 1, Школа жен. М., 1788. Комедия — 1, История Турецкая. СПб., 1790. Часть 2, 4 — 2, Вольфианина практическая физика. СПб., 1760 — 5, Эзоповы басни. СПб., 1791 — 10, Собеседник Российского слова. СПб., 1723, часть 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16 — 13, О должности человека. СПб., 1783 — 1, Любовники и супруги, или мужчины и женщины — 1, Путешествие капитана Кука — 1, Металлургия с фигурами — 1, Дифференциальные и интегральные исчисления Гурьева — 1, Всемирная история для народных училищ в 3-х частях. СПб., 1801 — 30, Древняя рос-

сийская вифлеофика ... ». ⁵⁹

Этот список должен быть, конечно, изучен средствами современного книговедения. Здесь и сейчас ограничимся двумя наблюдениями. Во-первых, состав библиотеки включает несколько десятков названий, без сомнения, выходящих за потребности среднего образования, но зато вполне уместных для целей образования университетского. Во-вторых, библиотека содержит едва ли не полный список учебных сочинений М. В. Ломоносова — его учебники по истории России, основам металлургии и риторики. Перед нами несомненное и, так сказать, материализованное свидетельство прочности ломоносовских традиций в жизни и судьбе заложенного Петром Великим «триединого здания» — Академии с Университетом и Гимназией при ней.

Тема материального обеспечения «Академического всеучилища» требует внимания к жизнеобеспечению его воспитанников. Уместно подчеркнуть, что и содержание учебных зданий, и затраты на питание, обмундирование, так же как и на командирование их — в целях завершения образования — в заграничные университеты, на поощрение академических успехов молодежи, требовали средств, и немалых. Судить об этом, помимо приведенной выше ведомости расходов на содержание «Всеучилища» за 1803 г., дают возможность и другие документы академической канцелярии. Среди этих документов — прежде всего, ведомости стипендиальных расходов в 1798 г., выглядевших, например, следующим образом (первая цифра ведомости обозначала число учащихся или вид расхода, вторая — размеры «пенсии» каждого или сумму затрат, третья — итоговый расход по данной графе):

«В 1798 г. находилось в Гимназии воспитанников, а именно:

студентов 8 чел	120р. × 8 = 960р.
гимназистов 98 чел.	120р. × 98 = 11760р.
художнических учеников 40 чел.	120р. × 40 = 4800р.
работных людей 21 чел.	1584р.
казенных сторожей 6	6 × 38 = 228р.
мелочные расходы	600р.
дров 555 сажень —	429р.» ⁶⁰

Среди этих документов — и ведомости «об обмундировании студентов, гимназистов и художнических учеников». В одном из них, датированном 1792 г., расписаны такие расходы:

«Для студентов

1. Сукна на праздничные платья 32 арш.	72 р.
2. -" для будничного 29 арш.	67 ¹ / ₂ р.
3. -" для Агафонова 5 арш.	11 р.
4. -" для графа Санти и Воронцова 9 арш.	20 р.
5. -" им же на будничное — 24	37 р.
6. Для их высочеств пенсионеров 10	16 р.
7. Для гимназистов — 220	330 р.
8. Для художественных учеников — 110	148 р.
	<hr/>
	684 руб.». ⁶¹

Документы свидетельствуют о постоянных и значительных расходах на «обмундирование» «академических воспитанников». Типично обращение одного из конректоров «Всеучилища», Вильгельма Кору, в канцелярию Академии:

«Поелику платье гимназистов весьма износилось и у некоторых особливо исподницы совсем изорвались, то почтеннейше прошу Канцелярию приказать, чтобы для гимназистов и пенсионеров, число коих по приложенному при сем списку из 75 состоит, сделаны были новые платья. СПб., 9 марта 1803 г. Вильгельм Кору».⁶²

Не менее характерна и копия с дневной записки делопроизводства академической канцелярии от 24 февраля 1792 г.:

«За шитье платья по одной паре состоящего из кафтана, комзола, двоих штанов и с его прикладом пяти студентам и пенсионерам: графу Санти и Воронцову ... сто четыре рубля семьдесят пять копеек портному мастеру Ефиму Тюкину».⁶³

Заметных средств требовали и ежегодные награждения лучших учеников «Всеучилища». Типична расписка чинов канцелярии книжной лавке о покупке «на русском и иностранных языках 37 книг (на 25 руб. 55 коп.) для награждения успешно сдавших экзамены. На книгах золотом были тиснуты гербы и надписи».⁶⁴

Расходы возрастали и благодаря ремонтным работам в учебных помещениях «Всеучилища» и в общежитии учащихся, о чем также сохранились документальные свидетельства, например, об оплате ремонтных работ «в Строгановом доме» по случаю поставления там в 1800 г. новых оконных переплетов.⁶⁵ Рассчитывать на получение пусть и части требуемых сумм из денег, вносимых в академическую канцелярию в качестве платы за обучение, чаще всего не приходилось.

Нередко академические «требования» об уплате долгов за содержание своекоштных воспитанников оканчивались безрезультатно или «заволокичивались» на долгие годы. В копии

2019/8/30 12:19

с академического «журнала» от 24 октября 1800 г. содержится характерная запись:

«Слушали сообщение Санкт-Петербургской Полицейской экспедиции, коим извещает, что на требование Академии Наук г-жи Генерал-порутчицы Черемисовой по донесению частных инспекторов здесь в городе в жительстве не оказалось, приказали: по таковому извещению полиции о выезде упомянутой Генерал-лейтенантши Черемисовой из Петербурга, обратиться с взысканием к внуку ее бывшего пенсионера Позднякова с отца его, и как по делу значится, что в 1793 г. был он Могилевской верхней расправы Председателем то послать Правит. Сената в Герольдию запрос: не известно ли оной, где он ныне находится при должности и по получении желаемого уведомления, сообщить куда следовать будет. На подлинном подписано президент Николаи».⁶⁶

*Май
дога*

Документы, отложившиеся в архиве Академии наук, изобилуют списками неплательщиков, что было естественным последствием демократизации состава и гимназистов-элефов, и пенсионеров. Документы свидетельствуют, что нередко «высочайшими» манифестами неисправимым должникам объявлялось «прощение» и какое-либо «притязание» к ним прекращалось. Так, в 1793 г. возникла «Ведомость, учиненная в Канцелярии Академии Наук в следствие резолюции ея апреля в 10 день последовавшей, имеющейся в оной долгам о казенных взысканиях, для рассмотрения и решения из них таковых по которым упомянутые взыскания на людях разного рода лежащие до тысячи рублей, изданием того ж апреля во 2-й день всемилоостивейшим манифестом прощены и высочайше повелено всякое дальнейшее по оным притязание остановить и уничтожить

- с 1784 на черниговском купце Колодкевиче,
- с 1793 на генерал-порутчице Черемисиновой,
- с 1794 на СПб. купцах Байбакове и поручителе по нем Шаргаеве,
- с 1799 на жительствующей в СПб. вдове коллеж. асс. Ивановой,
- с 1800 на жительствующих в СПб. коллежских асс. Алексея Иванова и Ивана Розлага,
- с 1793 на порутчике Дмитриеве».⁶⁷

Материальное обеспечение «Академического всеучилища» на протяжении последней трети XVIII в. (после 1765 г.) осуществлялось правительством, и без правительственной поддержки университетское образование в городе на Неве в то время было бы невозможно.

№3

Важнейшим средством обучения в «Академическом всеучи-

лице» были университетские лекции. Университетским критериям они отвечали профессиональным уровнем лекторов (ядро их составляли профессора-академики), содержанием лекционных курсов и самим их набором, тем, что эти курсы были обращены не только «вовнутрь» учебного процесса в Академии наук, но имели чаще всего еще и просветительскую функцию, ибо исполнялись по программам «публичных лекций». Так стало еще при Ломоносове, и так продолжалось после Ломоносова вплоть до начала XIX в. Уже в «рапортах» в Комиссию Академии наук по руководству деятельностью только что возникшего «Академического всеучилища» за 1771 г. можно прочесть, например, что «Для старших шести гимназистов Счастливого, Флоренского, Моисеенкова, Головина, Александра Хвостова и Рихмана определено было читать господам Академикам и читаны лекции; а именно Лексель читал математические, Крафт физические, а Вольф истории натуральной. Прочие же часы оставшиеся оным гимназистам от слушания тех лекций, велено было употреблять на Гимназические упражнения, особенно в разсуждении латинского языка и рисования. Из прочих гимназистов тех, кои еще не обучались французскому языку, обучать оному особенно тех, кои приобрели уже довольно знание в немецком, а наипаче в латинском языке». ⁶⁸

Во «Всеучилище» культивировались не только лекционные, но и индивидуальные формы обучения — через «гимназические упражнения», практические занятия в «ботаническом огороде», кунсткамере, соединявшей комплекс первоклассных коллекций различных материалов по «естественной истории», библиотеку, анатомический театр и академическую типографию. Мощнейшим средством обучения академических студентов и элевов стало привлечение их к участию в научных экспедициях Академии наук. Существенно, что попечение о научной молодежи начиналось еще в младших классах Гимназии, где преподаватели тщательно изучали «наклонности» своих учеников, продолжалось в старших классах, где под руководством преподавателей элевы писали годовые сочинения, и завершалось во время зарубежных стажировок питомцев «Всеучилища»-Университета чаще всего в Геттингенском или Страсбургском университетах.

Расписание занятий строго регламентировалось. После должных поисков было признано «способнейшим» такое «расположение часов»: «чтобы первому, второму и третьему классам заниматься поутру от 8 до 12 часов, после обеда же от 2-х до 7 часов, оставляя свободные часы в сем числе на приуготовление к следующему дню. Четвертому классу от 8 до 12, после обеда от 2-х до 6, употреблять также незанятые учителями часы на

приуготовлен
4 после
Согла
хина бы
дать в Г
июля». ⁷⁰

Впроч
взрослы
торых в
читалис
от 10 ик
«Для
из взро
именно
было чи
гебраич
были». ⁷¹

О вы
лице»,
стей «с
не учеб
нившие
докумен
колая С
«Гос
скому я
оном им
рачител
особлив
сесор Н

«Гос
нем рос
начальн
француз
рачител
чем сви
Соколов

«Пет
детельс
дакова
к своем
Н. Квар
Кура
сило ф

приготовлении. Пятому и шестому от 9 до 12 по утрам, от 2 до 4 после обеда». ⁶⁹

Согласно резолюции барона Николаи, на рапорте И. И. Лепехина были жестко определены и сроки каникул: «Позволяется дать в Гимназии каникулы на 15 дней, считая начало оных с 12 июля». ⁷⁰

Впрочем, бывало и так, что нуждавшимся «гимназистам из взрослых» (т. е. старшеклассникам, программы обучения которых включали и материалы университетских курсов) лекции читались и во время каникул. Рапорт о прочитанных лекциях от 10 июня 1775 г. гласил:

«Для упражнения прошедшим летом некоторых гимназистов из взрослых в Ботанике, и для наставления трех старших, а именно Моисеенко, Головина, Флоренского в алгебре, поручено было читать ботанические лекции академику Лаксману, а алгебраические — Крафту ... которые лекции от них и читаны были». ⁷¹

О высоком качестве индивидуального обучения во «Всеучилище», обучении, основанном на глубинном знании наклонностей «старших гимназистов», степени их рачительности и уровне учебной подготовки, убедительно свидетельствуют сохранившиеся в фонде академической канцелярии аттестационные документы. Среди них и касающиеся «господина студента Николая Судакова». Приведем извлечения из этих аттестаций.

«Господин Студент Николай Судаков, обучавшийся французскому языку в моем классе, оказал великие успехи и знания в оном имеет хорошие. Был к учению всегда прилежен и очень рачителен. Вел себя как нельзя лучше чем самым заслуживает особое одобрение. Ноября 20 дня 1798 года Коллежский ассесор Николай Илер».

«Господин Студент Николай Судаков, обучавшийся в верхнем российском классе, прошел всю российскую грамматику, начальные основания риторики и упражнялся в переводах с французского языка на российский. К делу своему был весьма рачителен и приобрел в российском языке хорошие знания. В чем свидетельствую верхнего российского класса учитель Петр Соколов 22 ноября 1798 г.».

«Петербург 22 ноября 1798 г. Я нижеподписавшийся сим свидетельствую, что имел в классе своем Господина Николая Судакова в течение двух лет, и что он завсегда был рачителен к своему делу, отличая себя своим превосходным поведением. Н. Квартано, учитель итальянского языка». ⁷²

Кураторство преподавателей «Всеучилища» отнюдь не носило формального характера, а требовало по-ломоносовски

внятного ответа на вопросы, к чему ученик «склонен», в чем преуспел, в чем его знания «не довольно глубоки». Каждый преподаватель обязан был давать развернутую характеристику учебной деятельности и качества знаний всем своим питомцам, каждому в отдельности. В качестве образца таких характеристик приведем некоторые «мнения» наставников об «отлично хорошо» успевавшем студенте Василии Красовском, выпускнике «Всеучилища» 1798 г.:

«Гимназии студент Василий Красовский обучался богословию и латинскому языку с отличным прилежанием и ... успехом ... Павел Озерецковский».

«Красовский, студент Гимназии Императорской академии наук, посещал английский класс в течение одного года и восьми месяцев. Долгом своим поставляю признать, что он во все сие время как по своему поведению, так и рачению заслуживал одобрение, ибо чрез неутомимое и непрерывное прилежание приобрел он успехи как в чтении, так и переводах с английского языка как на свой отечественный; даже письма и другие разного рода сочинения переводит он на английский язык нарочито хорошо. И. Румель, СПб., 28 ноября 1798 г.».

«Господин Студент Василий Красовский, обучавшийся в классе моем французскому языку, оказал в оном великие успехи и снискал достаточное знание. Был всегда очень прилежен и весьма рачителен к делу своему и вел себя как нельзя лучше. Могу уверить, что я во все время никакой причины к неудовольствию от него не имел, в чем сим свидетельствую. 10-го ноября 1798 г. Коллежский ассесор Николай Илер».

«Студент Академической гимназии господин Василий Красовский множал преподаваемые мною наставления в опытной физике отличаясь непрерывным прилежанием и внимательностью, чрез что и снискал во всех частях сей науки многие изрядные и общепользные познания в чем свидетельствую. В. Л. Крафт, член и профессор императорской Академии наук».

«Сим свидетельствую, что объявитель сего аттестата Студент Василий Красовский всегда отличался в немецком классе своей внимательностью, прилежанием и скромностью, так же нарочито великие успехи оказал в переводах с русского языка на немецкий. И. Кун, учитель немецкого языка верхнего немецкого языка в Гимназии Ак. наук».

«Весьма радуюсь, что я был прошен дать студенту Василию Красовскому свидетельство в разсуждении его искусства и доброго поведения. Свои природные склонности к наукам и к знанию иностранных языков обрабатывал он с непрерывным прилежанием. В географии был он превосходнейший из моих уче-

ников, чтож касается до его скромности и учтивства, то в сем служил он примером своим сотоварищам. Петербург 10 ноября 1798 года Коллежский ассессор Шлегель, учитель Географии в Гимназии». ⁷³

В том же 1798 г. столь же развернутых и высоких оценок была удостоена учебная работа студента Николая Судакова. Об этом свидетельствуют такие записи:

«Нижеподписавшийся почитает долгом своим отдать Студенту Николаю Судакову справедливость в разсуждении того, что он был завсегда один из прилежнейших и лучших его учеников в истории средних и новейших времен, что самое доказал он и на экзамене прошедшего года. Петербург 22 ноября. Зон, учитель истории».

«Долгом своим почитаю сим засвидетельствовать, что студент Николай Судаков был в географии весьма-весьма прилежен, и завсегда вел себя очень хорошо. СПб., ноябрь 1798 г. Шлегель».

«Студент Николай Судаков обучавшийся в Гимназии Им. Ак. наук, по отличному своему прилежанию и способности, приобрел в арифметике, алгебре, геометрии и тригонометрии весьма хорошие знания, и во время учения вел себя добропорядочно, в чем и свидетельствую. Учитель Петр Буканов».

«Николай Судаков Студент Императорской Академии наук учил Английский язык в течение одного года и осьми месяцев, и во все сие время я был весьма доволен теми успехами, каковые он оказал в знании английского языка. Он читает по английски, может с английского языка перелагать на свой отечественный, также нарочито не худо переводит и на английский со всех иностранных языков, которые разумеет. Румель».

«Свидетельство великих успехов Студента Н. Судакова в немецком языке, в верхнем немецком классе. Иох. Кун».

«Свидетельство. Сим свидетельствую, что Господин Студент Николай Судаков слушал у меня двухлетнее преподавание Минералогии, и снискал в сей науке весьма немалые познания, также был во время классов весьма внимателен и отличал себя надлежащим благоправием. 5 декабря 1798 г. Герман, надворный советник, профессор минералогии и Государственной Берг-коллегии член». ⁷⁴

В протоколах конференции есть и другие подтверждения успешности стажировок петербургских студентов, в частности в период их стажировки в Геттингене. Так, 2 октября 1786 г. «Секретарь прочел и огласил письма четырех академических элевов, обучающихся в Геттингене, и Советника двора Кестнера от 7 августа. Последний благосклонно отзывается о студен-

тах и хвалит особенно господ Кононова и Павлова, с которыми он познакомился специально, т. к. они посещали его публичные лекции. Он желает, чтобы Академия поспособствовала первому из них взять еще несколько частных уроков у него и приобрести некоторые книги и даже физические приборы, чтобы он смог повторить у себя самые основные опыты». ⁷⁵

Приведем и еще некоторые из записей в протоколах конференции Академии, проливающие свет на жизнь и учебную деятельность петербургских студентов в Геттингенском университете. Из протоколов явствует, что 22 января секретарь конференции прочел следующее письмо из Геттингена:

«1) от 7 дек. Советник двора Кестнер благодарит Академию и ее Президента за прием его в число экстернов Академии и, воздав должное усердию и успехам акад. студентов, особенно Кононова, обосновал необходимость выдать последнему особое вознаграждение как для того, чтобы восполнить ему расход в 30 эю, которым он вынужден был оплатить курс анализа бесконечно малых величин, так и для того, чтобы он смог приобрести книги и необходимые инструменты для его науки и для того, чтобы он мог повторять у себя наиболее необходимые опыты и совершать маленькие экскурсии в шахты и на разработки по соседству.

2) 4 октября доктор Виллих сообщил с благодарностью о получении перевода на 25 дукатов, посланных ему гос. Дашковой в наблюдение за поведением акад. элевов, о которых он в целом представляет хорошее свидетельство.

3) от 8 дек. четыре акад. студента посылают свидетельства их профессоров, которые положительны; они сообщают об уроках, которые они намерены посещать в первом семестре этого года. Затем они просят Академию и Ее Светлость госпожу Дашкову сообразоваться увеличить им пособие, чтобы они могли позволить себе особые расходы, которые требуют их назначения и специфика их наук, обещая использовать их разумно. Конференция поручила Секретарю просить кн. Дашкову от имени всех академиков сообразоваться разрешить выдачу 30 эю на занятие исчислением малых величин, которые студент Кононов берет у проф. Мюллера, поскольку это расход особый и слишком крупный, чтобы делать его в счет пособия». ⁷⁶

Особо следует сказать, что преподаватели Университета при Академии наук России вовсе не передоверяли своим европейским коллегам окончательной оценки знаний своих воспитанников. Напротив, те, кто проходил стажировку в Геттингене или Страсбурге, подвергались особо взыскательным экзаменам при участии ведущих преподавателей «Всеучилища» (в главе вто-

рой данной монографии эта практика будет рассмотрена специально).

Как известно, облик европейского университета представляет единство трех видов деятельности: научной, учебной и культурно-просветительской. Уместно сказать, что петербургскому Университету-«Всеучилищу» второй половины XVIII в. были в полной мере свойственны и просветительская, и культурная функции. Так, в частности, в 1786 г. академик И. И. Лепехин засвидетельствовал, что, по мнению его собственному и его коллег, «главные садовники» (по-видимому, обслуживающие дворцовые парки) «владеют знаниями, достаточными для умелых садовников, и что Академия всегда сможет выслать об этом свидетельство». ⁷⁷

В 1780-х годах академик П. Б. Иноходцев и его коллеги давали уроки морякам, «присланным Коллегией Адмиралтейства для обучения их науке наблюдения и определения в морских путешествиях широты и долготы мест, через которые они проходят». ⁷⁸ В 1798 г. была достигнута договоренность о том, что учащиеся вновь учрежденной военно-морской строительной школы «будут посещать в самой Академии занятия по высшей математике, экспериментальной физике, механике и гидравлике, которые здесь им будут давать академики». ⁷⁹

12 марта 1787 г. академик Иноходцев обосновал «необходимость проэкзаменовывать в присутствии нескольких академиков моряков, присланных Адмиралтейством, чтобы придать этому акту большую публичность и авторитетность. Конференция согласилась на это и назначила господ придворн. советников Котельникова и Румовского присутствовать на упомянутом экзамене и сделать о нем доклад совместно с Иноходцевым в Академии, которая сообщит его в Коллегию Адмиралтейства, как это было решено в ст. 1 протокола от 5 марта». ⁸⁰

Профессора-академики принимали участие и в аттестации старших для Академии научно-педагогических кадров. Когда француз Мондрю (дело было в 1786 г.) попытался получить через Академию подтверждение своих прав преподавания литературы, конференция Академии приняла следующее решение:

«Хотя Академия не смеет отказать Мондрю в его достоинстве как литератора, она не сможет его проэкзаменовывать в науке, которую он преподает ввиду того, что беллетристика и педагогика ... не входят в план Академии наук. Таким образом, проситель должен быть отправлен в Комиссию Педагогических школ, куда он обязан представиться, ежели он захочет употребить в дело свои знания». ⁸¹ Но другие просители, чьи профессиональные интересы были ближе научным занятиям россий-

ских академиков, подобным «экзаменам на чин» подвергались. Питомцы «Академического всеучилища» выпускались на службу прежде всего в Академии наук, а чем ближе к концу XVIII столетия, тем все шире во внеакадемических учреждениях.

Трудоустройство выпускников «Всеучилища» производилось нередко и на основании их собственных иницилирующих действий. Характерно, например, следующее письмо президента коммерц-коллегии в Академию наук, датированное 1 сентября 1797 г.:

«Находящийся при императорской Академии наук студент Мальгин объявил мне о желании продолжать службу в Государственной Коммерц Коллегии; и поелику я по знанию им языков Немецкого, Французского и Английского охотно его приемлю, то ваше превосходительство покорнейше прошу уведомить меня, может ли он от Академии быть уволен, и буде нет в том никакого препятствия, велеть его с аттестатом, прислать ко мне, дабы я мог сделать о нем представление правительствующему Сенату».⁸²

Так, в ноябре 1798 г. прошениями об определении своих детей, окончивших Академический университет, на государственную службу, не связанную непосредственно с научной карьерой, обратились:

«отставной гвардии сержант Яков Архипов о сыне Степане Архипове;

умершего коллежского регистратора Поликарпа Овечкина жена о сыне Василии Овечкине;

сторож Санкт-Петербургской гражданской палаты суда и расправы Павел Ефремов о сыне Сергее;

{ ... } вдова умершего кухмистра Ивана Шне (Schneep) Анна Андреева дочь о сыне своем родном Иогане Георге Шне, который обучался в гимназии языкам и наукам на своем коште».⁸³

По рассмотрении прошений было решено всем, о ком просили, «выдать аттестаты и уволить, в связи с поступлением на действительную службу», как и выдать отзывы учителей об успехах в науках и поведении и копии выписок из журналов.⁸⁴

В получении подобных «отзывов» и выпускники, и их семейства были, вне сомнения, весьма заинтересованы. Не только знаком памяти о годах юности, отданных науке, но и знаком благодарности Отчезства было, например, такое «Свидетельство» академика П. В. Иноходцева о студенте Григорие Никифорове (от 1 августа 1796 г.):

«Императорской Академии наук воспитанник Григорий Никифоров принят в Гимназию 1-го декабря 1787 г., а в марте

1794 г. за оказанные им в учении успехи произведен студентом: обучался языкам Латинскому, Французскому, Немецкому с изрядным успехом и может с оных переводить на российский. Довольно також успел в Английском и Итальянском языках и собственным упражнением может в оных усовершенствоваться. Слушал с похвальным прилежанием основания российского слога, а наипаче письмослагание, всеобщую древних и новых времен, также Священную историю, географию, физику, минералогию и преподаваемые наставления в математике и естественной истории. Поведения всегда был добропорядочного и заслужил от всех господ учителей справедливое одобрение. При экзаменах за прилежание и благонравие награждаем был книгами».⁸⁵

Наиболее одаренные и подготовленные выпускники «Всеучилища» отбирались для научной деятельности в одном из отделений академии. Им в таком случае предстояло пройти через конкурсные выборы в адъюнкты, для чего каждому из них предстояло выполнить специальное исследование. В протоколах академической конференции записано (16 апреля 1789 г.), что студенты Кононов и Севергин «уже выбрали темы для написания исследования, которые они должны будут представить Конференции для получения звания адъюнкта».⁸⁶ Известно, что Севергин избрал для своего исследования тему «Природа и происхождение базальта». По представлении этого труда он был отдан на отзыв академику П. С. Палласу.⁸⁷

Студенты «Всеучилища» систематически привлекались для участия в программах Академии наук. Характерный пример — поручение нескольким студентам «под руководством господина Зуева» выполнить «русский перевод путешествий господина Палласа», причем сам академик В. Ф. Зуев должен был перевести латинское приложение к третьему тому труда Палласа.⁸⁸

Особо отличившиеся студенты переводились в штат «служащих в Академии», нередко с разрешением посещать «классы и лекции» по тем наукам, которым они себя посвящали. Именно об этом говорилось, например, в следующем решении академической канцелярии от 7 сентября 1797 г.:

«Студента Алексея Волкова по усмотренным в нем прилежности и успехам в науке на основании Регламента Академии Наук первого артикула определить к г-ну профессору Ловицу для дальнейшего обучения химии с производением жалованья по двести рублей в год. Почему из воспитанников при гимназии его Волкова выключить и вписать в список служащих в Академии и быть ему в точном ведении и послушании у оногo г-на Ловица. До окончания года ему Волкову иметь хождение

в Академические классы и на лекции и в оной Академии иметь жительство. О чем кому следует дать выписку. На подлинном написано Павел Бакунин».⁸⁹

Зачисление на службу обязательно сопровождалось приведением претендовавшего на то или иное место к присяге, составлявшейся зачисляемым по собственному разумению. Так, к решению канцелярии о принятии бывшего студента А. Волкова в штат «служащих в Академии» в протоколе прилагался текст присяги выпускника Университета.

Академия высоко ставила деятельность воспитанников своих учебных заведений. Когда 10 июня 1790 г. академик П. Б. Иноходцев объявил о безвременной смерти «господина придворного советника Головина», то охарактеризовал его и как «в прошлом элева и Адъюнкта по экспериментальной физике, с 1786 года — Associes Libres ...».⁹⁰

Существует необходимость специально остановиться на деятельности «Академического всеучилища» на рубеже XVIII и XIX столетий. Соответствующие материалы помогут объективному решению вопроса о преемственности его деятельности и деятельности Университета, который возникнет в Петербурге в 1819 г. по указу императора Александра I.

«Академическое всеучилище», выполнявшее, как мы видели, функции высшего учебного заведения, но нередко фигурировавшее в документах как «Академическая гимназия», продолжало действовать вплоть до конца 1804 г. Среди других особенно важно «соглашение», говоря современным языком, ведущих специалистов Академии об их намерении продолжить и в будущем преподавание ведущих университетских дисциплин. Подписанное в июне 1804 г. «соглашение» гласило:

«Мы нижеподписавшиеся соглашаемся безмездно преподавать нижеследующие лекции воспитанникам Академической Гимназии, обучающимся ныне в верхнем классе, до полного их образования ... к таковым лекциям может быть приглашена и самая публика.

1. Математические. Адъюнкт Висковатов.
2. Физико-Математические. Академик Гурьев.
3. Химические. Адъюнкт Волков.
4. Зоологические. Экстраординарный академик Севастьянов.
5. Ботанические. Экстраординарный академик Смеловский.
6. Минералогические. Экстраординарный академик Севастьянов».⁹¹

В «Списке воспитанников Академической гимназии» на 1 сентября 1799 г. значились:

<u>в январе</u>	студентов	9	
<u>феврале</u>	гимназистов	100	
	художнических учеников	45	174 чел.
	пенсионеров	20	
<u>в марте</u>	студентов	8	
<u>апреле</u>	гимназистов	88	
	художнических учеников	39	164 чел.
	пенсионеров	29	
<u>в мае</u>	студентов	4	
<u>июне</u>	гимназистов	98	
	художнических учеников	38	167 чел.
	пенсионеров	27	
<u>в июле</u>	студентов	4	
<u>августе</u>	гимназистов	99	
	художнических учеников	38	169 чел.
	пенсионеров	28	
<u>в сентябре</u>	студентов	4	
<u>октябре</u>	гимназистов	101	
	художнических учеников	38	171 чел.
	пенсионеров	28	
<u>в ноябре</u>	студентов	3	
<u>декабре</u>	гимназистов	90	
	художнических учеников	36	155 чел. ⁹²
	пенсионеров	26	

Из предыдущего очевидно, что число молодых людей, занимавшихся по университетской программе, значительно превышало число формально причисленных к «студентам». Курсы «высших наук» слушали все гимназисты старших классов.

Существенным в практической деятельности Академической гимназии на рубеже XVIII—XIX вв. стало очевидное стремление «господ Лепехина и Шуберта» под руководством вице-президента Академии, курировавших «Всеучилище», привести его «в лучший порядок», причем преимущественное внимание было обращено на «вышние» классы. 13 июня 1802 г. ректор Академической гимназии К. Ф. Герман получил предписание: «1) разположить классы по приложенному при сим расписанию, 2) учеников латинского, французского, немецкого и российского грамматических классов по выбору учителей верхних классов перевести в верхние, а тех кои умеют уже читать и писать в грамматические по выбору учителей грамматики, а из арифметического в геометрический по выбору учителя геометрии; 3) зделав ученикам по их успехам расписание на классы, подать в Канцелярию на утверждение списки, какие именно ученики, в какие классы и в какие часы ходить должны; 4) не переводить их из класса в класс как по прошествии полугода,

ниже собою делать какую-либо перемену в классах противную приложенному при сем расписанию, а о могущих встретиться затруднениях или явных неудобствах представить Канцелярии на рассмотрение; 5) учителям объявить, что ежели кто пренебрегая обязанность свою будет уклоняться от должности, то пренебрежение его не оставлено будет без взыскания и не бытия в классах — болезнь только в извинение принимаема будет; 6) оставя логику, преподавать вам не только наставления в вышнем латинском классе по осьми часов в неделю, но и в другие дни, посещая прилежно классы, подавать собою пример учителям и советы в разсуждение образа и порядка в наставлении юношеству; 7) подать в Канцелярию роспись, какие в каждом классе употребляются книги для наставления и сколько их в гимназии налицо находится. 8) Не безизвестно Комитету, что по сему разположению не будет доставать учителя для нижнего или грамматического французского класса, то покамест не сыщется способной к сему человек, класс сей препоручить на время гимназисту Тенигину и его обнадежить за труд сей соразмерным возданием, о чем ему объявить.

Наконец по елику неослабное надзирание над учащими и учащимися и под образом преподавать наставления требуют человека, который бы всем своим временем жертвовал Гимназии, без чего желаемых успехов быть в ней никогда не может, то письменно уведомить вам Канцелярию, согласны ли вы, оставя все посторонние упражнения, всего себя посвятить на пользу Гимназии». ⁹³

Ответ К. Ф. Германа заслуживает внимания не только потому, что проливает свет на историю управления «Всеучилищем», но и потому, что существен для воссоздания «нравственной ауры», возникшей в этом учебном заведении на поприще воспитания научной молодежи. К. Ф. Герман ответил канцелярии:

«На запрос могу ли я решиться оставить прочие свои места и посвятить себя вовсе гимназии, долженствую донести, что не была единственною причиною тому, что я доднесь сих мест не оставляю. И так ежели б место мое в академической Гимназии могло доставлять мне достаточное содержание, то б с удовольствием выполнил я таковое требование. Да как из предназначения явствует, что для верхнего латинского класса потребен учитель, который бы совершенно разумел российский язык, то желал бы я должность оного до тех пор исправлять, пока кто либо на сие место не сыщется». ⁹⁴

Несмотря, однако, на явное стремление Германа сохранить должность ректора, он был от этих обязанностей освобожден.

Вообщ
вания
на не
жесто
«дол
жить
венно
щадно
кого н
свиде
прика
ной ж
благо
леть,
отчете
майор

Стр
сти во
рушит
чтожит
учащи
подава
Дост
Академ
служит
связи,
лением
дела, за
делени
ствует,
«ни мал
из сего
зен быт
того себ
и делат
уже выш
вал: «Я
обществе
сался чт
всяким о
но все б
осмелива
приходит
Майор Б

Вообще, следует отметить, что именно на рубеже веков требования к руководству «Всеучилища» возросли. Сошлемся лишь на некоторые факты. В 1802 г. по обвинению в «непомерной жестокости» был уволен конректор гимназии Г. Р. Винчевский, «долженствующий воспитующемуся при оной юношеству служить примером кротости и благонравия». Он «в необыкновенно позднее время и в нарушение общего спокойствия нещадно бил крепостного своего слугу, оказав опыт своего жестокого нрава». Это, в частности, явствовало из «приобщенных» свидетельств «лекаря Линдлера». Академические начальники приказали «означенному Винчевскому, как человеку непомерной жестокости и потому немогущему быть более наставником благородных юношей, от настоящей должности отказать и велеть, до приискания на место его другого, и имеющиеся на его отчете книги и иное какое казенное имущество сдать по описи майору Блomu ...». ⁹⁵

Строгости административного контроля учебной деятельности во «Всеучилище» могли принимать и парадоксальные, разрушительные формы. В 1796 г., например, было положено уничтожить химический класс по причине малоуспешности в оном учащих. Между тем, известно, что в этом классе химии «преподаваемо не было».

Достаточно высокими были требования к воспитанникам Академической гимназии. Одним из частных примеров этому служит дело об исключении гимназиста Петра Ануфриева в связи, как значилось в его канцелярском названии, «с определением его на службу». Действительные обстоятельства этого дела, заведенного 16 января 1803 г., никакого отношения к «определению» П. Ануфриева «на службу» не имели. Из дела явствует, что «находившийся» в гимназии с 1794 г. Ануфриев «ни мало не отличил себя ниже в знаниях ниже в поведении, а из сего можно приметить, что он благородному обществу полезен быть не может, впрочем дурным своим поведением довел до того себя, что начал уже красть у товарищей свои разные вещи и делать разные непорядки в чем был обличен». ⁹⁶ Упомянутый уже выше член академической канцелярии майор Блом рапортовал: «Я же видя таковые худыя его дела и поступки, которые в обществе благородных терпимы быть не могут, но так же и опасаясь что бы сие не нанесло безславия и начальству старался всяким образом оную неблагопристойность из него изкоренить но все было тщетно. Сверх того Канцелярии Академии наук осмеливаюсь донести, что воспитанник оный Петр Ануфриев приходит от родителей будучи заражен дурною болезнью ... Майор Блом». ⁹⁷ К счастью, для здоровья воспитанников доно-

шение о «дурной болезни» гимназиста оказалось, по-видимому, ложным. Академический доктор Нельнер рапортовал начальству:

«В следствие указа посланного из канцелярии Императорской Академии Наук о доставлении сведения о качестве болезни казенного воспитанника Петра Ануфриева, честь имею донести сим, что он не заражен дурною болезнью, но что часто бывает в лазарете по причине сильного расслабления в нервах и почти во всем составе тела, которое обыкновенно бывает следствием предосудительных шалостей молодых людей, из коих некоторые часто быв наедине в оные вдаются. 23 января 1803 г. Доктор Нельнер».⁹⁸

Осведомленность Павла I о жизни «Академического всеучилища» не была ни случайной, ни поверхностной. Павел был противником самой установки на реализацию Гимназией программы университетского образования, мысль о котором была ему глубоко чужда. Науку вне государственной службы, «вне строя» Павел попросту не ценил и судить о ее значении не мог. Мысль императора относительно «Всеучилища» состояла в том, чтобы заменить его на обычную гимназию и «восстановить на старой основе» устава 1747 г.⁹⁹ Несомненно, что академики посмели оказать определенное сопротивление этому обскурантистскому замыслу Павла. Во всяком случае, они ссылались на «трудности» его выполнения. В протоколах конференции Академии наук есть запись от 24 сентября 1798 г. о том, что президент академии А. Л. Николаи «пригласил акад. Лепехина и Крафта прибыть к нему в воскресенье утром 28 числа сего месяца, чтобы обсудить сообща член академической администрации для устранения трудностей, которые могли бы найти себя в исполнении»¹⁰⁰ «высочайшего» повеления о контрреформе Академической гимназии.

То обстоятельство, что задуманная Павлом гимназическая контрреформа не была претворена в жизнь, невозможно объяснить, не принимая во внимание вероятное сдержанное противодействие академиков по отношению к высочайшей воле. Немаловажную, впрочем, роль в том, что Академическая гимназия продолжала существовать и в начале XIX в. и действовала в форме «Академического всеучилища», сыграли события 11 марта 1801 г., прекратившие павловское царствование.

В декабре 1798 г. во «Всеучилище» обучались «4 студента: Николай Судаков, Исаак Свет, Василий Красовский, Куприян Шигунов, и 104 гимназиста, и 31 пенсионер, 40 художественных учеников. Итого: 179 чел.»¹⁰¹

Академическая гимназия продолжала обучать и в 1802 г. В

журнале
запись с
«Вне
написа
успехам
Николаи
Шибали
заурфа
отслад
дента,
их к вя
И те
ников
Гимна
запись
Тихон
чтоже
К 1
Не ок
в числ
обуче
плато
сумме
чае в
дети,
чивал
гичес
проч
край
В
указ
утве
унив
эле
рые
Лом
лей
ский
бур
П
на Е
вне
1819

2019/8/30 12:25

журнале академической канцелярии 2 мая 1802 г. содержится запись следующего распоряжения:

«Внесенные в канцелярию переплетчиком Бейером книги, по надписанию в них имен отличившихся при последнем экзамене успехами в учении, а именно Константина Тенизина, Алексея Никифорова, Михайла Ребинина, Ивана Красовского, Павла Шебалина, Петра Рыбникова, Алексея Ильина, Карла Мейсдорфа, Ивана Менкера, Александра и Василия Алтынского, отослать в Гимназию для раздачи их в присутствии г-на Президента, вице-президента, сказанным воспитанникам, в поощрение их к вящему прилежанию».¹⁰²

И только в сентябре 1803 г. набор в Гимназию новых учеников был прекращен. В журнале Комиссии по курированию Гимназии при Академии наук от 11 сентября 1803 г. оформлена запись «О объявлении наборщику Федотову и вдове печатника Тихона Цыплятникова, Матрене Захаровой дочери, что с уничтожением гимназии дети приняты в оную быть не могут».¹⁰³

К 1805 г. в Гимназии оставался лишь один старший класс. Не окончившие курс питомцы «Академического всеучилища» в числе 50 молодых людей были переведены для продолжения обучения в открытую в то время губернскую гимназию¹⁰⁴ «с платою по 200 руб. асс. в год за каждого из экономической суммы Академии».¹⁰⁵ Эта практика сохранялась во всяком случае вплоть до 1810 г., когда было сделано ограничение, «чтобы дети, воспитываемые на счет Академии наук, непременно оканчивали курс; лучшие из них должны были поступать в Педагогический институт и оттуда в Академию наук в звании элехов, прочие же обязаны были прослужить в учительском звании по крайней мере 6 лет».¹⁰⁶

В составе Педагогического института, открытого в 1819 г. по указу Александра I в Петербурге в качестве начала, «имеющего утвердиться» в будущем внеакадемического Петербургского университета, совершенно естественно окажутся и студенты-элехы «Академического всеучилища», и его профессора, которые сохранили верность научным школам, складывавшимся при Ломоносове и при его прямом воздействии, а один из деятелей «Академического всеучилища» — профессор Е. Ф. Зябловский — станет ректором в воссозданном Александром I Петербургском университете.

Преемственность в истории двух университетов в городе на Неве — Академического Петровского 1724 г. «рождения» и внеакадемического, учрежденного по александровскому указу 1819 г., ярко воплотится и в конкретных человеческих судьбах.

В

Уч
РР

Ито
17

Примечания

- ¹ Марголис Ю. Д., Тишкин Г. А. Отечеству на пользу, а россиянам во славу: Из истории университетского образования в Петербурге в XVIII—начале XIX в. Л., 1983. С. 179.
- ² Иновыражением понятия «Училище Академии» стало используемое академиком Василием Григорьевым возвышающее наименование «при Академии устроенное училище» (см.: Слово в день храмового праздника Петра Митрополита, говоренное в церкви Императорской Академии наук гимназическом тояше Академии наук священником и Российской Императорской Академии членом В. Григорьевым 2 декабря 1792 г. СПб., 1793. С. 10).
- ³ Марголис Ю. Д., Тишкин Г. А. Отечеству на пользу, а россиянам во славу. С. 171 и сл.
- ⁴ Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 г. Т. IV. 1788–1803. СПб., 1911. С. 121.
- ⁵ Там же. С. 177.
- ⁶ Там же. С. 197–198.
- ⁷ Там же. С. 182–183.
- ⁸ Там же. С. 217.
- ⁹ ПФААН. Ф. 9. Оп. 3. Д. 509. Л. 2.
- ¹⁰ Протоколы... Т. IV. С. 246.
- ¹¹ Толстой Д. А. Академическая гимназия в XVIII столетии по рукописным документам архива Академии наук. СПб., 1885. С. 74.
- ¹² Там же. С. 84.
- ¹³ Там же. С. 69–71.
- ¹⁴ ПФААН. Ф. 9. Оп. 3. Д. 727. Л. 4.
- ¹⁵ Там же. Д. 717. Л. 2–6.
- ¹⁶ Протоколы... Т. IV. С. 370–371.
- ¹⁷ ПФААН. Ф. 9. Оп. 3. Д. 625. Л. 3об.
- ¹⁸ Там же. Д. 506. Л. 1.
- ¹⁹ Там же. Д. 1096. Л. 2.
- ²⁰ Там же. Д. 1097. Л. 4.
- ²¹ Протоколы... Т. IV. С. 411.
- ²² Там же. С. 42–43.
- ²³ ПФААН. Ф. 9. Оп. 3. Д. 673. Л. 1–2.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Протоколы... Т. IV. С. 183.
- ²⁶ ПФААН. Ф. 9. Оп. 3. Д. 520. Л. 1–2.
- ²⁷ Там же. Д. 1086. Л. 1.
- ²⁸ Там же. Л. 2–3.
- ²⁹ Там же. Л. 2об.
- ³⁰ Там же. Д. 756. Л. 4.
- ³¹ Там же. Д. 729. Л. 16.
- ³² Там же. Д. 477. Л. 3.
- ³³ Там же. Д. 730. Л. 1.
- ³⁴ Там же. Д. 773. Л. 2–2об.
- ³⁵ Там же. Д. 826. Л. 2.
- ³⁶ Там же. Д. 1021. Л. 1–2.
- ³⁷ Там же. Д. 932. Л. 1.
- ³⁸ Там же. Д. 477. Л. 2.
- ³⁹ Там же. Д. 511. Л. 1–2.
- ⁴⁰ Там же. Д. 1018. Л. 2.

- 41 Там же. Л. 10.
42 Там же. Д. 443. Л. 2.
43 Там же. Д. 1066. Л. 1.
44 Там же. Д. 443. Л. 4.
45 Там же. Д. 1066. Л. 1.
46 Там же. Д. 547. Л. 1-3.
47 Там же. Д. 489. Л. 5.
48 См.: Веселовский К. С. Отношение императора Павла I к Академии наук // Русская старина. 1898. Кн. V. С. 235-237.
49 ПФААН. Ф. 9. Оп. 3. Д. 872. Л. 34.
50 Там же. Д. 574. Л. 3.
51 Протоколы ... Т. IV. С. 273.
52 Там же.
53 Там же. С. 387.
54 Там же. С. 87.
55 Там же. С. 127.
56 Там же. С. 264.
57 Там же. С. 295.
58 Там же.
59 ПФААН. Ф. 9. Оп. 3. Д. 666. Л. 2-4.
60 Там же. Д. 777. Л. 5.
61 Там же. Д. 464. Л. 2.
62 Там же. Д. 860. Л. 2.
63 Там же. Д. 464. Л. 7.
64 Там же. Д. 690. Л. 3.
65 Там же. Д. 731. Л. 1.
66 Там же. Д. 718. Л. 5.
67 Там же. Д. 756. Л. 14-18.
68 Там же. Д. 489. Л. 2.
69 Там же. Д. 520. Л. 2об.
70 Там же. Д. 625. Л. 3об.
71 Там же. Д. 489. Л. 2.
72 Там же. Д. 633. Л. 46-49.
73 Там же. Л. 56-65об.
74 Там же. Л. 50-54об.
75 Протоколы ... Т. IV. С. 47.
76 Там же. С. 66.
77 Там же. С. 3.
78 Там же. С. 87.
79 Там же. С. 685.
80 Там же. С. 75.
81 Там же. С. 2-3.
82 ПФААН. Ф. 9. Оп. 3. Д. 982. Л. 1.
83 Там же. Д. 632.
84 Там же.
85 Там же. Д. 559. Л. 22.
86 Протоколы ... Т. IV. С. 178.
87 Там же. С. 182.
88 Там же. С. 230.
89 ПФААН. Ф. 9. Оп. 3. Д. 923. Л. 2.
90 Протоколы ... Т. IV. С. 230.
91 ПФААН. Ф. 9. Оп. 3. Д. 489. Л. 29.
92 Там же. Д. 632. Л. 1.

- 93 Там же. Д. 816. Л. 8.
94 Там же. Л. 12-12об.
95 Там же. Д. 840. Л. 4.
96 Там же. Д. 848. Л. 2.
97 Там же.
98 Там же. Л. 4.
99 Веселовский К.С. Отношение императора Павла I к Академии наук. С. 237.
100 Протоколы... Т. IV. С. 687.
101 ПФААН. Д. 547. Л. 1-3.
102 Там же. Д. 814. Л. 3.
103 Там же. Д. 878. Л. 1.
104 Веселовский К.С. Отношение императора Павла I к Академии наук. С. 237.
105 Воронов А. Историко-статистическое обозрение учебных заведений С.-Петербургского учебного округа с 1715 по 1826 год. СПб., 1849. С. 126.
106 Там же.

Глава вторая

ПОД СЕНЬЮ «МАДАМ ДИРЕКТОР»

С 1783 г. на протяжении 13 лет Академия наук и Университет находились в ведении выдающейся сподвижницы Екатерины II, замечательной поборницы российского Просвещения «мадам директор» Е. Р. Дашковой. Перед Дашковой стояла задача сохранения и развития университетского курса в рамках Академического училища. То, что Дашкова справилась с этой задачей, не вызывает сомнений. Понимала ли сама княгиня это обстоятельство? Да, понимала и гордилась результатами своего труда. 5 августа 1794 г. в одном из отчетов на имя императрицы Екатерины II «мадам директор» писала: «Число элевов академической гимназии достигло 112 чел. За время моего директорствования из этого учреждения вышло большое число лиц, которые находятся на службе Вашего императорского величества, где они приносят пользу Отечеству, поощряются различными званиями».¹

В последнее десятилетие интерес к жизни и деятельности выдающейся женщины — писателя, композитора, редактора, лекционера, натуралиста — неизменно нарастает. Подтверждением тому могут служить вышедшие в свет работы о ней,² а также издания ее «Записок».³

Княгиня Дашкова была первой женщиной в Российской Империи, занимавшей должность директора Петербургской Академии наук. Назначение женщины на столь высокую официальную должность для России и других европейских государств по меркам XVIII в. было чрезвычайным. Назначение Дашковой не подвергалось осуждению и гласной критике в обществе, но служило причиной зависти, предвзятой оценки ее поступков и несправедливого отношения некоторых современников.

Дашкова пришла к руководству Петербургской Академией и учебными заведениями, когда идея совершенствования семей-

ного и общественного положения нашла в России достаточное распространение как в столицах, так и в провинции. Большое влияние на самосознание русских женщин, помимо вышеназванных факторов, имела литература сентиментального направления, передовая публицистика. Начиная с 70-х годов XVIII в. в России появились журналы, полностью или частично посвященные женщинам, их издавали Н. И. Новиков, В. И. Окорочков, Н. М. Карамзин, П. И. Макаров и др. Образ идеальной женщины со страниц периодики постоянно внушается обитательницам как поместий, так и особняков: «совершенная женщина» не обязательно красива, но добра, отзывчива к общественным делам, умна, а такой ее делает начитанность. Современники начинают ценить в женщине среди прочих достоинств и интеллект. Оказалось, что это качество не обедняет, а украшает женщину. То, что в России в последней четверти XVIII в. женщина с мечтой о пользе Отечеству умело руководит учебными заведениями, вполне естественно. С небольшим разрывом во времени или же рядом с Дашковой жили и творили И. Сумарокова, М. Сушкова, П. Шереметьева, Е. Нилова, М. Орлова, М. Пospelова, К. Урусова, М. Извекова, А. Бунина, Е. Пучкова, А. Ислентьева.

Педагогические опыты Дашковой начались в Эдинбургском университете, где с 1776 г. учился ее сын Павел. Однако первое посещение Дашковой Великобритании относится к 1770 г. Тогда княгиня много времени уделила не только знакомству с памятниками истории и культуры, но и изучению английского языка. Видимо, тогда же, во время первого приезда, Дашкова проявила личный интерес к английской системе образования и приняла решение об учебе сына в Эдинбургском университете.

Учился сын, и училась мать. 33-летняя женщина, полная сил, с неиссякаемой жаждой знаний наблюдала, читала, постоянно общалась с лучшими учеными Великобритании. Дашкова не могла предвидеть, что вскоре после возвращения в Россию она возглавит Петербургскую Академию наук, что ее глубокий интерес к организации высшего образования и научных исследований в Англии и Шотландии пригодится ей в полной мере для совершенствования университетского образования в Петербурге.

В годы жизни и деятельности Дашковой в России распространяются идеи эмансипации и женского равноправия. Автор вышедшей в свет в конце XIX в. научно-популярной работы о Дашковой В. К. Огарков не без основания считает свою героиню «страстным партизаном женской равноправности». ⁴ В окружении Дашковой были сторонники женской свободы, авторы статей и переводов «о благородстве и преимуществе женского пола» — П. А. Алексеев, С. Е. Десницкий. ⁵

Все, кто писал об этой выдающейся женщине, давали высокую оценку ее разнообразным способностям. И только одно из направлений ее деятельности подвергалось постоянной критике — педагогическое. В наборе красок для обрисовки Дашковой-педагога обязательно присутствовали скептицизм, шутка, ирония. Непременно подчеркивалось несоответствие облика ее собственных детей с целями того «воспитания совершенного», которое она проповедовала, и на этом основании принижалось значение всей ее педагогической деятельности. Известный знаток русского просвещения Б. И. Краснобаев высказывал убеждение, что дети Дашковой были плохо воспитаны, а их поведение и отношение к матери превратились в «источник жгучих горестей» последних 25 лет ее жизни.

Почвой для такого утверждения послужили высказывания самой Дашковой, не выносившей несоответствия завышенных требований матери и реальных успехов детей. Но даже если принять точку зрения о педагогической ошибке Дашковой, стремившейся «воспитать детей путем отрыва их от русской среды», нельзя выносить отрицательное заключение о Дашковой-педагоге в целом. Поиск верной педагогической теории и попытки совмещения ее с практикой реальной жизни были главным занятием Дашковой с девичьих лет и на протяжении всей жизни. Так, она писала:

«В 16 лет я была матерью. (...) Дочь моя не могла пролепетать еще не единого слова, а я уже помышляла дать ей *воспитание совершенное*. Я была удостоверена, что на четырех языках, довольно мною знаемых, читая все то, что о воспитании было писано, возмогу я извлечь лучшее, подобно пчеле, и из частей сих составить целое, которое будет чудесно».⁷

Одним словом, «педагогические утопии» эпохи Просвещения, которые, по словам Б. И. Краснобаева, овладели Дашковой в молодости, остались с ней на всю жизнь.⁸ Эти педагогические теории она испытала не только на своих детях, но и на учениках Гимназии и элехах Университета в Петербурге.

Вне зависимости от оценки результатов реформаторской деятельности Петра I, мы считаем, что Дашкова как личность, как явление нашей культуры есть непосредственный результат этой деятельности. Именно на почве Петровских реформ выросло поколение Дашковой, поколение новых женщин. Петр I интуитивно, но верно понимал, что дело преобразования Отечества можно двинуть быстрее, если удастся приобщить к новшествам женщин. С 1700 по 1725 г. императором были приняты решения, касавшиеся внешнего вида, брака, общественного поведения российских женщин.⁹ Незадолго до своей смерти, несмотря

на сильное противодействие, Петр I утвердил указ, запрещающий насильственные браки.¹⁰

Эпоха Дашковой — эпоха возрастающего интереса к женскому вопросу в России и, в то же время, практических решений: был создан Смольный институт и другие учебные заведения для дворянских дочерей, народные училища. Правда, за 30 лет, с 1764 по 1794 г., из Смольного было выпущено всего 1316 воспитанниц, зато из народных училищ за пятнадцать лет — 12,5 тыс. девочек. Как подметила Е. Лихачева, анализируя среду женского развития, прогресс состоял в том, что девицы не только читали ведомости, но и сами начали писать в журналы.¹¹ К концу XVIII в. в России появилась женская интеллигенция: можно насчитать сотни писательниц, поэтесс, публицисток, переводчиц, учительниц.

18 мая 1780 г., за несколько лет до прихода Дашковой в Академию на пост директора, председательствовавший на заседании Учебной комиссии академик С. Я. Румовский сообщил о поданном женщиной заявлении с просьбой сдать экзамены и получить «диплом» на право преподавания. Академики, в столь новой для них ситуации, приняли следующее далеко идущее решение: «Конференция после обсуждения пришла к заключению, что не следует делать различий между мужчинами и женщинами, которые избирают для себя профессию просвещения молодежи».¹² У нас нет сведений, были слушательницы на публичных лекциях в Академии или Дашкова посещала их одна, но после ее ухода с поста директора, на рубеже XVIII–XIX вв. женщины стали уже постоянными посетителями профессорских лекций.

О состоянии учебной деятельности Академии в канун назначения Дашковой ее директором позволяет судить составленное около 1782 г. «Объяснение об Университете и Гимназии». «Объяснение» проливает свет на историю задуманного Петром Великим «триединого здания» — Академии с Университетом и Гимназией при ней. Оно гласит: «Университет составляло юношество набранное из разных семинарий положившее довольное основание в языке латинском, так чтоб могло разуметь профессорские наставления на сем языке преподаваемые. В Гимназию же на казенное содержание принимаемы были всякого звания дети вольнорожденные. Студенты жили при Академии в обществе и снабжаемы всем нужным содержанием, а гимназисты жили у своих отцов и родственников получая от двенадцати до тридцати рублей в год. В таком состоянии пребывали университет и гимназия до 1759 года, когда сии училища вверены были смотрению Покойного Статского Советника Михайла Васильевича Ломоносова. Сей пекущийся о распростра-

нении наук муж видя, что обучавшиеся гимназисты на казенном содержании не могут приносить ожидаемого плода, теряя лучшее время в переходе из дому в училище и из одного в дом и там оставаться без надлежащего присмотра, учредил общежития и для гимназистов, которые как столом, так и одеждою и всем необходимым к учению снабжаемы были на казенное иждивение, число их составляло "... " (пропуск в тексте. — *Авт.*) учащихся в одной по совершении гимназического учения переходили в Университет под названием студентов и в оном продолжали словесные и математические науки». ¹³

Высоко оценив деятельность М. В. Ломоносова на посту ректора Петербургского университета, автор (возможно им был И. И. Лепехин) документа, хранящегося в архиве Академии наук, убедительно доказывал, что Университет в Петербурге и после Ломоносова не исчезал, а продолжал функционировать под новым именем. Соответствующая цитата представляется более доказательной, чем ее вольный пересказ: «По смерти профессоров философии и физики Брауна, древностей и истории Фишера предписано было логику читать бывшему при Гимназии Инспектору Бакмейстеру, древности и латинских авторов толковать бывшему при Гимназии Конректору Штриттеру, между тем преподаваемы были наставления в Математике, Химии, Анатомии и Истории натуральной». ¹⁴

В «Объяснении» отмечалось: «Для обучавшихся так называемых взрослых Гимназистов сочинено было положение как в разсуждение их содержания, так и в разсуждение учения, которые прилагаются под буквою "... " (пропуск в тексте. — *Авт.*). Сии вверяемы были особливим Надзирателям под именем Инспектора к коим в помощь определен был Гимназии конректор и еще один из Гимназических учителей, кои для надзирания над их поведением и упражнением вне классов жили подле комнат самих воспитанников. Число при учреждении Комиссии было до 30 человек. Студентам, коих число при учреждении Комиссии было "... " (пропуск в тексте. — *Авт.*), преподаваемы были наставления порядком в Регламенте предписанным; но сии потом по желанию их его сиятельством графом Владимиром Григорьевичем Орловым все уволены от Академии, и для слушания у Профессора и Академиков лекций выбраны были некоторые из взрослых воспитанников столько успевшие, что могли пользоваться их наставлениями и некоторые из них переданы были Академикам для особливого наставления». ¹⁵

Из других сведений «Объяснения» особенно важным представляется следующее разъяснение о статусе Университета: «Хотя Гимназия и Университет применялся ко вновь сочинен-

ному Уставу и назывались одним именем Училище Академии, но составляющие оное воспитанники обучались большому числу наук нежели в Регламенте об Университете предписано, и таким наипаче, кои по вновь сочиненному Уставу нужны были для Академии». ¹⁶

Существует, кроме введенных в научный оборот, прежде всего благодаря научным заслугам Е. Кулябко, много не использованных документов о жизни, учебе, успехах, наградах университетской молодежи, студенческой библиотеке, питании, жилище, одежде юношей из старшего (первого) класса Академического училища, которые всегда в списках называются студентами, но иногда — элевами.

Предметом особой заботы «мадам директор» были меры, подтверждающие статус «Академического училища» как школы высшего просвещения, Университета. Об этом свидетельствует, в частности, следующее прошение академика И. И. Лепехина от 23 марта 1793 г., получившее одобряющую резолюцию «мадам директор»:

«Взрослые гимназисты Василий Угрюмов и Василий Маскаковский, удостоивавшиеся в последних испытаниях успехов получали от Вашего сиятельства награждения книгами. Усугубив свое прилежание и рачение почти во всем сравнялись с произведенными в студенты; почту за долг ... всепокорнейше просить Ваше сиятельство для вящего их к учению поощрения и усугубив их прилежание произвести в студенты. 1794 года июля 19 дня». ¹⁷

И многие из других подобных документов, относящихся к 80-90 годам XVIII в., имеют собственноручные резолюции «мадам директор» Е. Р. Дашковой: это программы, расписания занятий, финансовые распоряжения, указания о приобретении книг и о награждении ими студентов, о пошиве мундиров, о покупке шпаг и о многом другом. Все они, наряду с «Записками» княгини и «Протоколами заседаний Конференции», позволяют воссоздать масштабную картину организационной деятельности педагогических усилий выдающегося представителя русского просвещения Дашковой.

Свидетельство того, что учебный план соединенных в одно «Училище» Гимназии и Университета был богаче предусмотренного университетским регламентом 1747 г., — важное, на наш взгляд, подтверждение необходимости критического отношения к утверждениям, будто в 1766 г. Петербургский университет «закрылся за отсутствием слушателей». ¹⁸

Что же до числа последних на начало 1780-х годов, то, согласно «Описанию», «число воспитанников было 48 и 5 эле-

вов, из коих 4 отправлены были в чужие края для совершен-
ния учения ... ». ¹⁹ Эти цифры — дополнительное свидетельство
необходимости критического отношения к словам Дашковой,
будто по своем вступлении в должность директора она за-
стала «только двух» воспитанников. ²⁰ Это явное преуменьше-
ние — всего лишь средство возвеличения собственных трудов,
итогом которых станет, в частности, значительное увеличение
числа студентов, элевов и гимназистов. Согласно «Списку сту-
дентов, гимназистов, пенсионеров и художественных учеников
на 17 января 1795 г.» общее число воспитанников Гимназии и
Университета составило 174 человека (в их числе студентов —
8, гимназистов — 105, пенсионеров — 23, «художественных учени-
ков» — 38). ²¹

Еще раз отметим: выявленные документы непреложно под-
тверждают, что во времена Дашковой учащиеся старшего, «пер-
вого», класса Академического училища считались студентами.
В «Наброске проекта учебного плана Академической гимна-
зии» за 1795 г. (документ не подписан) читаем:

«Первому классу состоять из студентов, коих упражнения
должны состоять в следующем: в латинском языке, француз-
ском, немецком, итальянском и английском, в коих языках долж-
ны они упражняться переводами, толкованием авторов и сочи-
нений в истории зачиная с 8-го столетия до нынешних времен,
в географии подробной каждого государства, локальной и по-
литической, которая кончится математическою и сферическою,
в физике теоретической и опытной, в математике, включая гео-
метрию, тригонометрию, алгебру и далее ежели способности
учащихся и время оное до окончания года дозволит». ²²

Важно, однако, не только то обстоятельство, как называ-
лись учащиеся университетского класса: гимназистами, эле-
вами или студентами, и даже не то, сколько их было. Особое
значение имело само содержание программы, которую усваи-
вали слушатели Училища Академии в первом верхнем классе.
В годы успешного руководства Дашковой эта университетская
программа была значительно шире, чем та, которая была утвер-
ждена по Регламенту 1747 г.

При Дашковой сохранилась и упрочилась традиция поощре-
ния академических занятий и стремления к академическому по-
прищу молодежи, происходивших из семей деятелей российской
науки. Характерна следующая запись от 5 апреля 1787 г. в про-
токолах конференции академиков:

«Секретарь представит Ловица младшего сына академика и
его рукопись с описанием его открытия и образцы того хими-
ческого вещества, которое он получил. Конференция его рас-

смотрела и вручила его рукопись Палласу, чтобы передать его господам Георги, Озерещковскому и Соколову, согласно докладу которых будет сделана историческая запись о нем в Актах. Одновременно собрание пришло к мнению рекомендовать аптекаря Ловица благосклонному вниманию госп. Дашковой, как бывшего элева Академии и трудолюбивого химика, от которого можно ожидать еще к удовольствию Акад. еще интересных открытий». ²³

Происхождение учащейся молодежи во времена Дашковой не было «чисто дворянским». «Мадам директор» принимала «детей и от родителей низкого состояния всякого звания вольно рожденных». ²⁴ В их числе в 1885 г. был принят Василий Попугаев, вышедший из «крепостного состояния», ²⁵ в будущем — один из видных поэтов-свободолюбцев радищевской плеяды.хлопотами Дашковой «средства на содержание казеннокоштного В. Попугаева были назначены из комнат их императорских высочеств Александра Павловича и Константина Павловича». ²⁶ А средства эти были немалые. Согласно утвержденным Дашковой «Правилам приема учеников пенсионеров в Академическую гимназию» (датированы 31 июня 1789 г.):

«За одного пенсионера платится в год сто десять рублей, кои за год или полгода вперед вносятся.

За оные деньги имеет пенсионер: квартиру, пищу, одежду и шьют на него белье.

Учат его по-французски, по-немецки, по-русски, по-латыни, когда охота есть по-гречески, по-английски и италиански; арифметике, географии, истории, риторике, математике, штилю, познанию классиков, рисовать и катехизису.

Первый год вступления, пенсионер должен принести с собою: кровать с постелью, белье постельное, летнее и зимнее платье, носильное белье, както: рубахи, платки, полотенца, чулки, колпаки також шляпу, башмаки и ложку серебряную. — Все сие по выходе пенсионеров из гимназии ему возвращается. (...)

Ежели кто захочет иметь свое платье, тот может платить 80 руб. в год». ²⁷

Дашкова рачительно заботилась о здоровье учащихся «Академического всеучилища». В своем письме Екатерине II от 5 августа 1794 г., содержащем своеобразный отчет о работе по руководству учебным заведением Академии наук, «мадам директор» «осмелилась заметить», что за ее 11-летнее директорство умер только один элев ... ²⁸

В своей статье «О смысле слова "воспитание"», опубликованной в «Собеседнике любителей Российского Слова» в 1783 г., которую можно в определенном смысле рассматривать как ма-

нифест при вступлении на должность директора, Дашкова писала:

«В университетах агглинских, а особливо в Эдимбургском университете, в коем гораздо строже прочих экзаменуют для получения степени Magister artium должно знать следующие науки так твердо, чтоб при публичном экзамене ... быть в состоянии удовольствовать ответом своим ... Логику, Риторику, Историю, Географию, вышнюю Математику, нравственную Философию, Юриспруденцию, Философию естественную ... наконец Химию ... ».²⁹

Дашкова была убеждена в педагогической целесообразности высоких требований на экзаменах, в необходимости гласности и торжественности проверки знаний. Это свое убеждение она осуществляла настойчиво и последовательно во вверенных ей учебных заведениях. Сохранился ряд документов, которые позволяют более детально осветить ее хлопоты о жизни, учебе и успехах юношей из Академического училища.³⁰ Заметим, однако, что широко известное читателям произведение Дашковой — «Записки» — дает неполное, отрывочное представление о ее педагогической деятельности. Автор на страницах своих воспоминаний чаще обращается к подробностям хозяйственных, а не педагогических дел. Но хотя сведения по интересующему нас вопросу кратки, они не противоречат, а совпадают с записями в Протоколах.³¹

Дашкова была назначена на должность директора Петербургской академии наук и приступила к исполнению обязанностей в январе 1783 г. А через двенадцать лет, осенью 1794 г., она удалилась в «отпуск» и не возвращалась к управлению вверенными ей учреждениями до ноября 1796 г., когда Павел I подписал указ о ее отставке. Дашкова взяла в свои руки руководство Академией наук в то время, когда после директорства В. Г. Орлова и С. Г. Домашнева это ведущее научное и учебное учреждение находилось в упадке. В крайне заброшенном состоянии были и отдельные подразделения Академии, в том числе Университет и Гимназия.

Уже отмечалось, что, по мнению ряда исследователей, Петербургский университет в системе Академии наук после смерти М. В. Ломоносова в 1765 г. «перестал существовать», или «закрылся», хотя документов, подтверждающих ликвидацию Университета, нет вплоть до 1803 г., когда был принят новый устав Академии наук. Автор одной из работ о Дашковой Л. Я. Лозинская считает, что Гимназия и Университет при Академии наук к концу 70 — началу 80-х годов XVIII в. «пришли в полный упадок».³² Между тем, в имеющейся литературе

по истории академических учебных заведений — Университета и Гимназии — как уже отмечалось, содержатся точные и ясные указания на слияние этих учебных заведений в одно. Для такого развития событий условия существовали в течение более сорока лет, с 28 января 1724 г., когда Петровским указом было создано «триединое здание» — Академия наук, Университет и Гимназия. Учебные заведения находились в одном помещении, часто ректором обоих учебных заведений был один и тот же человек, профессора Университета были учителями в Гимназии, а студенты — наставниками гимназистов младших классов.

Наивысшего расцвета достиг Университет в Петербурге в конце 50 — первой половине 60-х годов XVIII в., когда его ректором был выдающийся ученый и организатор науки М. В. Ломоносов.³³ Заметим, что Дашкова, став во главе Академии наук, во многом подражала Ломоносову, в том числе и в организации учебного процесса. Ко времени назначения Дашковой на пост директора Академии наук в 1783 г. Университет в Петербурге готовил кадры без малого в течение шестидесяти лет.³⁴ В 1770 г. Л. И. Бакмейстер объединил Университет и Гимназию, ввел для лучших учеников старших классов университетское преподавание на латыни и немецком языках.³⁵

Вначале занятия для групп из 6 студентов вели академики А. И. Лексель, Гернет, К. Ф. Вольф, языки преподавал сам Л. И. Бакмейстер. Однако развитие университетских курсов в стенах Гимназии не завершилось одноразовым актом в 1770 г. На следующий год программа преподавания была расширена: инспектору Гимназии Л. И. Бакмейстеру было предложено «сделать план, чему, когда и сколько обучаться им (студентам. — *Авт.*) у академиков, и подать оный в комиссию на рассмотрение».³⁶

В результате совершенствования университетской программы часы, отводимые для лекций, были увеличены в два раза. С 1771 г. среди профессоров названы еще два академика Э. Г. Лаксман и Г. Ф. Крафт. В 1773 г. группе молодых людей, осваивающих университетский курс, дано было наименование «элев», им отведено было особое помещение в гимназии, во флигеле, «этим студентам даны были шпаги, которые носили тогда студенты университета».³⁷ Непрерывное и успешное обучение студентов продолжалось в стенах Академии наук благодаря тому, что Университет сохранился под кровом Гимназии. Само по себе стойкое употребление слова «элев» в делопроизводстве Конференции Академии наук на протяжении всего существования Гимназии, вплоть до ее выделения в 1805 г., убедительно свидетельствует, что все это время продолжалась подготовка

верситета
е и т.д.
Для та-
ние более
зом было
ерситет и
мещении,
от же че-
Гимназии,
ссов.

рбурге в
го ректо-
В. Ломо-
ии наук,
организа-
ковой на
в Петер-
лет.³⁴ В
Гимназию,
итетское

адемики
вал сам
курсов в
в 1770 г.
ширена:
дложено
(студен-
ссию на

програ-
ва раза.
адемика
к людей,
нование
азии, во
силы то-
е обуче-
агодаря
и. Само
зводстве
ествова-
ительно
готовка

87:71 03/8/6107
кадров по университетской программе. До тех пор пока шла подготовка молодежи по университетской программе, пока существовали студенты и профессора, лекции и экзамены, пока лучшие студенты направлялись на стажировку в зарубежные университеты и отпускались средства на содержание Университета в Петербурге, а его питомцы пополняли корпус ученых Академии наук либо использовались на государственной службе — история университетского образования, заложенного Петром Великим, продолжалась. Продолжалась «отечеству во славу, а россиянам на пользу».

Совершенствование университетского преподавания в Гимназии происходило и в последующие годы. Особенно знаменательными были 1774 и 1775 г., когда занятия со студентами по физике стал вести П. Б. Иноходцев, а по ботанике — И. И. Лепехин, когда Г. Ф. Крафт и П. Б. Иноходцев превратили свои лекции, читаемые в помещении Гимназии, — в публичные.³⁸ Это было знаменательное событие, благодаря ему традиция университетского преподавания в стенах Академии наук приобрела новое перспективное качество, новую организационную форму, позволившую штатным, казенным студентам, готовившимся к научной работе, обучаться совместно с вольнослушателями. Предусмотренный академическим уставом 1747 г. Университет накануне прихода к руководству Дашковой сузил размах своей деятельности со штатными студентами, но «не закрывался», «не перестал существовать». В тяжелых условиях развития отечественной науки шел поиск новых форм распространения знаний и подготовки кадров.

Ко времени директорства Дашковой, в течение почти 20 лет Университет и Гимназия находились в доме, купленном Академией наук у Строгановых. В настоящее время это место на стрелке Васильевского острова занято северным пакгаузом Биржи, в котором находятся Музей почвоведения и Институт геологии и геохронологии докембрия Российской АН. С точки зрения современников, учебные заведения Академии наук в конце 70-х годов XVIII в. «пребывали в жалостном и развратном состоянии». Этому способствовали и события 1777 г., когда взрослые студенты «Академического всеучилища» протестовали против бездушного, унижительного отношения инспектора Гимназии. От руководства Гимназией были тогда уволены Л. И. Бакмейстер и И. Г. Стриттер. Должность инспектора занял выпускник Гимназии и Университета, ученик Ломоносова, академик И. И. Лепехин. Он явился надежным и деятельным помощником Дашковой по руководству учебным и воспитательным процессом в учреждении, где «в юности первая заря про-

свещения на него блеснула». Выпускниками были отмечены его замечательные педагогические качества, душевная щедрость и доброта.³⁹

Среди документов по истории университетских курсов в Академической гимназии сохранилась записка И. И. Лепехина, написанная им еще до прихода Дашковой на пост директора Академии наук. Из нее отчетливо следует, что и тогда в Гимназии велась подготовка студентов для специализации в различных областях науки, что Академическая гимназия — это такой «департамент, в коем воспитывается юношество, имеющее достигнуть первейшие по Академии должности».⁴⁰

Сама же Дашкова в отчете на имя императрицы через три года после вступления в должность изобразила черными красками состояние обоих учебных заведений.⁴¹ В этом месте уместно вспомнить об одной примечательной особенности характера Дашковой, той черте ее личности, которая постоянно оказывала влияние на даваемые ею оценки. Эта черта была отмечена ее юной, но необыкновенно наблюдательной подругой Мери Вильмот. Последняя писала отцу в 1803 г., что Дашкова «смотрит на самое себя как бы со стороны, никогда прямо этого не выказывая, и оценивает свои дела, поступки и характер с оттенком восхищения, и это получается у нее так естественно, что почти извиняет ее».⁴² Таким образом, обращаясь к оценке тяжелого состояния университетского курса при Академии, данной Дашковой, мы не должны забывать о необходимости некоторой коррекции этой оценки.

Что же сделала Дашкова в течение первых трех лет своего директорства?

Важным новшеством, введенным Дашковой, стал «допуск» в 1793 г. в Академический университет «вольных учеников».⁴³

Основу обучения в Академическом училище составили лекции академиков-профессоров. Особым успехом у слушателей пользовались лекции физико-математические, химические, зоологические, ботанические, минералогические. В рапорте академика Я. Д. Захарова «о лекциях, читанных им старшим гимназистам (т.е. студентам. — Авт.) Академической гимназии» 1793 г., говорилось: «Наирачительнейшими моими слушателями были, кроме академических студентов, по большей части учителя из нормальных школ, воспитанники горного корпуса, также и обучающиеся хирургии в госпиталях».⁴⁴

Академическое училище располагало достаточной базой учебных практик, основу которой составляли «ботанический огород», анатомический театр, физическая и химическая лаборатории, библиотека. При Дашковой библиотека стала пред-

метом особой заботы администрации.⁴⁶

«В целях поощрения молодых людей и для возбуждения соревнования между нами, — писала Дашкова в отчете, — я установила в гимназии два экзамена в год, за которые они получают награды в виде книг и золотых медалей. Четырех самых способных учеников (элевов. — *Авт.*) я послала на счет Академии на четыре года в Геттингенский университет».⁴⁷ Неплохих результатов удалось добиться Дашковой за столь короткий срок. Они были бы не возможны, если бы в студенческой среде не было достойных и трудолюбивых.

Эффективные меры по наведению учебного порядка и восстановлению престижа знаний были проведены Дашковой и среди гимназистов, еще не приступивших к слушанию университетского курса. Вместо 50 гимназистов, численность которых определялась уставом 1747 г., она застала 27 человек, из коих исключила девятерых «ввиду полной неспособности к наукам». В «Записках» Дашкова так описывает ситуацию: «На содержании Академии оказалось 17 учеников гимназии и 21 мальчик, обучающийся ремеслам (...) Число первых я распорядилась поднять до 50, а вторых — до 40».⁴⁸ В отчете на имя императрицы в 1786 г. Дашкова писала, что довела число обучавшихся в гимназии до 89 человек, которые, по ее утверждению, «гораздо лучше накормлены, одеты и обучены, чем прежде».⁴⁹ Мы не сомневаемся в достоверности сведений, приводимых директором Академии наук. Эти сведения тем более впечатляют, что, согласно другим ее свидетельствам, в 1783 г. ей пришлось начинать едва ли не с нуля.

Не менее энергичные меры были проведены Дашковой по совершенствованию учебного процесса. Музыкант, обучавший игре на скрипке за 800 рублей в год, был уволен. За эти деньги были наняты воспитатель и учителя английского и итальянского языков.⁵⁰ Видимо, английский и итальянский языки, как учебные предметы в Академической гимназии, были впервые введены Дашковой. В этом сказались, вероятно, личные симпатии «мадам директор» к Эдинбургскому университету и вполне деловые потребности в знании языков стран, отношения с которыми активно развивались.

В рассмотренном нами отчете 1786 г. на имя императрицы не отразились другие подробности по организации учебного дела в Академии наук. Известно, что Дашкова всячески поощряла успевающих студентов, жалуя их не только книгами и золотыми медалями. Когда студент Плацман осенью 1783 г. подал Дашковой прошение об избрании его адъюнктом, дело не затянулось надолго. Директор учла, что академики Г. Ф. Крафт, А. И. Лек-

сель и Н. И. Фусс «похвально отозвались» о способностях профессора, а Л. Эйлер подчеркнул его успехи в высшей математике. В январе 1784 г. Дашкова утвердила решение Конференции академиков об избрании Плацмана адъюнктом.⁵¹

В отличие от сведений, приводимых Дашковой в отчете 1786 г. о том, что она застала только двух студентов, занимавшихся по университетской программе («которые не умели переводить даже с немецкого»), в протоколах Конференции Академии наук есть запись от марта 1784 г., где говорится, что в Гимназии 8 элевов «способных к углубленному совершенствованию своих знаний», и что «мадам директор поручила конректору Хакману усилить свою деятельность...», а именно — «заниматься с продвинутыми студентами логикой, латинским и греческим языками».⁵² Правда, в дальнейшем оказалось, что Хакман не оправдал возложенных на него надежд, недобросовестно выполнял «предписанные ему занятия в Гимназии с элевами класса по латыни и греческому языку». Вследствие этого он был уволен, «дабы элевы Университета не остались более без наставления».⁵³

Еще одним крупным педагогическим предприятием Дашковой на посту директора Академии было восстановление и поддержание материальными средствами возникшей еще в период ректорства М. В. Ломоносова в Петербургском университете замечательной традиции чтения публичных лекций на русском языке. Первое обсуждение вопроса о публичных лекциях состоялось в Конференции Академии наук с участием Дашковой 3 июля 1783 г., что нашло отражение в § 3 протокола.⁵⁴ Автор же статьи о Дашковой в «Новом энциклопедическом словаре» отметил, что идея публичных лекций была высказана уже непосредственно в речи, с которой Дашкова выступила при вступлении в должность, т. е. в январе 1783 г. Он имел в виду заявление Дашковой, что науки не будут составлять монополию Академии, но «присвоены будут всему Отечеству и, вкоренившись, процветать будут».⁵⁵

Для успешного чтения лекций, на следующий год после вступления в должность Дашкова увеличила содержание всем профессорам и открыла три бесплатных (для слушателей) курса: математики, геометрии, естественной истории. Лекции читались русскими профессорами, которые получали за это 200 рублей.⁵⁶ Дашкова внесла 30 тыс. рублей в банк, а получаемые проценты расходовала на оплату профессорам. Начиная с 1783 г. каждый год в протоколах Конференции появлялись записи о том, что «мадам директор» через И. И. Лепехина просила академиков и адъюнктов подготовить и подать ей в назначенный

срок программы лекций по математике, экспериментальной физике, минералогии, химии на русском языке. Расписание и программа лекций просматривались Дашковой, а затем для информации жителей Петербурга сведения о них печатались в газете. В качестве примера подобного расписания сошлемся на запись в протоколах академической Конференции от 28 апреля 1794 г.: «Господа академики и адъюнкты, которые обязались взять на себя курс публичных занятий представили, в соответствии с 57 парагр. предыдущего протокола, планы своих занятий, следуя которым:

Г-н Придв. советник Котельников будет преподавать в те же дни и часы, что и в прошлом году, т. е. по вторникам и четвергам с 4 до 5 час. после полудня науку математику: арифметику, геометрию, механику и алгебру; он начнет 11 мая.

Г-н Придв. советник и Кавалер Озерецковский даст курс естественной истории по понедельникам и вторникам с 10 час. до полудня; он начнет 8 мая;

Г-н адъюнкт Кононов даст уроки экспериментальной физики по четвергам и пятницам до полудня с 10 до 12 часов; начиная с 12 мая;

Г-н адъюнкт Сахаров будет объяснять теоретическую химию по системе Лавуазье по средам и субботам с 10 до 12 час.; он начнет 13 мая. Конференция представила на рассмотрение этот распорядок на одобрение Ее Светлости м-м Кн. Дашковой». ⁵⁷

Чтения по ряду предметов проходили в Большой аудитории Гимназии на стрелке Васильевского острова, по химии — в Лаборатории на углу 2-й линии и Среднего проспекта.

«Мадам директор» проявляла изобретательную заботу о том, чтобы «публичные занятия» не прерывались даже в тех случаях, когда учебные помещения, отводимые для этих занятий, оказывались неготовыми. В протоколах Конференции от 24 апреля 1794 г. есть такая запись:

«Поскольку новая химическая лаборатория еще не завершена, а старой уже не существует, М-м Кн. Дашкова приказала Адъюнкту Сахарову этим летом дать курс минералогии или какой-то другой науки, которая могла бы заменить эспериментальную химию, которая преподавалась в прошлом году». ⁵⁸ Ломоносовская традиция чтения публичных лекций на русском языке продолжалась до начала XIX в., когда академические учебные заведения были ликвидированы. В Протоколах Конференции последняя запись о них относится к 1802 г. ⁵⁹

М. И. Сухомлинов справедливо называет публичные лекции «одним из самых верных средств для достижения просвети-

тельской цели». ⁶⁰ Лекции читались выдающимися учеными — действительными членами Академии: С. К. Котельников читал математику, алгебру, геометрию и механику; Н. Я. Озерецковский — естественную историю, Д. И. Соколов и Я. Д. Захаров — химию, В. М. Севергин — минералогию, С. Е. Гурьев — физику. Популярность лекций быстро росла. Непрерывно увеличивалось число слушателей, вскоре достигшее таких размеров, что в залах не оставалось свободных мест для всех желающих посещать академические курсы. Дашкова принимала самое активное участие в публичных чтениях, открытых по ее инициативе, «предлагала в них те или другие изменения и снабжала аудиторию различными научными пособиями. Так, Захарову, читавшему химию по системе Лаувазье, она предложила избрать другую отрасль естествознания, наиболее ему сподручную». ⁶¹ Дашкова заботилась об организации профессорских летних лекций, добиваясь планомерности, четкости печатных объявлений, удобства сообщения через Неву, лучших помещений и высокого качества излагаемого материала. «Мадам директор» гордилась претворением своих забот и планов в жизнь. По этому поводу она писала: «Я часто присутствовала на (...) лекциях и испытывала удовлетворение, видя, что они полезны детям бедных русских дворян и молодым унтер-офицерам гвардии». ⁶²

Публичные лекции были рассчитаны на две основные группы слушателей: это студенты Академии наук, слушавшие университетский курс, и посторонние, которых можно назвать, пользуясь термином XIX в., — вольнослушатели. То что лекции читались ежегодно с мая по сентябрь, было удобно жителям столицы. В наше время в это трудно поверить, но во второй половине XVIII в. сезон чтения публичных лекций был обусловлен прежде всего временем относительно хорошей летней погоды. Когда, например, Д. И. Соколов не успел в отведенное время прочесть до конца курс и понадеялся на возможность его продолжения глубокой осенью, в протоколе Конференции была сделана следующая запись: «сезон для того, чтобы пригласить публично вернуться к занятиям господина Соколова, из-за плохих дорог и погоды запоздал». ⁶³ Другая запись в протоколе Конференции указывает, что лекции «начнутся, когда восстановится движение по мосту», ⁶⁴ т. е. с прохождением льда по Неве. Как известно, в городе был один наплавной мост, связывающий Васильевский остров, где читались лекции, с остальным городом. Во времена директорства Дашковой профессора вели занятия во все дни недели, за исключением воскресенья. Продолжительность чтения по предмету была 1–2 часа, как правило,

не более двух раз в неделю. Продолжительность курсов за четыре месяца составляла от 30 до 60 часов. Это позволяло обстоятельно и системно излагать знания по предмету. Такие лекции нельзя отнести к научно-популярной, просветительской затее в угоду поверхностным интересам широкой публики. Теоретические положения лекций сопровождались демонстрацией опытов по химии и физике, коллекций по минералогии и естествознанию. К услугам элевов и вольнослушателей были приборы химической лаборатории и физического кабинета, уникальные собрания Кунсткамеры, Ботанического сада. Расписание лекций составлялось так, чтобы их могли беспрепятственно посещать в первую очередь слушатели университетских курсов. Вот к примеру слова из протокола: «Просьба исполняющего обязанности директора: выбирать дни, недели и часы (для лекций. — Авт.) таким образом, чтобы академические студенты могли бы извлечь пользу, не возвращаясь в обычные классы Гимназии, которые обязаны еще посещать».⁶⁵ При формировании программ публичных лекционных курсов во внимание принимались не только их академическая актуальность, но и доступность. В 1795 г., например, лекции по ботанике, из-за того, что часть определений по этой дисциплине не получили еще признанного перевода на русский язык, были заменены лекциями по «естественной истории».

Публичные лекции были подлинной высшей школой. Они оставили в памяти современников сильное впечатление и чувство сердечной признательности своим профессорам за полученные глубокие знания.

«В 1800 году посещал я публичные лекции Академии наук, — писал Н. И. Греч. — Я не мог понимать лекции Гурьева, не имея достаточных для этого подготовительных познаний, но тем ревностнее следил за другими, особенно за лекциями Озерецковского, который говорил грубо, не разбирая выражений, но умно, ясно и увлекательно, — вспоминал Николай Греч свою студенческую молодость. — В числе слушателей были многие морские и горные офицеры. (...) С чувством искренней благодарности вспоминаю я об этих лекциях, доставивших мне случай к развитию моих понятий и к приобретению основательных сведений о некоторых предметах. Чрез несколько лет скажу, как помогли мне эти уроки на экзамене. Может быть, что нынешняя Академия наук блистательнее и славнее; но тогдашняя была, бесспорно, полезнее. Подле знаменитых иностранцев, Эйлера, Эпинуса, Палласа, Шуберта, Ловица и т. д., были в ней русские: Румовский, Лепехин, Севергин, Иноходцев, Захаров, Котельников, Протасов, Зуев, Кононов, Севастьянов».⁶⁶

Известны воспоминания еще одного вольнослушателя академических лекций — И. А. Второва. Правда, они относятся к 1802 г. Но, как видно из его записок, и в составе лекторов, и в организации чтений произошло мало изменений за те 6–7 лет, когда Дашкова оставила должность директора. Зато встречается весьма важное свидетельство об участии женщин в публичных лекциях в числе вольнослушателей.⁶⁷ До сих пор на это свидетельство не обращали внимания. Считалось, что первые вольнослушательницы появились в Петербургском университете лишь осенью 1859 г., в период общественного подъема, первой революционной ситуации в России. Высокая значимость вклада питомцев и преподавателей Петербургского университета в деле становления женского образования выражалась в том, что они безвозмездно читали лекции для женщин, жертвовали деньги, недвижимую собственность и личные библиотеки для организации женских учебных заведений.⁶⁸ На грани XVIII и XIX вв. интерес соотечественниц к научным знаниям, к публичным лекциям был обусловлен подъемом общественного настроения в России в первые годы царствования Александра I. Публичная просветительская деятельность преподавателей «Академического всеучилища» нередко — и с полным основанием — именовалась «публичным обучением». 11 мая 1795 г. датированы следующие записи в протоколах Конференции: «86) Г-н проф. Кононов объявил письменно, что он начнет публичное обучение экспериментальной физике в среду 23 сего месяца и что он продолжит давать эти занятия в течение всего лета по средам и субботам с 10 до 12 часов. 87) Г-н проф. Сахаров будет давать занятия в новой химической лаборатории по экспериментальной химии по Лавуазье и будет читать в течение этого лета все четверги и пятницы с 10 до 12 до полудни, начиная с четверга 24 мая. Эти объявления так как и объявления Г-на Придворного советника и Кавалера Озерецковского, включенное в предыдущий протокол (...), должны быть опубликованы в СПб. по-русски, а также по-немецки, как это делалось до сих пор и с тех пор, как Г-н Придворный советник определил и официально заявил Конференции о днях, по которым он предполагает давать занятия по математике».⁶⁹

«Мадам директор» неукоснительно требовала, чтобы читавшие лекции преподаватели не только своевременно начинали их и проводили на качественно высоком уровне, но также по окончании курса отчитывались, в частности, в том, «сколько у них было слушателей».⁷⁰

Дашкова уделяла много внимания и командированию студентов для завершения образования в западноевропейских универ-

ситетах. 10 февраля 1785 г. Конференция Академии наук обсудила вопрос «об отправке ближайшим летом четырех студентов Академического университета в Геттинген, где они прослушают полный курс лекций». ⁷¹ Однако в Протоколе указаны не четыре, а пять кандидатов, рекомендованных Конференцией: Георгий Павлов, Василий Севергин, Ян Фишер, Алексей Кононов, Яков Сахаров. ⁷² В результате конкурсных экзаменов из списка кандидатов на поездку выбыл Фишер. Отдельные записи в протоколах Конференции свидетельствуют, что Дашкова видела в публичных лекциях университетские чтения. В 1786 г. профессор Д. И. Соколов, как уже упоминалось, по причине болезни не дочитал в полном объеме курс лекций по химии и не сумел предупредить Дашкову или Лепехина о своей болезни, почему и заменить его другим не сумели. В протоколе сказано, что Соколов «должен был предупредить с тем, чтобы ее сиятельство смогли найти способ, чтобы другой академик или адъюнкт занял его место, как это практикуется в университетах». ⁷³ За нарушение порядка, принятого в университетах, Дашкова наказала профессора Соколова, лишив его части причитающегося гонорара.

О неукоснительной твердости, с которой «мадам директор» проводила свои решения, свидетельствует следующая протокольная запись:

«Ее Сиятельство госп. кн. Дашкова приказала занести в настоящий протокол, что, прочтя заявление придворного советника Соколова, касающееся публичных лекций по химии, который он берется прочитать, она желает ему заметить, что ему не пристало ни диктовать условия, ни говорить о том, что Ее Светлость приказала удержать у него какие-то деньги из жалованья, что у него нет ни малейшего права на это претендовать и что исключительно из милости она выдала ему часть жалованья». ⁷⁴

А 28 марта 1785 г. члены Конференции обсуждали содержание задания отъезжающим студентам, способы проверки их успехов, инструкцию отправляющимся за рубеж для усовершенствования в Геттингене. Еще раз Конференция возвратилась к обсуждению командировки студентов и содержания рекомендаций писем, которые вручались им задолго до отъезда, 8 июня 1785 г. М. И. Сухомлинов был прав, когда писал, что «расадник молодых сил — Академическая гимназия всегда была предметом заботливости Дашковой». ⁷⁵ Из-за границы студенты присылали в Академию наук отчеты, свидетельства успехов от своих Геттингенских профессоров, но чаще всего адресовали «мадам директор» просьбы прислать еще и еще денег. А тра-

тять деньги, как они сообщали Дашковой, было на что. Русские студенты слушали дополнительные лекции-спекурсы, за которые приходилось платить сверх установленных сумм, покупали приборы и книги, болели, а иногда, малоопытные в житейских делах, расходовали неосмотрительно быстро предоставленные средства. Дашкова как заинтересованный воспитатель внимания во все эти, как может показаться на первый взгляд, частности учебного процесса,⁷⁶ вела переписку с доктором Виллихом, который за 25 дукатов в год был куратором русских студентов. Можно с полным правом сказать, что в тех условиях, в которых находилась отечественная наука в последней четверти XVIII в., чтение университетских курсов элевов и стажировки их за границей оправдали себя. Петербургская Академия наук в лице своих питомцев приобрела достойных членов. В этом отношении нельзя не согласиться с выводом М. И. Сухомлинова о том, что «некоторые из русских академиков, составившие себе почетную известность своими трудами, призваны были к ученой деятельности Дашковою».⁷⁷

Уже в самом начале управления Дашковой Петербургским университетом и Академией наук был наведен порядок и в организации регулярных строгих экзаменов. И в этом случае Дашкова обратилась к опыту Эдинбургского университета. В протоколах Конференции имеется такая запись: Лепехин «объявил, что экзамен элевов Гимназии начнется в среду 15 октября (1784 г. — Авт.) и что мадам директор поручила ему пригласить академиков Румовского, Крафта и Фусса присутствовать регулярно на экзаменах». А далее следует важное для нас уточнение: «как это было в прошлом году».⁷⁸ Подразумевается, видимо, учебный год или прошлый — 1783.

Экзамены проводились строго дважды в год: в марте-апреле и в сентябре-октябре. Экзаменаторами, обыкновенно, были академики П.С.Паллас, П.Б.Иноходцев, Г.Ф.Крафт, Н.И.Фусс, Ф.И.Шуберт, И.И.Лепехин.

Примечательно, что когда назначенный в экзаменационную комиссию академик вынужден был на экзамене отсутствовать, он должен был представить официальное объяснение этому. Характерна запись в протоколе академической Конференции от 23 октября 1794 г.: «Академики Крафт и Фусс извиняются за отсутствие их на заседании Конференции, т. к. они приглашены на экзамен в Императорский кадетский корпус».⁷⁹ Традиционная регулярность проведения экзаменов элевов, высокая требовательность к знаниям, торжественная обстановка при проведении экзаменов, гласность укрепились при Дашковой и сохранились после ее отставки.

Директор Академии наук не только сама присутствует на экзаменах, требует совершенствования формы проверки знаний, она столь же внимательна к содержанию ответов. И ее взыскательный надзор за ходом юношеской мысли не остается без последствий. Вот один из примеров быстрой реакции и решительности Дашковой. Посетив осенний экзамен 1792 г., «мадам директор» осталась недовольна ответами по математике, или, как в протоколе: «осталась мало довольна прогрессом элевов по этим наукам». Причина? Ее Дашкова обнаружила не в равнодушии профессоров, не в лени учащихся, это было бы поверхностное решение. По ее мнению, причина отставания коренилась в низком качестве учебной программы. Она поручила «господам академикам математического класса, которые присутствовали на последнем экзамене элевов Академической гимназии, составить план занятий для учителей, преподающих математику и геометрию (...) чтобы эта инструкция была очень краткой и ясной и способствовала пользе дела в этих классах».⁸⁰

Исполнение поручения Дашковой было возложено в основном на академика П. Б. Иноходцева. Академики С. Я. Румовский, Г. Ф. Крафт, Ф. И. Шуберт договорились между собой поручить Иноходцеву составить такой план, который затем будет рассмотрен ими сообща, «чтобы придать ему высшую степень совершенства, которой мадам княгиня желает».⁸¹ К 17 января 1793 г. задание было исполнено. Иноходцев блестяще справился с задачей. Талантливый ученый и опытный педагог, он по собственной инициативе начал преподавать геометрию учащимся Гимназии еще в 1762 г., когда сам был студентом Университета. Труд Иноходцева о совершенствовании программы по математике убедительно свидетельствует о высоком университетском уровне преподавания в Гимназии. Поэтому можно говорить об исчезновении лишь имени Петербургского университета, когда Л. И. Бакмейстер объединил в 1770 г. оба академических учебных заведения. В действительности, труд Иноходцева — это программа по математике для высшего учебного заведения. Е. С. Кулябко пишет: «Составленное им краткое наставление по преподаванию математики знакомит нас с тогдашними педагогическими методами (не только с методами, но и с содержанием. — Авт.). Он предлагал читать ученикам универсальную арифметику Леонарда Эйлера, показывать “употребление алгебры в высшей геометрии” и “изъяснить основания так называемого дифференциального и интегрального калькулюса”; после этого проходить прикладную математику “по напечатанному Вольфовым сокращенным основаниям, дополняя нужнейшее из

новых писателей, например г. Кестнера"; такие лекции читались "дважды в неделю по два часа в назначенные дни, на весь курс употреблять два года, первый для чистой, а другой для прикладной математики". Геометрию и плоскую тригонометрию он предлагал изучить по книге С. Я. Румовского». ⁸²

И для тех питомцев Петербургских университетских курсов, кто усовершенствовался в западноевропейских учебных заведениях, по возвращении на родину были по распоряжению Дашковой организованы столь же строгие, сколько и глубокие всесторонние испытания. Это не были курсовые или же государственные экзамены в современном представлении. Так, 16 марта 1789 г. в протоколах появилась следующая запись: «Дашкова приказала академикам Румовскому, Палласу, Лепехину, Крафту, Георги, Фуссу и адъюнкту Шуберту проэкзаменовать студентов Кононова и Севергина». Первый этап экзамена состоял в решении письменных и устных задач. Он продолжался несколько дней в Зале заседаний Конференции Академии наук. ⁸³ После этого Кононов и Севергин 16 апреля 1789 г. по согласованию с академиками выбрали темы для написания исследований. Представление этих работ Конференции с положительными отзывами рецензентов открывало для студентов возможность получить звание адъюнкта. ⁸⁴ Письменные сочинения Кононова (по математике) и Севергина (по минералогии) были даны на отзыв академикам П. С. Палласу и Н. И. Фуссу. ⁸⁵ Однако это был еще не конец их испытаний.

8 июня 1789 г. студентам были даны по поручению Дашковой новые темы для письменных сочинений, которые анализировал на этот раз академик Н. И. Фусс. И только после этого 18 июня того же года по поручению Дашковой Конференция «возвела в число адъюнктов Академии наук Алексея Кононова по физико-математической части и Василия Севергина по металлургии». ⁸⁶ Эта проверка слушателей университетских курсов после зарубежной стажировки походит на продолжительный и сложный ритуал посвящения молодых ученых в научную деятельность. И пусть отдаленно, в общих чертах, но разве эта сложная процедура, сопровождающаяся многочисленными устными и письменными отзывами признанных ученых, не напоминает современную сдачу экзаменов кандидатского минимума, подготовку, написание и защиту диссертации на соискание степени кандидата наук? Времени с 16 марта по 18 июня 1789 г. на «испытание» Кононова и Севергина ушло 3 месяца.

Яков Сахаров возвратился из-за границы в августе того же года. И для него экзамены по приказанию Дашковой были организованы таким же образом. ⁸⁷ Только для достижения звания

адъюнкта химии Сахарову пришлось потратить на испытания и написание исследований около 10 месяцев.⁸⁸

Питомцы Гимназии и студенты университетского курса при Петербургской академии наук уверенно вступили в научное сообщество петербуржцев. Так же быстро молодые русские ученые приступили к чтению лекций. Уже в начале с 90-х годов в протоколах Конференции Сахаров, Кононов, Севергин поименованы профессорами.⁸⁹ Нам представляется, что наряду с другими соотечественниками, выпускниками Гимназии и Университета, они имеют полное право именоваться «достойными питомцами академического университета».⁹⁰

Одна из последних записей в протоколах об организации экзаменов элевов относится к 7 декабря 1800 г. Членами комиссии были академики Шуберт, Лепехин, Севергин и адъюнкт Севастьянов.⁹¹ Цель проведения всех экзаменов раскрывается в пожеланиях Дашковой, занесенных в протокол, «экзаменовать академических гимназистов в конце этого месяца и выдвинуть на звание студента тех из них, кто достоин».⁹² По мнению княгини, экзамены — это переход в новое качество: из гимназистов — в студенты, из учащихся в элевы, но только тех, «кто достоин».

Сохранилось немало документальных свидетельств о внимании Дашковой и к другим граням учебного процесса. К тому, например, чтобы при проведении экзаменов «господам академикам иметь присутствие свое при оных». О награждении шпагами особо отличившихся студентов.⁹³ Об «остановке» и «уничтожении» взысканий с «людей», задолжавших Академии за обучение «недостаточных» студентов.⁹⁴

Как педагог и воспитатель российского юношества, как организатор учебного процесса в доме Строгановых на стрелке Васильевского острова, Дашкова была глубоко убеждена, что настоящее дело, практика лучше совершенствует профессиональные навыки, чем всевозможные словесные призывы и наставления. «Испытание, — писала она, — нас сильнее убеждает, нежели какие предписания или книги нас уверить удобны».⁹⁵ Поэтому, наряду с совершенствованием учебы, возрастанием требовательности на экзаменах, улучшением дисциплины студентов, ростом ответственности профессоров, Дашкова была озабочена привлечением студентов для перевода научных иностранных книг на русский язык. Такие возможности для языковой практики открывало «Собрание, старающееся о переводах», составленное преимущественно из университетских элевов. Дашкова придавала языковой подготовке студентов первенствующее значение.

2019/8/30 12:31

Уже упоминалось выше, что по решению «мадам директор» было введено для академических питомцев преподавание английского и итальянского языков. Отметим, что преподаватель Хакман был уволен за небрежное отношение к своим обязанностям. Известно, что с некоторыми элевами Дашкова сама занималась языковой подготовкой с первых дней руководства учебными заведениями Академии наук. Д. А. Толстой сообщает, что 30 января 1783 г. Дашкова приказала, чтобы студенты по очереди понедельно дежурили при ней, чтобы она могла «узнать каждого способности и поведение», причем до обеда Дашкова, сама блестящий знаток языков, упражняла студентов в переводах и письме.⁹⁶ Видимо созданное Дашковой «Собрание, старающееся о переводах», из элевов Гимназии не оставалось неизменным по форме. В работе Сухомлинова говорится, что учреждение, имевшее обязанность переводить с иностранных языков под руководством академика А. П. Протасова — это и есть «переводческий департамент», который заменил «собрание переводчиков», или «российское собрание».⁹⁷

Читая воспоминания Дашковой, можно предположить, что идея переводческой практики для элевов Гимназии и организация Российской Академии наук — явления взаимосвязанные и относятся к осени 1783 г. В «Записках» кратко изложен разговор автора с Екатериной II о задачах деятельности нового учреждаемого ею ученого общества — Российской Академии наук, в частности, и пожелание императрицы о переводах классических произведений. Дашкова уверила собеседницу, что переводами «займутся наши студенты», что их работу будут проверять «русские профессора».⁹⁸

Обучение студентов иностранным языкам с помощью переводческой практики — известный обучающий прием, который был широко распространен и в других учебных заведениях в XVIII в. Это не изобретение Дашковой. Но ее бесспорная педагогическая заслуга состоит в том, что она широко применила этот метод для обучения элевов. Так, 21 августа 1786 г. адъютант Зуев информировал академиков о своей работе над переводами на русский язык и подготовке к изданию дневников путешествий П. С. Палласа. Тексты были розданы «нескольким студентам, которые их перевели под руководством господина Зуева».⁹⁹ Об этой работе студентов стало известно и Дашковой, которая постаралась создать благоприятные условия для качественного перевода. Она рекомендовала И. И. Лепехину «дать последнюю часть работы нескольким академическим элевам для перевода под руководством Зуева». С разрешения Дашковой студентам был дан в руки подлинник сочинения П. С. Пал-

100 На смену «собрании переводчиков» лишь в 1790 г. была создана новая переводческая служба, в которой опять-таки важная роль отводилась элевам.

15 февраля 1790 г. в протоколе по этому поводу была сделана следующая запись:

«Секретарь докладывает, о поручении мадам княгини Дашковой официально объявить, что ее светлость учреждает институт для подготовки искусных переводчиков, и что она поручает руководить им господину Протасову, который сообщит Конференции детали регламента этого нового учреждения, среди основных задач которого будут совершенствование студентов, которых в настоящее время трое, в переводах политических журнальных статей. Дашкова приказывает дать господину Протасову все иностранные журналы после того как они побывают у членов академической Конференции. Таким образом, будут объединены усилия для получения хороших переводов классических и современных зарубежных произведений, а также газеты, сделанные в самой Академии наук, а не вовне, как это было ранее».¹⁰¹

Дашкова увеличила продолжительность времени на ежедневные занятия студентов и гимназистов на 1 час, т. е. с 7 часов до полудня. Забота Дашковой об учащих выражалась и в том, что, как уже говорилось, в 1788 г. она подарила им замечательное наглядное пособие — собственную коллекцию минералов с каталогом — «для использования на публичных лекциях по минералогии, которые устраиваются в аудиториях гимназии. Конференция поручила подарок Озерецковскому, чтобы препроводить в аудиторию, где она должна находиться».¹⁰²

В исследовательской литературе о Дашковой хорошо известен более поздний по времени факт — дарение ею коллекции Московскому университету. В ней был 15121 предмет, при этом, кроме минералов, — инструменты, рисунки, книги, окаменелости, растения и др.¹⁰³ Подарок Петербургской Академической гимназии в 1788 г. меньше привлекал внимания. Между тем, этот благородный поступок директора Академии наук стимулировал подражание, последовали новые жертвования для улучшения учебного процесса. Известно, что еще 20 марта 1786 г. академик В. Ф. Зуев рекомендовал свои «таблицы по естественной истории» для использования в школе. «Краткий курс натуральной истории» Зуева и его «таблицы» — это убедительное доказательство взаимосвязи поколений ученых XVIII и XIX вв., преемственности в развитии петербургской высшей школы. В 1785 г. учебник Зуева попал в поле зрения Екатерины II, которая поручила дать на него рецензию академику

П. С. Палласу. Паллас писал, что учебник этот «выше всего, что сделано на других языках для первоначального обучения юношества в школах».¹⁰⁴ 14 августа 1788 г. академик Зуев «передал Библиотеке Академии Таблицы по естественной истории», опубликованные им на русском языке для использования в школах.¹⁰⁵

Через некоторое время, 23 апреля 1792 г. академик Н. Я. Озерцовский обратился в Конференции с заявлением, «что он дарит свою коллекцию, насчитывающую более 500 минералов, которая будет служить на уроках по естественной истории, и что «мадам директор» приказала из нее извлечь камни самые редкие, как заграничные так и туземные, для передачи в академический кабинет, оставив все остальные в аудитории для использования их на занятиях по минералогии адъюнктом Севергиным».¹⁰⁶

Благодаря заботам Дашковой в конце XVIII в. возрос авторитет учебных заведений Петербургской Академии наук. Это выражалось не только в успехах элевов, показанных на экзаменах, в занятиях «переводческого департамента», активности столичной публики на летних лекционных курсах в Гимназии, но и в том, что здесь под руководством выдающихся ученых и профессоров повышали квалификацию выпускники специальных военных учебных заведений, офицеры армии и флота. Преподаватели Гимназии обладали правом, которое в начале XIX в. было присвоено Петербургскому университету — они подтверждали «истинность» дипломов, полученных в зарубежных университетах.

В период управления Дашковой учебными заведениями Академии наук их авторитет возрос не только в глазах соотечественников. За рубежом также утвердилось убеждение, что в Петербурге, как и в период ректорства М. В. Ломоносова, живет и действует Университет. В какой-то мере этому могли способствовать широкие знакомства Дашковой с выдающимися учеными ряда европейских стран, которые установились еще во время ее путешествий в 60–70-е годы XVIII в. Однако кроме личных связей «мадам директор» существовали реальные заслуги Петербургской академии наук, которые и привлекали внимание ученых других стран.

Примечания

¹ Протоколы заседаний Конференции имп. Академии наук с 1725 по 1803 год. Т. IV. 1786–1803. СПб., 1911. С. 391. (Далее: Протоколы ...)
² Краснобаев Б. И. Глава двух академий // Вопросы истории. 1971. № 12; Лозинская Л. Я. Во главе двух академий. 2-е изд. М.,

1983; Пряшникова М. П. Музыкальный альбом Е. Р. Дашковой // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1982. Л., 1984; Веселая Г. А. Екатерина Романовна Дашкова в селе Троицком // Труды ГИМ. Вып. 58. М., 1984; Коломинов В. В., Файнштейн М. Ш. Храм муз словесных. Л., 1986.

³ Дашкова Е. Р. Записки. 1743–1810 / Подготовка текста, статья и комментарии Г. Н. Моисеевой. Отв. ред. Ю. В. Стенник. Л., 1985 (Рец. на «Записки»: Вопросы истории. 1987. № 6. С. 128–134); Дашкова Е. Р. Записки. Письма сестер М. и К. Вильмот из России / Ред. С. С. Дмитриев. Составитель и автор комментариев Г. М. Веселая. М., 1987. (В дальнейшем ссылки на это издание: Дашкова Е. Р. Записки).

⁴ Огарков В. К. Е. Р. Дашкова: ее жизнь и общественная деятельность. М., 1883. С. 58.

⁵ Сухомлинов М. И. История Российской академии. Вып. 1. СПб., 1874. С. 289–290.

⁶ Краснобаев Б. И. Глава двух академий. С. 91.— В. К. Огарков даже утверждал, что в основе педагогических исканий Дашковой лежало тщеславие (см.: Огарков В. К. Е. Р. Дашкова ... С. 6–48).

⁷ Перевод с письма кн. Е. Р. Дашковой, писанного в 1805 году ноября 15 дня к К. Вильмот // Друг просвещения. 1806. № 12. С. 190.

⁸ Краснобаев Б. И. Глава двух академий. С. 91–92.

⁹ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Т. IV. № 1907; Т. VII. № 4406.

¹⁰ Там же. Т. XVI. № 12154.

¹¹ Лихачева Е. Материалы для истории женского образования в России. (1086–1856). СПб., 1899. С. 263.

¹² Протоколы ... Т. III. 1771–1785. СПб., 1900. С. 469.

¹³ Архив Академии наук в Петербурге (Далее — ПФААН). Ф. 3. Оп. 9. Д. 1086. Л. 1.

¹⁴ Там же. Л. 2.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. Д. 505. Л. 3.

¹⁸ Елютин В. П. Университет // БСЭ. Изд. 4-е. М., 1977. Т. 27. С. 19.

¹⁹ ПФААН. Ф. 3. Оп. 9. Д. 1086. Л. 2.

²⁰ Отчет Е. Р. Дашковой, представленный ею Екатерине II. Цит. по: Лозинская Л. Я. Во главе двух академий. С. 125.

²¹ ПФААН. Ф. 3. Оп. 9. Д. 511. Л. 4.

²² Там же. Д. 520. Л. 1.

²³ Протоколы ... Т. IV. С. 77–78.

²⁴ ПФААН. Ф. 3. Оп. 9. Д. 1086. Л. 1.

²⁵ Орлов Вл. Русские просветители 1790–1800 годов. М., 1953. С. 285.

²⁶ ПФААН. Ф. 3. Оп. 9. Д. 474. Л. 2.

²⁷ Там же. Д. 457. Л. 1.

²⁸ Протоколы ... Т. IV. С. 391.

²⁹ Собеседник любителей российского слова. 1783. Кн. 2. С. 26.

³⁰ ПФААН. Ф. 3. Оп. 9. Д. 454, 457, 464, 505, 516а, 545 и др.

³¹ Такое совпадение подтверждает предположение Г. Н. Моисеевой о том, что «Записки» создавались Е. Р. Дашковой на основании имевшихся у нее документов, возможно, дневников (см.: Моисеева Г. Н. О «Записках» Е. Р. Дашковой // Дашкова Е. Р. Записки. 1743–1810. Л., 1985. С. 259).

³² Лозинская Л. Я. Во главе двух академий. С. 73.

33 Кулябко Е. С. М. В. Ломоносов и учебная деятельность Петербургской академии наук. М.; Л., 1962.

34 Марголис Ю. Д., Тишкин Г. А. Отечеству на пользу, а россиянам во славу: Из истории университетского образования в Петербурге в XVIII—начале XIX в. Л., 1988.

35 Толстой Д. А. Академическая гимназия в XVIII столетии. СПб., 1885. С. 69 (Ср.: История Академии наук СССР. В 3 т. Т. 1 (1724–1803). М.; Л., 1958. С. 422–423).

36 Толстой Д. А. Академическая гимназия в XVIII столетии. С. 70.

37 Там же. С. 71, 73. — К сожалению, в последних двух изданиях «Записок» Е. Р. Дашковой (1985 и 1987) слово «*élève*» переведено «*учащийся*». Между тем, этот термин был введен 23 октября 1773 г. для того, чтобы можно было различать учащихся гимназии и студентов университета. Д. А. Толстой называет некоторые имена: Головин, Флоринский, Галченко, Моисеев.

38 Толстой Д. А. Академическая гимназия в XVIII столетии. С. 72.

39 Севастьянов А. О жизни и трудах покойного академика Ивана Ивановича Лепехина // Де-бюффон. Всеобщая и частная естественная история. Часть X. Перевод И. И. Лепехина. СПб., 1808. С. 7–8. См. также: Кулябко Е. С. Замечательные питомцы Академического университета. М.; Л., 1977. С. 128.

40 ПФААН. Ф. 3. Оп. 9. Д. 1086. Л. 1.

41 См.: Лозинская Л. Я. Во главе двух академий. С. 126.

43 Дашкова Е. Р. Записки. С. 231.

43 ПФААН. Ф. 3. Оп. 9. Д. 457. Л. 1.

44 Там же. Д. 488. Л. 4об.

45 Там же. Д. 1093. Л. 1об.

46 Там же. Д. 666. Л. 1–56.

47 Цит. по: Лозинская Л. Я. Во главе двух академий. С. 126–127.

48 Дашкова Е. Р. Записки. С. 156.

49 Цит. по: Лозинская Л. Я. Во главе двух академий. С. 127.

50 Там же.

51 Протоколы ... Т. III. С. 695, 720.

52 Там же.

53 Там же. С. 759, 767–768.

54 Там же. С. 682. — Е. С. Кулябко ошибочно считает, что публичные лекции возобновились с 1785 г. (см.: Кулябко Е. С. Замечательные питомцы ... С. 114).

55 Л-ко [Лященко А. И.]. Дашкова Екатерина Романовна // Новый энциклопедический словарь. Т. 15. СПб., 1896. Стлб. 628.

56 Дашкова Е. Р. Записки. С. 157.

57 Протоколы ... Т. IV. С. 375.

58 Там же. С. 374.

59 Там же. С. 1000.

60 Сухомлинов М. И. История Российской академии. Вып. 1. С. 29.

61 Там же. С. 30.

62 Дашкова Е. Р. Записки. С. 157.

63 Протоколы ... Т. IV. С. 51.

64 Там же. С. 179.

65 Там же. С. 68.

66 Греч Н. И. Записки моей жизни. М., 1990. С. 107.

67 Де-Пуле М. Отец и сын // Русский вестник. 1875. № 5. С. 164.

68 Тишкин Г. А. Петербургский университет и начало высшего женского образования в России // Очерки по истории Ленинградского университета. Вып. 4. Л., 1981. С. 15-32.

69 Протоколы ... Т. IV. С. 428.

70 Там же. С. 352.

71 Там же. Т. III. С. 800.

72 Там же.

73 Там же. Т. IV. С. 50.

74 Там же. С. 67-68.

75 Сухомлинов М. И. История Российской академии. Вып. 1. С. 30.

76 Протоколы ... Т. IV. С. 66.

77 Сухомлинов М. И. История Российской академии. Вып. 1. С. 36.

78 Протоколы ... Т. III. С. 775-776.

79 Там же. Т. IV. С. 401.

80 Там же. Т. IV. С. 323.

81 Там же.

82 Кулябко Е. С. Замечательные питомцы ... С. 83.

83 Протоколы ... Т. IV. С. 175-178.

84 Там же. С. 178.

85 Там же. С. 182-183.

86 Там же. С. 187.

87 Там же. С. 192, 194, 197-198, 214, 217.

88 Там же. С. 226.

89 Там же. С. 428.

90 В своей книге «Замечательные питомцы Академического университета» (1977) Е. С. Кулябко даже не указала, питомцами какого высшего учебного заведения были известные русские ученые Кононов, Озерецковский, Сахаров, Севергин (это противоречило бы точке зрения автора, будто университет «закрылся» в 1765 г.). Е. С. Кулябко оказалась более доброжелательна к Головину и Зуеву, поместив их жизнеописания в своей книге, хотя по возрасту они могли быть студентами лишь «не существующего» Университета (родились в 1756 и 1752 гг. соответственно).

91 Протоколы ... Т. IV. С. 872.

92 Там же. Т. III. С. 827.

93 ПФААН. Д. 505. Л. 2об.

94 Там же. Д. 756. Л. 14-18об.

95 Дашкова Е. Р. О смысле слова «воспитание». С. 27.

96 Толстой Д. А. Академический университет в XVIII столетии по рукописным документам Архива Академии Наук. СПб., 1885. С. 61.

97 Сухомлинов М. И. История Российской академии. Вып. 1. С. 37.

98 Дашкова Е. Р. Записки. С. 161.

99 Протоколы ... Т. IV. С. 36.

100 Там же. С. 37, 43.

101 Там же. С. 215-216.

102 Там же. С. 127.

103 История императорского Московского университета, написанная к столетию его юбилея Степаном Шевыревым. М., 1855. С. 372.

104 Райков Б. Е. Естественно-историческое образование в XVIII веке // Просвещение. Вып. 2. Пг., 1922. С. 96-97.

105 Протоколы ... Т. IV. С. 141.

106 Там же. С. 295.

Глава третья

«ОТДЕЛЕНИЕ ИМЕЮЩЕГО УЧРЕДИТЬСЯ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ УНИВЕРСИТЕТА...»

Одно из первых проявлений замысла учредить в Петербурге внеакадемический университет содержали «Предварительные правила народного просвещения», утвержденные 24 января 1803 г. «Правила» предусматривали, «кроме существовавших в Москве, Вильне и Дерпте» университетов, организацию университетов также в Петербурге, Харькове и Казани.¹ Известны факты, подтверждающие существование Университета в Петербурге (письмо академиков Александру I от 1803 г. и др.). То, что было написано в «Правилах» об отсутствии Университета в Петербурге, является всего лишь бюрократической аргументацией, усиливающей важность благотворной для отечества деятельности царя-реформатора Александра I. Эти же правила устанавливали, что «всякий университет должен иметь учительский или педагогический институт».² И если в Казани и Харькове университеты вскоре были созданы (ввиду того, что учреждения, близкие по своему облику к учительскому институту, в этих городах уже существовали), то в Петербурге вынужденно пошли по иному пути. 20 мая 1803 г. министр народного просвещения в своем докладе Александру I нарисовал весьма жалкую картину положения петербургской Учительской гимназии.

О каком же учреждении в данном случае шла речь?

Чтобы ответить на этот вопрос, надо иметь в виду, что до последней четверти XVIII в. в России не было какой-либо определенной принятой системы образования. Государственной светской школы не существовало. Дворяне и состоятельные лица из других сословий предпочитали давать своим детям домашнее образование или помещать их в различные частные пансионы,

содержавшиеся по преимуществу иностранцами, значительная часть которых между тем не была подготовлена к должному выполнению принятых обязанностей. Духовные семинарии и церковные начальные училища, как и существование Академической гимназии, Петербургской гимназии, или при Московском университете, или Казанской гимназии, не меняли положения и не могли заменить системы общеобразовательных школ.

Такую школу нужно было создать, потребность в ней диктовалась всем развитием страны. Поэтому «в 1760-х годах центр тяжести политики просвещения явственно перемещается в область низшего и среднего образования». ³ В 1760–1770 гг. учреждается целый ряд комиссий и выдвигаются проекты (И. И. Бецкого, Духовной комиссии и др.) организации широкой системы просвещения, главным образом общего, путем создания сети школ. Но, как и многие другие проекты Екатерины II и ее приближенных, они не были осуществлены.

В «учреждении для управления губерний» 1775 г. делается как будто реальный шаг в этом направлении. В каждой губернии создавался специальный приказ общественного призрения, на который, помимо заведывания благотворительными учреждениями, возлагалось «попечение и надзирание о установлении и прочном основании народных школ». ⁴ Однако практически это не привело и не могло привести к каким-либо результатам. Условий для повсеместного открытия школ создано не было: приказы не имели средств, не могли обеспечить школ ни учителями, ни учебниками, ни даже помещениями. ⁵

Более реальное значение в организации общеобразовательных («народных») школ имели шаги, связанные с созданием в 1782 г. «Комиссии об учреждении училищ». ⁶ В состав Комиссии вошли П. В. Завадовский (в качестве председателя), Ф. У. Эпинус и П. П. Пастухов. Из трех членов комиссии только Эпинус занимался вопросами образования и в какой-то мере соответствовал своему назначению. Изучив австрийскую систему образования, он представил специальную записку, где и предлагал заимствовать из этой системы основные положения, внося лишь частные изменения в соответствии с требованиями русской действительности. Первых учителей он полагал возможным пригласить также из Австрии. Большое значение для работ Комиссии имело приглашение в 1782 г. руководителя нормальных школ в сербских провинциях Австрии Янковича де-Мириево (1714–1814), обладавшего незаурядным педагогическим и организаторским талантом и хорошо знавшего русский язык. Однако Янкович де-Мириево, принимавший самое деятельное участие в реформе, фактически направлявший ее, не

вошел в состав Комиссии в качестве ее действительного члена, а был сотрудником-экспертом. Членом комиссии он был назначен только в 1797 г.

Перед Комиссией стояла сложная задача: в короткий срок открыть школы в главнейших городах России. Следует заметить, что народные училища, организацией которых занялась Комиссия, по существу весьма ограничивали «народный» контингент, ибо речь шла только об организации городских училищ и, таким образом, большинство народа (крестьянство) почти целиком исключалось из сферы работы Комиссии. Первым ее шагом была выработка «Плана к установлению народных училищ Российской империи», утвержденного Екатериной II 27 сентября 1782 г. План предусматривал утверждение в городах малых, средних и главных народных училищ.⁷ Однако реальные условия для создания сети училищ в начале 80-х годов отсутствовали. В частности, предстояло провести большую работу по написанию учебных руководств и подготовке преподавателей. К решению этих задач прежде всего и приступила Комиссия по учреждению училищ. С написанием учебников дело обстояло сравнительно просто. Для малых училищ пособия были подготовлены менее чем за год, написание же руководств для старших классов растянулось до начала XIX в. Но в конце концов это был только вопрос времени. К началу XIX в. в России была составлена первая систематически подобранная учебная литература для низшей и средней школы.

С гораздо большими трудностями сталкивалось дело подготовки учителей. Уже само выделение специального вопроса о подготовке учителей, т. е. педагогического образования, в самостоятельный вопрос являлось принципиально важным и прогрессивным. Предшествовавшие проекты 1760–1770 гг. проблем подготовки педагогов вообще не ставили, ведь составление проектов было отдано в ведение духовенства. Парадоксально, что Духовная комиссия в проекте градских школ 1772 г. прямо настаивала на ненужности специальной подготовки к учительской должности, учителю достаточно освоить то, что содержится в учебной книге: «Ежели они (учителя) сами выше упомянутых наук, яко то арифметики, географии и истории не училися, то книжки, к тому сочиненные, суть уже такого понятия, что они, прочитав их прилежно и неоднократно, могут детей обучать; поелику сами вразумилися, ибо больше того от них не требуется».

Несмотря на то, что Комиссия заняла правильную позицию в вопросе о профессиональной подготовке педагогов, проведение ее в жизнь не отличалось последовательностью и быстро-

той. Признавая необходимость специальной подготовки учителя, Комиссия тем не менее принимала ее только для главных народных училищ, считая, что учителей для малых училищ должны готовить главные училища. Масштабы подготовки учителей она ограничила созданием одной лишь петербургской Учительской семинарии.

Семинария была открыта в 1783 г. Но подготовку учителей для народных училищ Комиссия начала собственно еще до организации семинарии. С 15 октября по 20 декабря 1782 г. непосредственно при Комиссии проходили подготовку для преподавания в малых народных училищах вызванные из Александроневской духовной семинарии 20 семинаристов.⁸ Естественно, здесь не могло быть и речи о каком-либо основательном обучении, в такой короткий срок учащиеся могли только ознакомиться с «новым методом» Ф. И. Янковича де-Мириево, состоявшем в последовательном обосновании принципа наглядности обучения. Но все это вместе было признаками намерения создать учебное заведение по типу более высокое, чем Учительская семинария, приближающееся к тому «Учительскому или Педагогическому институту при Университете», который предусматривался «Предварительными правилами народного просвещения» от 24 января 1803 г. И хотя новое учебное заведение отрылось в очевидно не соответствующей принятым к его учреждению мерам форме «Учительской гимназии» (3 января 1804 г.), уже 16 апреля того же года утверждаются «Правила для Педагогического института в Санкт-Петербурге»,⁹ по поводу которых впервые было сказано о намерении верховной власти «учредить» в Санкт-Петербурге Университет. В докладе к этим Правилам министр народного просвещения сообщал, что «Учительская в Санкт-Петербурге гимназия ... ныне совершенно устроена. По предмету своему, состоящему в образовании юношества к учительской должности, она составляет отделение имеющего учредиться в Санкт-Петербурге Университета, почему и принять должна название Педагогического института, сообразно тому, как называются таковые учреждения в других университетах».¹⁰

Это заявление и провозглашало курс на постепенное возвышение действовавшей в Петербурге с 1783 г. Учительской семинарии (гимназии) до уровня очага «высшего просвещения» — университета.

Факты свидетельствуют непреложно, что для решения этой задачи оказались жизненно важными и опыт Академического университета (воплощенный, в частности, в жизнях и судьбах конкретных людей), и практика Учительской семинарии.

Опыт Учительской семинарии в развитии университетского образования в Петербурге сравнительно с практикой Петровского (Академического) университета имел явно вспомогательное значение. Но было бы обеднением истории университетского образования не только в Петербурге, но и во всероссийском масштабе — игнорирование внимания к первому в городе на Неве учительскому институту.

Что до Учительской семинарии, то выявленные Н. Н. Кононовой и Л. А. Шиловым¹¹ материалы дают представление и о ее внутренней жизни, об учебной работе, составе студентов, о деятельности преподавателей и др.

Первый прием в Учительскую семинарию, осуществленный в 1783 г., проводился путем вызова воспитанников духовных семинарий. И в последующие годы иного способа комплектования учащихся Комиссия также не знала. Из вызванных в семинарию 150 воспитанников 100 лучших были оставлены для обучения, а остальные распределены учителями в малые народные училища. Выбор лучших представлялся весьма затруднительным: немногие семинаристы испытывали большое желание стать учителями. Всего было осуществлено пять приемов, составивших, условно говоря, пять курсов:

I курс, 1782—1788 гг.	— 213 чел.
II курс, 1786—1789 гг.	— 118 чел.
III курс, 1790—1792 гг.	— 34 чел.
IV курс, 1794—1799 гг.	— 55 чел.
V курс, 1799—1802 гг.	— 26 чел.

Из 446 студентов, начинавших обучение в учительской семинарии, довели его до конца и получили полное образование 324 студента, не считая первого выпуска, осуществленного еще самой Комиссией об учреждении училищ в 1782 г.¹²

Ценный материал для изучения состава учащихся Учительской семинарии дают сводные списки студентов за 20 лет — с 1782 г. по 1803 г.¹³

Если в 1782 г. Комиссия об учреждении училищ ограничивалась вызовом только семинаристов Петербургской духовной семинарии, то в последующем «география» приема начинает расширяться и выходит за пределы столичной губернии. В феврале 1783 г. прибывает для обучения 50 человек, в том числе 20 человек из Московской славяно-греко-латинской академии и по 10 человек из Смоленской, Казанской и Тверской духовных семинарий. В мае того же года вытребовано было из других семинарий еще 100 человек. В течение 20 лет в Учительскую семинарию направляли своих воспитанников 30 духовных семинарий; на первом месте стояла Киевская семинария, направившая 90 семинаристов.

Такой способ комплектования имел только одно безусловное достоинство: он обеспечивал Учительскую семинарию, хотя бы на определенный период, более или менее устойчивым и однородным по уровню подготовки контингентом учащихся. Комиссия об учреждении училищ пыталась пополнить состав семинарии и из других источников, но эти попытки не привели к успеху. Так, сделано было предложение о поступлении в семинарию студента Московского университета и Харьковского коллегиума. Но это ничего не дало. Присланные же в марте 1783 г. 4 студента Московского университета отказались обучаться «новому методу» Янковича де-Мириево и были отосланы обратно. За весь период деятельности Учительской семинарии вольнопоступивших насчитывалось всего 12 человек. Принудительный способ комплектования нес в себе крупные пороки. Как только этот источник переставал давать нужный контингент учащихся, учебное заведение оказывалось в упадке. Так случилось и с Учительской семинарией. Кроме того, несмотря на усилия Комиссии об учреждении училищ отобрать в Семинарию лучших воспитанников духовных семинарий, при принудительном способе приема учебная подготовка многих из них оказывалась весьма низкой. Естественным следствием принудительного направления на учебу в Учительскую семинарию являлись также отсутствие у многих слушателей интереса к учебе и большой отсев. Из 446 студентов, начавших обучение в Семинарии в период с 1782 по 1802 г., довели его до конца только 324 человека.

Отбор семинаристов для обучения в Учительской семинарии осуществлялся Комиссией об учреждении училищ, которая требовала от духовных семинарий представления предварительных списков с указанием успеваемости и поведения. Направляемые на учебу не младше 18 лет должны были иметь первоначальные сведения в арифметике, географии, русской грамматике, катехизисе, а также «некоторый дар сообщения, который узнавать можно из ответов ученических на вопросы».¹⁴ С желанием же или призванием к учительскому труду при отборе вообще не считались. Вопреки этим вовсе не очевидным для своего времени просчетам, учительское высшее учебное заведение накапливало опыт, который станет впоследствии неотъемлемой составной частью попечительской деятельности Университета в учебном округе, ему подведомственном.

Система комплектования учащихся позволяет утверждать, что в подавляющем большинстве это были выходцы из духовного сословия, сыновья среднего и низшего духовенства. Это подтверждается и некоторыми частными данными. Так, из

списка студентов, окончивших курс в 1788 г., видно, что из 10 окончивших 9 человек были сыновьями священнослужителей и лишь 1 — сыном дворянина.¹⁵

Деятельность Учительской семинарии стояла в тесной связи с развитием народных училищ. Успехи последних в значительной мере обуславливались результатами деятельности Семинарии. К концу XVIII в. было учреждено 316 училищ, в которых работали 705 учителей. Если учесть, что Учительская семинария за годы своего существования направила в училища 425 учителей, то станет ясным ее значение в развитии народного образования страны.

Назначение питомцев Семинарии на учительские должности производилось Комиссией об учреждении училищ, причем такое назначение нередко проходило и до окончания курса обучения. Так, в 1787 г. в связи с открытием главных народных училищ потребность в учителях настолько возросла, что Комиссия вынуждена была отобрать из числа студентов семинарии желающих добровольно до окончания курса занять учительские должности в 1-х и 2-х классах народных училищ. Для отобранных студентов Семинария организовала дополнительную специальную подготовку путем повторения предметов, которые им предстояло преподавать и организации своеобразной педагогической практики в Главном народном училище.¹⁶

Первый выпуск учителей Семинарии в 1783 г. целиком был направлен в училища Петербурга. Постепенно Учительская семинария становится общегосударственным центром по подготовке учителей для народных училищ (малых и главных). Уже первый массовый выпуск 1786 г. дает учителей не только для Петербурга и его губернии, но и для Новгородской, Псковской, Воронежской, Вятской, Костромской, Тамбовской, Олонекской, Архангельской, Симбирской губерний. Со временем число губерний, обеспечиваемых Семинарией, еще более расширяется, включая Черниговскую, Киевскую, Харьковскую и другие губернии.

Все студенты Семинарии были казеннокоштными воспитанниками. Внешний уклад их жизни определялся «Правилами смотрителя Семинарии», подчинявшими студентов суровому режиму и весьма строгому контролю, предусматривавшими все мелочи их быта и поведения, вплоть до предписания умываться по утрам. Комиссия об учреждении училищ бдительно следила за поведением студентов. В октябре 1796 г. директору Семинарии указывается на необходимость усилить наблюдение за студентами, причем Комиссия постановила «для лучшего в оной (Семинарии. — Авт.) присмотра за благочинием

дать ему (директору. — Авт.) в команду находящегося при прежде бывшем Шукинском доме сержанта Назара Андреева с двумя сторожами». ¹⁷ Отлучаться из семинарии можно было только в случае крайней надобности по специальному разрешению директора или смотрителя — особым билетам-пропускам. Для большей гарантии получившего увольнение сопровождал один из товарищей, дабы «они отвечали друг за друга». ¹⁸ Ночевать вне Семинарии категорически запрещалось. Не возвратившийся вовремя студент подвергался строгому наказанию. Подобным же образом ограничивался и впуск в Гимназию посторонних посетителей, приглашение которых допускалось только с разрешения директора или смотрителя.

Строгий надзор был установлен не только за новичками. Например, окончившие курсы в 1802 г. и уже сдавшие экзамены студенты до определения в учительские должности оставались при Гимназии (Семинарии) с правом давать желающим частные уроки. И даже они, совершенно взрослые люди, почти учителя подвергались унижительному мелочному надзору. Директор Гимназии должен был вести особый учет, кто из студентов имеет частные уроки, «когда, к кому именно, в какие часы и каким предметам принялся ходить обучать, донося об этом всегда Комиссии (об учреждении училищ) и наблюдая, чтобы таковые студенты в предписанное время домой приходили и отнюдь вне дома Учительской гимназии не ночевали». Но даже в пределах Гимназии студентов не оставляли в покое, и дабы занять их умы, Комиссия рекомендовала им вновь заняться повторением учебных предметов, переводом «Всемирной истории» и «прочими для них и публики полезными упражнениями». ¹⁹

Во время внеклассных занятий в жилых комнатах студентам надлежало «воздерживаться от шума, пустословия, срамных песен и бесчинных рассказов, но все время свое на полезные упражнения употреблять». ²⁰

Недоразумения и споры между студентами разбирали «старшие товарищества», а в случае безуспешности их вмешательства или серьезных проступков — смотритель, директор и даже Комиссия об учреждении училищ.

Система наказаний, в сравнении с жестокими правами бursы, предусматривала более легкие меры (исключение из игры, выговор наедине, выговор публичный, содержание под арестом в особой комнате на хлебе и воде и, как крайняя и весьма редко применявшаяся мера, — сдача в солдаты). Стремясь наравненным трудом, бдительным надзором и более мягкими наказаниями смягчить грубость нравов, вынесенную студентами из бursы, устроители Учительской семинарии исключали всякие

телесные наказания («ремни, палки, плети, линейки и розги», «пощечины, толчки и кулаки», «драние за волосы и за уши и становление на колени»), а также считали нужным запретить и «все посрамления и честь трогаящие устыжения, как-то: уши ослиные и название скотины, осла и т. п.».²¹

Воспитательные цели преследовали не только надзор и наказания. Известное значение имели и поощрения лучших воспитанников в виде книжных и денежных наград. Так, в 1784 г. лучшие рисунки студентов были куплены для занятий рисованием в нижних классах Учительской семинарии, а на эти деньги приобретены книги, розданные в награду художникам — студентам. В 1786 г. за перевод на русский язык физики Эберта студенты Толмачев и Зубков получили денежное вознаграждение.²²

Подлинно университетской чертой обучения в Учительской семинарии стал тот факт, что ее студенты создали свои собственные корпоративные организации. С разрешения администрации 10–20 студентов объединялись в «товарищества» во главе с выборным «старшим», которому все были обязаны беспрекословно подчиняться. Какой характер носили эти «товарищества», сказать трудно. Возможно, это были своего рода землячества, возможно, — объединения групп (классов). «Старшие» студенты наблюдали за порядком в своих «товариществах», донося утром смотрителям о всех происшествиях. «Старшие студенты» ведали и хозяйством своего «товарищества», получали одежду, обувь, деньги или провиант натурой. В последнем случае они должны были обеспечить также и приготовление пищи.

Материально учащиеся обеспечивались плохо. Отпускаемых из Комиссии об учреждении училищ сумм на полное содержание воспитанника явно не хватало, и в архивных делах хранилось немало прошений студентов с жалобами на «ветхость» одежды и обуви. Очень часто по этой причине они были лишены даже возможности выходить из дома. Жалобы студентов на плохое питание и на плохую одежду не были преувеличенными. Не случайно еженедельные рапорты отмечают большое число заболевших, почти всегда около 10% учащихся отсутствовали в классах по болезни. Отсюда и сравнительно высокая смертность среди молодых людей, находившихся в самом цветущем

Преподавательский персонал Семинарии резко отличался от состава преподавателей частных пансионов. Во-первых, большинство преподавателей здесь были русские. Во-вторых, указ от 7 марта 1784 г. позволял привлекать к преподаванию в семинарии академиков, профессоров и адъюнктов Академии наук.²³

Сведения об учебных планах и программах преподавания в Учительской семинарии очень скудны и позволяют сделать лишь самые общие заключения. Но они важны для нашей темы: ведь учебный план Учительской семинарии во многом превосходит тот, по которому будет работать Главный Педагогический институт — предтеча внеакадемического Университета.

Первый известный нам учебный план Учительской семинарии — «Расположение учебных часов» — относится к марту 1787 г.²⁴ Согласно этому плану в Семинарии преподавались естественная история, география, математика, архитектура, всеобщая история, русский язык, немецкий язык, латинский язык, греческий язык и рисование. Список предметов подчинен цели Семинарии: поскольку предстояло готовить учителей для народных училищ, предметы обучения в Семинарии совпадали с предметами, преподаваемыми в училищах.

Хотя учебный план не предусматривал специализации, она осуществлялась уже с первого года обучения. Студенты, изучая все предметы, должны были обращать преимущественно внимание на предметы определенного разряда.²⁵ Со временем специализация по разрядам углублялась. Все вновь принятые студенты подвергались испытаниям, после чего их распределяли на математические и исторические разряды. Из 446 студентов, обучавшихся в Семинарии в 1782–1802 г., 188 специализировались в математических науках (разряде), 160 — в исторических, 40 — по «новому методу»; специализация остальных неизвестна. Позволяя сосредоточить внимание студентов на более глубоком изучении дисциплин одного класса, специализация преследовала практические цели — обеспечить подготовку учителей для старших классов народных училищ. Эта специализация по существу превосходит будущее факультетское деление Главного Педагогического института, а затем и С.-Петербургского университета.

Если первоначально учебный план Семинарии совпадал с планом Главных народных училищ, то постепенно начинает появляться и усиливаться расхождение в них. Намечается тенденция включать в преподавание дисциплины, вовсе не изучавшиеся в народных училищах. В 1787 г. директор Семинарии в целях расширения практических познаний студентов высказывает пожелание дать им некоторые сведения по вексельному делу и сравнению денег, мер и весов, «особенно с Россией смежных и торгующих народов».²⁶ Но даже и тогда, когда семинаристы изучали дисциплины, преподававшиеся в народных училищах, самое содержание этих дисциплин было значительно более обширно и глубоко. Так, отныне предполагалось изучение эле-

ментов высшей математики. Летом 1786 г. воспитанники Семинарии по распоряжению Янковича де-Мириево слушали публичные лекции по математике, химии и натуральной истории в Академии наук.²⁷

К концу существования Учительской семинарии и особенно плана Главных училищ учебный план еще более отходит от «Росписи учебным предметам и часам в Учительской гимназии», составленные на 1804 г. накануне преобразования Гимназии в Педагогический институт.²⁷ При изучении этих росписей прежде всего видно четкое разделение на отделения (специализации), причем некоторые предметы преподаются уже только студентам одного отделения. В учебный план включены логика и метафизика, химия и экспериментальная физика, сельское домоводство, нравоучительное любомудрие, политическая экономия и коммерческие науки, эстетика.

Таким образом, Учительская семинария, начав с плана преподавания, мало отличавшегося или совсем не отличавшегося от плана главных народных училищ, постепенно переходит на учебный план, имевший самостоятельное значение и приближающийся к планам будущих университетских педагогических институтов и, таким образом, университетов.

О содержании преподававшихся в Семинарии курсов можно судить по учебникам и материалам проводившихся испытаний. Данные записей экзаменов в математическом классе, проходивших в декабре 1796 — феврале 1797 г., позволяют представить объем тех или иных предметов обучения. Студенты должны были отвечать на вопросы из всех разделов математики и физики. По арифметике и алгебре они обязаны были знать дроби, пропорции, прогрессии, квадратные и третичные корни; по геометрии — превращение и свойства треугольников, пирамид, круга; по механике — сложение и разделение сил, рычаги, гидростатику, по физике — давление воздуха, оптику, звук, электрическую силу и др.²⁹ Кроме того, все студенты сдавали экзамен по латинскому языку (письменный перевод из Овидия).

Экзамены в историческом классе по естественной истории включали отдельные испытания по зоологии, ботанике и минералогии. Вопросы весьма различны по определенности и по объему: наряду с вопросами «о зверях», «о птицах», «о земноводных и рыбах» студенты «читали» «систему зоологии», «из минералогии вообще», «вообще о ботанике и систему оной».³⁰ Экзамен по географии включал: «из всеобщей географии об общем и математическом разделении Земли вообще и потом осо-

бешно о Российском государстве из пространного Российского описания», сведения о земном шаре вообще, географию Европы, Азии, Африки и Америки и географии отдельных стран, а также географию отечественную. Экзамен по истории включал вопросы Российской истории и всеобщей, в которую входила история древнейших государств — Ассирии, Вавилонии, Мидийского государства, Карфагена, Египта, Финикии, Греции и др. Из более поздней истории упоминаются история Португалии, Пруссии, Турции, Англии, Немецких земель и др.³¹

Записи экзаменов дают сведения о характере самого испытания. Экзамены проводились весьма основательно. Так, испытания в математическом классе у 20 студентов принимались 18 дней, т. е., в день экзаменовался по существу только один студент.³² Экзамены в историческом классе по естественной истории длились 12 дней. Студент Яков Куракин экзаменовался 8 января 1797 г. по истории и географии в два приема — до полудня и после полудни, причем в этот день был проэкзаменован только он один.³³

Нетрудно видеть, что и в учебных планах, и в формах учебной работы проступают зримые черты облика Петровского университета.

Значение Учительской семинарии не ограничивается созданием значительного ядра учителей. Комиссия об учреждении училищ свою задачу рассматривала в двух планах — подготовка учителей для народных училищ и составление учебных руководств для этих училищ. Значительная часть работы по составлению руководств выполнялась педагогическим персоналом Семинарии. Задача обеспечения народных училищ учебной литературой решалась двумя путями: переводами на русский язык лучших иностранных руководств и составлением новых оригинальных учебников.

Преподаватели Семинарии перевели на русский язык «Начальные основания всеобщей и врачебной химии» в 12 томах (1796–1797 гг.), «Начальные основания химии» И. Эрислебена (перевод осуществлен в 1788 г. Н. П. Соколовым), «Начальные основания умозрительной и деятельной химии», «Краткое руководство к физике для употребления в народных училищах Российской империи» (перевод учебника Эберта выполнен под руководством М. Е. Головина и издан в 1785 г.), «Начальные основания естественной истории» И. Эрислебена (перевод В. Ф. Зуева), «Естественная история» Блуменбаха (переведена в 1797 г. А. Теряевым совместно с учителем Главного народного училища Наумовым) и др.

Значительно более сложным, но вместе с тем и более отвеча-

ющим задачам развития российского просвещения делом было создание собственных учебных руководств.

В это дело замечательный вклад внесли питомцы Петровского университета, в чем, несомненно, проявилась важная черта преемственности высшего просвещения в Петербурге.

В ряду подобных пособий выдающееся место занимает учебник питомца и профессора Академического университета, ученика Л. Эйлера М. Е. Головина «Плоская и сферическая тригонометрия с алгебраическими доказательствами» (СПб., 1789 г.). По своему научному уровню учебник Головина «стоял выше не только более ранних, но и многих позднейших русских и иностранных руководств». ³⁴

Выдающимся трудом этого рода было «Начертание естественной истории, изданное для народных училищ Российской империи в 2 частях» (СПб., 1786), написанное питомцем и профессором Академического университета В. Ф. Зуевым и выдержавшее за короткий период 5 изданий. Общий тираж их составил 21 тысячу экземпляров, что для того времени было весьма необычным. Этот первый и в течение почти полувека единственный русский учебник естественной истории, написанный автором, «придерживающимся материалистического взгляда на природу», в педагогическом смысле определил «целую эпоху». ³⁵ На учебнике В. Ф. Зуева, заключавшем и краткие методические указания для преподавателей, воспитывалось несколько поколений русских учителей-естественников.

П. С. Паллас в своей рецензии на учебник В. Ф. Зуева писал: «Я... прочел со вниманием краткий курс натуральной истории, предназначенный для изучения в нормальных школах... и должен выразить автору этого курса самую лестную признательность как за метод, коим он излагал свою работу, так и в отношении выбора материала, который он ввел в эту работу... Принося... самую искреннюю похвалу его работе, которую я нашел выше всего, что сделано в этом роде на других языках для первоначального обучения юношества в школах». ³⁶

Существенную роль сыграли также учебные руководства «Всеобщее землеописание» Ч. 1, 1788 г. (написано учителем Семинарии Гакманом на немецком языке, переработано Янковичем де-Мириево и переведено на русский язык Матинским) и «Краткое рассуждение о минералогии, вообще о переменах и приращении во всех частях оной, с присовокуплением главного основания новейшей минералогической системы» (СПб., 1796). ³⁷

«Новый метод» обучения, проводившийся Янковичем де-Мириево и Комиссией об учреждении училищ, одним из главных

своих оснований имел «реальность», наглядность преподавания, понимаемую весьма широко: картины, карты, «собрания натуральных вещей» и т. п. Можно уверенно сказать, что выдающийся австрийский педагог нашел в В. Ф. Зуеве своего деятельного единомышленника. Показательны в этом отношении иллюстрации к «Начертанию естественной истории» В. Ф. Зуева. По условиям полиграфического производства она была первоначально издана без рисунков. Но Зуев и Янкович, придавая большое значение наглядности и иллюстративности, издали отдельно «фигуры» по естественной истории большого формата, в виде таблиц, которые могли быть развешиваемы в классах. Таблицы по зоологии представляли собою в сущности разборный зоологический атлас. Издание подобного рода таблиц было в России новостью, и оно сыграло существенную роль в пропаганде наглядности преподавания в народных училищах.

Внедрению наглядности, предметности в преподавание в Семинарии уделялось значительное внимание. Поскольку средств, отпускаемых Комиссией об учреждении училищ на содержание Семинарии, едва хватало на содержание студентов и преподавателей, то создание кабинетов, библиотеки, коллекций в значительной мере было обязано инициативе, а часто и средствам самих преподавателей Семинарии.

При «отпочковании» из Главного народного Училища в 1786 г. Учительская семинария получила большую часть его библиотеки, в основу которой была положена коллекция, купленная в 1783 г. Екатериной II у коллежского советника Жукова, в составе 352 книг на русском и 703 книг на латинском, немецком и французском языках.³⁸ В дальнейшем из-за недостатка средств библиотека пополнялась нерегулярно. Так, в течение 1785–1789 гг. приобретено книг на латинском, немецком и французском языках на 310 р. 70 коп.³⁹ В 1800 г. приобретено 19 книг на французском языке на общую сумму 161 р. 20 коп.⁴⁰ Книг не хватало, и учителя постоянно подавали директору Семинарии списки недостающих учебников и учебных пособий. Дирекция пыталась, сколько могла, удовлетворить их просьбы. Так, в 1882 г. по заявкам, поданным профессорами Осиповским, Зябловским и Теряевым, у книготорговца Ив. Глазунова было приобретено книг на 806 р. 19 коп., что по тем временам было значительной суммой.

К 1803 г. в Семинарии числилось около 370 названий книг на русском языке, 300 — на французском, 24 — на латинском и 20 — на немецком. Среди книг на русском языке, кроме учебников, имелись сочинения Карамзина, Татищева, «Деяния Петра Великого» Голикова, «Духовная Владимира Мономаха» и др.⁴¹

Не меньшие трудности испытывала Семинария и при организации кабинетов. Вопрос этот стоял в центре внимания при самом образовании Семинарии. В представленных 9 января 1784 г. соображениях Янкович де-Мириево указывал на необходимость приобретения наглядных пособий, особенно по естествознанию и физике. Он писал: «При Главном народном училище надобно для классов математических и физических разные инструменты, орудия и машины, а для класса истории естественной небольшое собрание, хотя главнейших пород из царства животных и царства ископаемых и наипаче в России; також небольшой травник и некоторые при том книги с изображением тех естественных вещей, коих в натуре иметь будет не можно».⁴² Это не были соображения только самого Янковича де-Мириево. Он опирался на мнение выпускников Академического университета Зуева и Головина, горячих поборников преподавания с широким применением наглядности и эксперимента.

Начало ботанической коллекции было положено в 1784 г., когда П. А. Демидов прислал в дар Главному правлению училищ «травник его саду», т. е. гербарий, состоящий из 3161 «травки». Приобретен был также рекомендованный В. Ф. Зуевым гербарий учителя истории и географии А. Беляева.

Хранителями кабинетов являлись профессора соответствующих дисциплин. Занятые преподаванием, они не могли уделять кабинетам должного внимания, и приобретенные коллекции оставались не описанными. Условия хранения экспонатов были неудовлетворительными, в результате чего к концу XVIII в. коллекции натурального кабинета находились буквально накануне гибели.

По просьбе А. М. Теряева в 1799 г. натуральный кабинет был освидетельствован надзирателем Кунсткамеры О. Н. Беляевым. Учебные пособия кабинета к этому времени состояли из чучел птиц и животных, содержащихся в 187 банках. Беляев отметил, что в настоящем его виде кабинет стоит 1 000 рублей и имеет в своем составе «редчайшие и любопытнейшие» породы животных. Вместе с тем отсутствие надлежащих условий хранения привело к тому, что большинство чучел было изъедено молью и немногие из них могли демонстрироваться в классах. Для сохранения заспиртованных экспонатов необходимо было немедленно переменить спирт в банках.⁴³

Немалое внимание уделялось комплектованию минерального кабинета. В основу кабинета минералов была положена заказанная комиссией об учреждении училищ профессору Академии наук И. Г. Георги и купленная у него в 1785 г. за 200 руб. коллекция, состоявшая из 371 штуфа, преимущественно из образцов

руссе
сущ
штуф
ция в
теле
XIX
1 000
горн
В
обре
дела
бой а
личн
ми».
В
физи
из ни
ный
чески
кабин
димы
ские,
почин
стаю
струм
шина,
компа
астро
ческо
и два
66 эст
была
архите
Кон
сравни
случай
демии
это бы
назнач
гическ
высше
Разв
вало с
тра на

русских минералов.⁴⁴ В течение 90-х годов коллекция дважды существенно пополнялась: в 1795 г. А. Раздеришин подарил 200 штук, в 1798 г. за 300 руб. была приобретена ценная коллекция в 341 штук, собранная Е. Ф. Зябловским в бытность его учителем Кольванского Главного народного училища.⁴⁵ К началу XIX в. коллекции минерального кабинета состояли более чем из 1000 штук и давали студентам возможность ознакомиться с горными породами, распространенными на территории России.

В худшем положении был кабинет физический. Первое приобретение для него — электрическая машина за 250 р. — было сделано в 1785 г.⁴⁶ В 1799 г. кабинет пополнился подзорной трубой английской работы, оправленным магнитом и другими различного рода «подержанными математическими инструментами».⁴⁷

В 1800 г. члены Комиссии об учреждении училищ, осмотрев физические и геометрические инструменты, нашли, что многие из них требовали ремонта; неисправными оказались и воздушный насос, и электрическая машина, и оптические и геометрические приборы. Одновременно было отмечено отсутствие в кабинете сложного микроскопа, камеры-обскуры, ряда необходимых оптических приборов (зеркала выпуклые и цилиндрические, призма для преломления лучей и др.). В результате на починку инструментов было отпущено 250 р., куплены и недостающие приборы. В 1803 г. в физическом кабинете среди инструментов были воздушная машина, новая электрическая машина, водяная ванна с приборами, оптические приборы, магнит, компас, барометр, термометр; для преподавания геометрии — астролябия с ватерпасом и мерительный столик, для математической географии — два больших глобуса (небесный и земной) и два малых. Для занятий рисованием в 1787 г. было куплено 66 эстампов; для преподавания же архитектуры часть чертежей была куплена в Вене, а часть сделал будущий преподаватель архитектуры студент Василий Моульский.⁴⁸

Конечно, кабинеты Учительской семинарии были оснащены сравнительно скудно, комплектование коллекций часто носило случайный характер, и их нельзя сравнить с коллекциями Академии наук или Московского университета. Но если учесть, что это были первые кабинеты подобного рода, что они были предназначены не для научных целей, а исключительно для педагогических, то следует признать их заметным явлением в истории высшего педагогического образования.

Развитие национальной системы высшего образования требовало создать столичный университет в качестве не только центра науки, но и основы всякого просвещения, а прежде всего

просвещения высшего. Столица к концу XVIII столетия стала средоточием различных отраслей высшего профессионального образования (медицинского, военного, духовного). «Педагогическое образование было последнею из этих отраслей, за которую взялась государственная власть, поставившая теперь, в конце XVIII века, одной из существенных задач внутренней политики создание цельной системы народного образования на широкой общеобразовательной основе».⁴⁹

Примечательно, что избранный правительством способ формирования кадров учителей народных училищ повторял способ, примененный Петром I при «выращивании отечественной науки»: для «восполнения» потребных учителей «природными россиянами» создать в столице, в Петербурге рассадник просвещения, потребность в наставниках будущих учителей возместить приглашением на русскую службу авторитетных иностранцев, со значительнейшей для нашей темы оговоркой: до введения университета в Петербурге в действие в Петербургском учебном округе «преподаваемы будут высшие познания при Академии наук».⁵⁰ Эта оговорка — авторитетнейший знак преемственности в истории высшего (университетского) просвещения в Петербурге, да и практической эффективности Академического университета.

Практически эти идеи приняли указной, нормативный характер в решениях Комиссии об училищах, возглавленной министром народного просвещения П. В. Завадовским и вскоре переименованной в Главное Правление училищ. Эта комиссия и выработала «Предварительные правила народного просвещения». Предлагаемые «Правилами» меры обновления учебной жизни в империи могут быть сведены к следующим важнейшим.

Первое. Распределить народные училища «по полосам, или провинциям» (учебным округам), в каждом из которых вновь созданные университеты, «расширяя круг познаний в своих отделениях (округах)», примут на себя надзирание над всеми прочими училищами.

Второе. Училища Петербургского учебного округа держать в ведении центральной Комиссии (с тем, как уже отмечалось, чтобы до учреждения Университета в этом округе «высшие познания» были «преподаваемы при Академии наук».

Но привлеченный к разработке проекта реформы Янкович де-Мириево предложил предельно экономный и, на его взгляд, логичный план учреждения внеакадемического университета в Петербурге, превратив в университет созданную его прежними трудами на русской службе Учительскую гимназию.

20 мая 1803 г. по докладу П. В. Завадовского это перспектив-

ное решение и было принято.⁵¹

Учительская гимназия была возрождена с чертами высшей школы и 16 апреля 1804 г. переименовалась в Педагогический институт, описанный в «Предварительных правилах народного просвещения» в качестве «отделения имеющегося учредить в С.-Петербурге» — Университета. Однако предыстория Университета затянется, окажется наполненной бюрократическими и концептуальными противостояниями, борьбой поборников русского высшего просвещения, возглавленных С. С. Уваровым, против обскурантов (см. главу 4 данной книги).

Ограничимся пока необходимой характеристикой облика Педагогического института.

Ведущее место учебного плана в нем принадлежало гуманитарным дисциплинам. Наряду, впрочем, с математикой, физикой, химией и черчением предполагалось преподавание логики, поучительной метафизики, нравоучительной философии, географии, естествознания, метафизики, политической экономии и коммерческих наук, сельского домоводства, эстетики, языков и словесности латинской, французской и немецкой и рисования.

Привлекает внимание, что, как и в Петровском университете, богословие было исключено из учебного плана. Мотивов было больше, чем один: подготовку наставников богословия вели духовные академии, а свободу университетских наук от давления богословских структур (факультеты и кафедры) заложил еще Петр Великий.

Овладение дисциплинами учебного плана предусматривалось в три года, причем в первые два года студенты должны были обучаться всем дисциплинам без изъятия, чтобы в случае необходимости заменить любого, говоря современным словом, учителя-предметника в Гимназии. На третьем году обучения студенты специализировались в группах, сформированных по интересам (гуманитарным или естественно-математическим), и, сверх того, занимались теоретической педагогией и практической «методикой обучения». Не был забыт и опыт обучения вольнослушателей, столь обильный в XVIII в., когда широко практиковались публичные лекции. Поощрялось посещение занятий в Педагогическом институте посторонними слушателями, приходившими «как из любопытства, так и в намерении посвятить себя учительскому званию».

Преподавательский корпус образовали несколько групп. Ядро этого корпуса составили бывшие питомцы Академического университета (в их числе В. Ф. Зуев и М. Е. Головин) и несколько иностранцев, в их числе будущие профессора Петербургского университета, приглашенные из Австрии карпато-россы

П. Д. Лодий, М. А. Балугъянский и П. В. Кукольник. После первого торжественного выпуска студентов Педагогического института в 1808 г. в присутствии Александра I была предпринята мера, сформировавшая третью группу в составе преподавателей института: по представлению первого попечителя Петербургского учебного округа П. Н. Новосельцева двенадцать лучших студентов Педагогического института были посланы за границу для приготовления к профессорскому званию. Эта мера принесла блестящие плоды: семь из двенадцати иностранных стажеров, питомцев Педагогического института, составят цвет профессуры внеакадемического Петербургского университета. Среди них А. И. Галич, М. Г. Плисов, А. П. Куницын, Н. Н. Бутырский. С учетом того, что в 1816 г. еще несколько лучших студентов были посланы в Англию для изучения ланкастерского педагогического метода, можно сказать, что высшая педагогическая школа (Педагогический институт) в Петербурге обрела подлинно университетские черты.

Между тем реформа государственного управления, начавшаяся освобождение прибалтийских крестьян от крепостной зависимости, насаждение военных поселений, предполагавшее обучение всей молодежи мужского пола в школах военных кантонистов, многие иные проявления реформистского курса Александра I обнаружили явный недостаток преподавателей для школ всех категорий. Чтобы подчеркнуть необходимость подготовки профессиональных наставников молодежи в качестве «орудия правительства, избранного к проведению в действие великого предприятия — распространить во всех состояниях просвещение»,⁵² в 1816 г. Педагогический институт был преобразован в Главный Педагогический институт. По уставу 23 декабря 1816 г. Главный Педагогический институт обрел черты университета. Констатируя это, С. В. Рождественский был прав.⁵³ Правда, в отличие от университета, Главный Педагогический институт не имел функции административного руководства делами учебного округа.⁵⁴

Но, разумеется, это не должно заслонять отчетливо выраженных университетских черт в облике Главного Педагогического института. Это проявилось и в его университетской по сути структуре, сложившейся из трех факультетов (философско-юридического, физико-математического и историко-словесного) и в университетской форме подготовки специалистов высшей квалификации. Причем курсу «высших» наук, читавшихся на протяжении трех лет, предпосылался двухгодичный «предварительный курс, по существу повторявший в обновленном виде программу гимназического обучения».

Университетским по сути стал и порядок приема в институт, при котором преимущество принадлежало воспитанникам гимназий и лишь недостающее число студентов должно было пополняться воспитанниками духовных школ. Интересам Университета было подчинено главное назначение института — готовить профессоров для школ «высшего просвещения». Эта цель естественно закреплялась предоставлением институту права возведения в «градусы» (ученые степени) и звания. Наконец, университетскими по объему и уровню были служебные права преподавателей и уровень материального обеспечения — во всем этом преподавательская коллегия Главного Педагогического института уравнивалась с профессорами университетов. Итоговым выражением университетского по сути статуса преобразованного Института стало назначение на его содержание суммы, вдвое превосходившей определенную первоначально на нужды Педагогического института.

Тот факт, что на Главный Педагогический институт были возложены обязанности готовить профессоров для высшей школы и быть руководящим центром для педагогических институтов всех университетов, самим содержанием этих обязанностей заслонял насущный, но «наименее удовлетворительно поставленный»⁵⁵ вопрос о подготовке учителей для низших школ. Осознавая что народная школа, и только она, может стать фундаментом создаваемой единой системы просвещения в империи, новый попечитель Петербургского учебного округа граф С.С. Уваров именно эту мысль заложил в основу своего проекта (23 октября 1817 г.) о «Втором разряде» Главного Педагогического института.

По мысли С.С. Уварова, «Второй разряд» предназначался для приготовления учителей уездных и приходских училищ.

Решение этих задач требовало притока в Институт нового контингента заинтересованной молодежи. Навстречу этой потребности в 1817 г. при Институте был открыт Благородный пансион для привлечения в институт молодежи высших условий. Благородный пансион связал с историей Петербургского университета имена целой плеяды выдающихся представителей российского просвещения. В их числе Л.С. Пушкин, М.И. Глинка, Н.А. Маркевич⁵⁶ и многие другие.

Главный Педагогический институт превратился в многофункциональный и сложный по структуре рассадник педагогических сил для всех ступеней общего образования.

Его первоначальное предназначение — одного из вспомогательных учреждений будущего внеакадемического университета как центра высшего просвещения, высшей науки и куль-

туры — оказалось, по точному слову С. В. Рождественского, «за-слоненным». Да в сущности это и было predeterminedо одним из положений устава 23 декабря 1816 г., в котором говорилось: «С.-Петербургский Педагогический институт, составивший до сего временное отделение предположенного здесь Университета, утверждается в особенном и неперменном существовании своем под названием Главного Педагогического института».

Последовавшие затем успехи деятельности Главного Педагогического института и послужили заметным препятствием к учреждению в столице внеакадемического университета.

Мысль о том, что высшая педагогическая профессиональная школа не может заменить университета в столице, возобладала, а в конечном счете восторжествовала благодаря «просвещенной энергии» (С. В. Рождественский) С. С. Уварова.

В 1817 г. в короткий период «междувластия» в Министерстве после А. К. Разумовского С. С. Уварову удалось перенести новый учебный план петербургской Гимназии на все вообще гимназии, согласовать с ним план уездных училищ. Педагогический институт был превращен в центральное педагогическое заведение империи. Не потеряв этого своего качества, в 1819 г. он был преобразован в Университет. Однако «Уваров со своим образом мыслей был практически одинок в Главном правлении училищ», а с приходом А. Н. Голицина на пост министра народного просвещения он приобрел все усиливающуюся оппозицию своим планам.

Примечания

¹ Рождественский С. В. «Первоначальное образование» С.-Петербургского университета 8 февраля 1819 года и его ближайшая судьба // Петербургский университет в первое столетие его деятельности. 1819-1919. Материалы по истории С.-Петербургского университета. Т. 1. 1819-1835 / Под ред. проф. С. В. Рождественского. Пг., 1918. С. VIII.

² Воронов А. Федор Иванович Янкович де-Мириево, или Народные училища в России при императрице Екатерине II. СПб., 1858. С. 96.

³ Рождественский С. В. Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVII-XIX веках. Т. 1. СПб., 1912. С. 453.

⁴ См.: Рождественский С. В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802-1902. СПб., 1902. С. 13.

⁵ Толстой Д. А. Городские училища в царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1866. С. 3.

⁶ Полный свод законов Российской империи (ПСЗ). Т. 21. № 16507.

⁷ Там же. № 15523.

⁸ Воронов А. Федор Иванович Янкович де-Мириево ... С. 95-96.

⁹ Периодические сочинения об успехах народного просвещения. 1804-№ 6. С. 2-46.

¹⁰ Там же. С. 1.

11 Кононова Н.Н., Шилов Л.А. Из истории основания Петербургского университета (Рукопись) // Архив Музея истории Санкт-Петербургского университета. Л. 1-26.

12 Там же.

13 Там же.

14 Воронов А. Федор Иванович Янкович де-Мириево ... С. 97.

15 РГИА. Ф. 730. Оп. 1. Ед. хр. 48. Л. 672-713.

16 Воронов А. Федор Иванович Янкович де-Мириево ... С. 96-97.

17 РГИА. Ф. 730. Оп. 1. Ед. хр. 48. Л. 672-713.

18 Там же. Ед. хр. 65. Л. 38-38об., 52.

19 Там же. Ед. хр. 113. Л. 10.

20 Воронов А. Федор Иванович Янкович де-Мириево ... С. 102.

21 Там же. С. 103.

22 Там же. С. 104.

23 Там же. С. 99.

24 Зябловский В. Историческая повесть об Учительской семинарии и Педагогическом институте до переименования его в Санкт-Петербургский университет ... СПб., 1833. С. 27.

25 Воронов А. Историко-статистическое обозрение учебных заведений Санкт-Петербургского учебного округа с 1715 по 1826 год. СПб., 1849. С. 56.

26 РГИА. Ф. 730. Оп. 1. Ед. хр. 65. Л. 60об.

27 Там же. Ед. хр. 48. Л. 672-713.

28 Там же. Ед. хр. 65. Л. 35об.

29 Там же. Л. 77-77об.

30 Там же. Л. 78-78об.

31 Там же. Л. 79-79об.

32 Там же. Л. 80.

33 Там же. Л. 79-79об.

34 История Академии наук. В 3 т. Т. 1. М.; Л., 1958. С. 348-349.

35 Райков Б.Е. Академик Василий Зуев. Его жизнь и труды. М., 1955. С. 243.

36 Там же. С. 230-231.

37 Толстой Д.А. Городские училища в царствование императрицы Екатерины II. С. 54.

38 РГИА. Ф. 730. Оп. 1. Ед. хр. 51. 1783-1803. Л. 104.

39 Там же. Л. 104об.

40 Там же. Л. 106.

41 Там же. Л. 133-145.

42 Цит. по: Райков Б.Е. Академик Василий Зуев. С. 219.

43 РГИА. Ф. 730. Оп. 1. Ед. хр. 215. 1799. Л. 7, 9.

44 Там же. Ед. хр. 51. 1783-1803. Л. 105.

45 Там же. Л. 103, 105, 105об.

46 Там же. Л. 104.

47 Там же. Ед. хр. 215. 1799. Л. 1.

48 Там же. Ед. хр. 51. Л. 146-146об.; Ед. хр. 65. 1787. Л. 43, 49.

49 Рождественский С.В. «Первоначальное образование» С.-Петербургского университета ... С. VIII.

50 Там же.

51 Там же. С. IX.

52 Периодические сочинения об успехах народного просвещения. 1804. № VI. С. 29.

53 Рождественский С.В. «Первоначальное образование» С.-Петербургского университета ... С. XI.

54 Окунь С.Б. Основание Санкт-Петербургского университета в начальный период его деятельности (1819-1855) // История Ленинградского университета: Очерки / Отв. ред. проф. В.В. Мавродин. Л., 1969. С. 16.

Ср.: Григорьев В.В. Императорский С.-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. СПб., 1870. С. 5.

55 Рождественский С.В. «Первоначальное образование» С.-Петербургского университета... С. XI.

56 Подробнее о Благородном пансионе см.: Косачевская Е.М. Н.А. Маркевич (1804-1860) / Отв. ред. Ю.Д. Марголис. Л., 1989. С. 30-43.

2019/8/30 12:37

Глава четвертая

«ПОБЕЖДАТЬ ПРОСВЕЩЕНИЕМ»

(С. С. Уваров в борьбе за идею Университета в столице)

Восходящая к 1724 г. история университетского образования в Петербурге¹ в начале XIX в. испытала ряд стремительных превращений, знаменующих напряженные поиски национальной модели университета и модели управления народным образованием.

После принятия в 1802 г. «Предварительных правил народного просвещения» Комиссия Главного правления училищ оставила вопрос о столичном университете открытым.² В указе же о разделении империи на учебные округа содержалась оговорка, что до учреждения Университета в столичном округе «преподаваемы будут высшие познания при Академии наук».³ Эта оговорка, кстати, неоспоримо свидетельствует о том, что правительство считало тогда Академию еще способной справиться с задачами обучения юношества высшим наукам. Новый регламент Академии 1803 г., однако, не ставил перед ней задачи подготовки собственных кадров. В трехтомной «Истории Академии наук» отмечалось, что вскоре после принятия этого регламента еще существовавшую при Академии Гимназию, остаток триединого петровского замысла, «постигла та же участь», что и Академический университет: «в 1805 г. она была упразднена».⁴ Но даже и в 1810 г. в распоряжениях по Министерству просвещения встречается упоминание о «воспитанниках» Академии.⁵

В 1803 г. идея Университета как будто отодвигается на второй план. В столице решено возобновить Учительскую гимназию, которая возрождалась «с чертами высшей школы» и по Правилам 16 апреля 1804 г. переименовывалась в Педагогический институт.⁶ Преемники последнего — Главный Педагогический институт, образованный согласно уставу 23 дека-

бря 1816 г. и собственно Университет, согласно «Первоначальному образованию...», утвержденному 8 февраля 1819 г., соединяли все существенные черты университета с чертами высшего профессионального центра подготовки учителей.⁷ В то же время формальное переименование Педагогического института в Главный Педагогический институт, по выражению С. В. Рождественского, казалось, «похоронило» мысль об Университете. Новое заведение вразрез с «Предварительными правилами» уже не признавалось «временным отделением» будущего Университета, а наделялось «особенным», т. е. самостоятельным и «непременным» существованием.⁸ Но «непременность» существования нового центра педагогического образования была нарушена спустя всего два года, когда на базе Главного Педагогического института был учрежден Университет.

История изменений статуса столичного высшего учебного заведения в начале XIX в. дает право связать историю Петербургского университета одновременно с двумя его предшественниками — Академическим университетом и Педагогическим институтом. Изменения далеко не случайны, как может показаться. Необходимость иметь в столице Университет как средоточие управления учебным округом и трудности, переживаемые Главным Педагогическим институтом при наборе слушателей, вполне оправдывали расчетливые действия энергичного петербургского попечителя С. С. Уварова, который представил в Университет свой проект реорганизации высшей педагогической школы под названием «Первоначальное образование Санкт-Петербургского университета». Учреждение Университета решилось в сложной политической игре благодаря стечению обстоятельств, которым удачно воспользовался Уваров, как утверждалось, «рвавшийся к власти».⁹ Но вряд ли бы оно состоялось тогда без целенаправленных усилий и просветительской по духу деятельности Уварова, который в течение десяти лет своего «попечительства» не выпускал из виду главную свою идею — идею устройства в столице центра «классического» университетского образования. Трудно представить, что в этот момент, когда явно проступила враждебность правительства к университетам, проект об учреждении Петербургского университета получил бы одобрение без усилий Уварова. Роль же Уварова в истории университетского образования и содержание всей его деятельности в области науки и просвещения до сих пор, на наш взгляд, освещались слишком однозначно. Дореволюционные историки совершенно явно избегали этой темы, а в советское время об Уварове вспоминали только как об авторе печально знаменитой триады «православие, само-

державие, народность». Не делались попытки сопоставить просветительское и охранительное начала деятельности Уварова, неодинаково проявившееся в разные годы.

Уваров не только выступил инициатором воссоздания Петербургского университета, но стал и самым горячим защитником своего «детища» во время инспирированного в 1821 г. «дела профессоров». Этот факт вызывал плохо скрытое недоумение сторонников одиозной трактовки Уварова. В его действиях отыскивались тайные пружины, в то время как истина находится на поверхности и состоит в том, что Уваров в 1810-х годах олицетворял либеральную струю в управлении просвещением.

Восстановить специфику взглядов и личностную доминанту действий Уварова в тот или иной период крайне непросто — такое богатство оттенков и переходов «от одного образа мыслей к другому и... от собственного убеждения к чужому»¹⁰ фиксирует в нем внимательный взгляд. В 1800-х годах это — светский лев, камер-юнкер, преуспевающий на дипломатическом поприще, втайне мечтающий об ученой карьере.¹¹ В 24 года (в 1810 г.) Уварова назначили попечителем столичного округа (отчасти благодаря выгодной женитьбе на Елизавете Алексеевне Разумовской, дочери министра просвещения), известен он и как вдохновитель политической публицистики наполеоновских войн, талантливо развивавший идеи правительственного либерализма.¹²

Основным «поприщем» Уварова в эти годы и следующее десятилетие, однако, стали научные занятия и административная деятельность в системе народного просвещения. Можно спорить о том, был Уваров «образованным дилетантом» или эрудированным и глубоким знатоком классической древности, ориенталистики, истории и теории литературы, критиком и поэтом. А. Н. Шебунин справедливо замечал, что многие образованные современники Уварова, «сыгравшие роль в умственном движении... эпохи, были дилетантами (Д. Н. Блудов, А. И. Тургенев)».¹³ (Ряд «дилетантов» продолжают фигуры А. Н. Оленина, Н. М. Карамзина, П. А. Вяземского...)

Академик Ф. Б. Грефе на склоне лет признался Уварову, жившему на покое в своем имении Поречье, превращенном в настоящий музей древностей: «Как жаль, что Вы были министром... Без этого Вы, право, были бы превосходным эллинистом».¹⁴ Уваров — автор нескольких десятков специальных трудов, в том числе работ по теории стихосложения, античной филологии и археологии, философии истории.¹⁵ Гете, один из многочисленных европейских корреспондентов Уварова, назвал его ученым-«интернационалистом».¹⁶ Г. Г. Шпет характеризовал философ-

2019/8/30 12:38

ские воззрения раннего Уварова как вольфианство, подчеркивая, что он сформировался как ученик немецких гуманистов.¹⁷ К этим высказываниям можно добавить отзывы А. Гумбольдта, Ж. де Местра, Ж. де Сталь, В. А. Жуковского, Н. М. Карамзина, Н. В. Гоголя, братьев Тургеневых. Образованнейший М. М. Сперанский заметил, что Карамзин и Уваров «суть первые ученые из русских. Первые — не только по достоинству, но и по времени. В сем роде, то есть в истинной учености от Феофана до наших дней у нас совершенная пустота».¹⁸ В этом контексте вряд ли убедительны уничижительные отзывы об Уварове как об «ученом шарлатане» (слова митрополита Евгения Болховитинова)¹⁹ или, по образному выражению А. И. Герцена, всего лишь «сидельце за прилавком просвещения».²⁰

В любом из уваровских сочинений заметны широчайшая эрудиция и незаурядный литературный дар. Его «этюды» специально-научного характера привлекли внимание ученой Европы. Уваров был избран почетным членом Французской Академии надписей и словесности, королевского Геттингенского общества, Королевского исторического общества в Мадриде. В 1811 г. еще совсем молодым человеком он избирается почетным членом Петербургской Академии наук, а с 1818 г. в течение 37 лет остается ее бессменным Президентом.

В 1828 г. заслуги Уварова были отмечены также принятием его в число почетных членов Петербургского университета. На юбилейной медали 1869 г. по случаю 50-летия указа об «учреждении» в 1819 г. Петербургского университета вместе с портретом Александра I Благословенного-«основателя» был выбит и портрет Уварова.

Можно утверждать, что Уваров не был выскочкой, попавшим «из камер-юнкеров, танцующих на посольских балах в Париже и Вене, в президенты Академии наук».²¹ Его признание было щедро оплачено кропотливым трудом ученого и энергичной административной деятельностью на ниве просвещения. Трудно вообразить, что все эти усилия диктовались неудовлетворенным честолюбием и интересами карьеры, хотя то и другое могло иметь место. В действиях Уварова мы всякий раз обнаруживаем отголосок того просветительского либерализма, который, правда, в меньшей степени, отличал начало карьеры «молодых друзей» Александра I — А. Е. Чарторыйского и Н. Н. Новосильцева в должности попечителей соответственно Виленского и Петербургского учебных округов, деятельность С. О. Потоцкого в Харьковском университете, а М. Н. Муравьева — в Московском.

Деятельность Уварова развернулась позднее и была завер-

гичнее, ибо направлялась более глубокими личностными мотивами, подлинным пафосом служения науке и просвещению. Принадлежа к онегинскому поколению «умных ненужностей», Уваров на любом поприще и в любой должности оказывался «умной полезностью», удачно соответствуя своему назначению, требованиям политического момента, интересам развития науки и высшего просвещения.

Политический портрет Уварова 1810-х годов не был бы точен без одного важного штриха. Этот человек часто оказывался «между партиями» или же заодно с правительством не в силу какой-то определенной политической позиции, а в силу ее отсутствия. Умный администратор, он подчас был плохим политиком, как в ситуации с погромом Петербургского университета, не заметив вовремя, что интересы просвещения, которым он продолжал быть верным, разошлись с видами правительства. Вряд ли подходит Уварову характеристика, предложенная В. В. Пугачевым, — «представитель правого крыла русского дворянско-буржуазного либерализма».²² Узкий социологизм рамок этой характеристики не вмещает фигуры Уварова.

А. Н. Шебунин считал Уварова политическим и философским эклектиком, причисляя его к группе «тористов-арзамасцев», склонных к сделке «между старым и новым» на платформе «сочетания легитимности и умеренной свободы».²³ Это верно лишь отчасти, так как воззрения Уварова вообще невозможно подвести под какую бы то ни было политическую платформу. Он готов был поступиться любым политическим принципом в интересах «чистой науки», полагая, что «свет разума» способен избавить общество от политических крайностей и потрясений. Этот идеалистический пафос заключался в эпиграфе, взятом Уваровым для написанного им в 1810 г. проекта Азиатской Академии из Лукреция: «Juvat integros accedere fontes» («Приятно приближаться к чистым источникам»)²⁴ С годами пиетет перед возможностями «чистой науки» в Уварове не иссяк. В 1850 г., посылая из Поречья в Академию одно из последних своих сочинений — записку «Об исторической достоверности», Уваров пишет о спасительности «умственных занятий», которые «то веселили, то утешали в разных обстоятельствах жизни».²⁵

Если бы Уваров, даже не будучи серьезным ученым, остался только популяризатором и организатором науки, то и тогда в российских условиях «непросвещенного» бюрократизма такой чиновник, как он, был бы достоин доброй памяти. Гете, ознакомившись в 1811 г. с уваровской запиской об Азиатской Академии, пожелал, чтобы молодой автор, и никто другой, возглавил спроектированный им институт. «Счастливы те, — писал

Гете, — кто еще в молодости обладают способностями, влечением, нужными условиями для такой деятельности». ²⁶ Гете действительно надеялся, что просветительский энтузиазм Уварова в сочетании с выгодами служебного положения обещает автору и его проектам большое будущее.

По назначении в 1811 г. попечителем Петербургского учебного округа Уваров энергично занялся укреплением центра высшего образования лучшими преподавательскими кадрами. Его желание создать учебное заведение именно университетского типа, предпочтение «классической» программы обучения сочетались с возможностью возобновить в соответствии с петровской традицией практику привлечения в столицу серьезных ученых. При содействии французского ориенталиста Сильвестра де Саси Уваров приглашает в Петербург двух его учеников — Ж. Деманжа и Ф. Шармуа, в 1811 г. направляет В. А. Жуковскому приглашение стать профессором «университета» (так именно Уваров именуется возглавляемый им Педагогический институт). ²⁷

Деятельность попечителя развернулась в полном согласии с параграфом «Предварительных правил...» 1803 г., обязывающих его «пещись об устройении в своем округе университета и других училищ, если где оных еще нет... о распространении и успехах народного просвещения в местах, ему вверенных». ²⁸

Но об открытии внеакадемического университета в 1811 или 1812 гг. не могло быть и речи, так как приближалась война с Наполеоном. После ее начала 4 октября 1812 г. Педагогический институт эвакуировался в Петрозаводск, откуда его состав во главе с директором Е. А. Энгельгардтом вернулся только в феврале 1813 г. ²⁹

Неудобства для открытия внеакадемического университета в Петербурге состояли не только в недостатке преподавательских кадров или в существовании в столице Медико-Хирургической и Духовной академий, что делало нецелесообразным дублирование их медицинским и богословским факультетами университета. ³⁰ С. Б. Окунь подчеркивал, что «образовательный профиль университета в значительной степени не совпадал с имеющимися уже в столице по преимуществу специальными учебными заведениями». ³¹ Дело заключалось еще и в том специфическом отпечатке, который накладывало на «святилище учения» само местоположение в столице империи. Эти соображения были с безапелляционностью высказаны еще в 1803 г. попечителем Харьковского университета С. О. Потоцким. В своей записке граф Потоцкий предостерегал против принесения в жертву интересов образования и науки намерениям при-

дать столице европейский «блеск» заведением в ней университета. Напоминая, что самые блестящие европейские университеты (Геттингенский, Лейпцигский, Дрезденский, Оксфорд и Кембридж) «не случайно находятся вне столиц своих», Потоцкий считал содержание университета в Петербурге столь же материально расточительным, сколь и политически вредным. Он писал: «Возможно ли в соседстве блистательного двора, многочисленного гарнизона, в средоточии всех возможных рассеяний ожидать от молодого человека прилежания и тщательности, которые одни сильны произвести истинные успехи?»³² Вред непосредственной близости «святилища учености» к Зимнему дворцу не был пустым вымыслом автора записки. Петербургский университет в XIX в. самым своим местоположением «между Петропавловкой и Зимним» в самом деле приобрел черты питомника политических вольнодумцев и революционеров и снискал вечное подозрение правительства, выраженное в жесточайшей политической опеке. Столичное положение Университета, отразившееся яркими страницами в истории российского освободительного движения, оказалось в то же время труднопреодолимым препятствием для свободного преподавания наук. Этой опасности недооценил Уваров, оправдывающий свои административные усилия «просвещенческими», но не политическими доводами.

Именно особая позиция Уварова в вопросе об университете в Петербурге, его последовательные усилия в этом направлении и сама модель университета, им предложенная, в конечном итоге сыграли решающую роль в преобразовании Главного педагогического института в Петербургский университет. Должно было пройти почти 16 лет с момента учреждения Учительской гимназии 20 мая 1803 г., которая уже мыслилась как «отделение имеющегося учредитья университета», до придания высшему учебному заведению в городе на Неве статуса и имени Университета. Понадобилось испробовать несколько переходных моделей высшей школы, сохраняя установку на подготовку кадров «народных учителей», сформировать постоянный состав преподавателей и студентов, укрепить научную базу со своими «петербургскими» приоритетами (в изучении Востока, например), чтобы Университет в собственном смысле стал возможен. Почему же нельзя было ускорить эту эволюцию, если изначально, с 1802 г. в политике Министерства просвещения присутствовала установка на открытие Университета в Петербурге?

Дело, думается, не столько во внешних обстоятельствах и политических нюансах, на которые столь богато время Александра I, а в отсутствии инициативы, которую ни министры на-

родного просвещения П. В. Завадовский (1802–1810) и А. К. Разумовский (1810–1816), ни предшественник Уварова на посту попечителя Н. Н. Новосильцев не проявляли. А. К. Разумовский, который по своему складу был скорее кабинетным ученым, чем организатором, считал, например, что Педагогический институт для дела просвещения несравнимо полезнее Университета.

Уваров, почти два года (1802–1803) слушавший лекции в Геттингенском университете, вероятно, совершенно по-иному видел место и роль университетской школы как в деле совершенствования наук, так и для постановки проблем народного образования. Неслучайно для Петербургского университета он предложил устав, в котором система преподавания и предельно широкий набор предметов, в особенности гуманитарного цикла, прямо адресовали читателя к традициям германских университетов начала XIX в. Обширность и продуманность в деталях уваровского плана свидетельствуют о том, что идея университета в Петербурге вынашивалась и обретала контуры в течение нескольких лет. Она ни для кого не была новостью и обсуждалась далеко за пределами ведомственных канцелярий.

Согласно проекту Уварова, получившему Высочайшее утверждение 8 февраля 1819 г., Главный Педагогический институт «принял вид и действие университета». В своем «Объяснении касательно предполагаемого образования Санкт-Петербургского университета», представленном министру духовных дел и народного просвещения А. Н. Голицину, Уваров подчеркивал, что отличия вновь учреждаемого Университета от уже существующих перенесены им из устава Главного Педагогического института. Во избежание «многочисленности пружин и раздробления властей» управление Университетом не распределялось между университетским Советом и Правлением, а сохранялось в значительной степени под контролем председательствующего в Правлении попечителя. По этому поводу высказывалась мысль, что Уваров намеренно концентрировал в своих руках нити управления, придавая новому заведению черты «карманного университета». ³³ Однако уже по «Предварительным правилам...» и прежде действовавшим уставам Педагогического института и Главного Педагогического института функции попечителя определялись именно в таком объеме: попечитель «предлагал... на обсуждение своих сочленов» (т. е. университетского правления) все распоряжения по учебной и хозяйственной части, его рекомендации университетскому правлению носили директивный характер. ³⁴ «Всевластие» попечителя формально ограничивалось лишь с того момента, когда университетское Правление наделялось правом решать во-

просы управления учебным округом, а попечитель был лишен «права действовать своевольно, без свидетелей, без форм и без всякого правила». ³⁵ Для того чтобы новое соотношение «властей» приобрело силу закона, его надлежало закрепить в уставе Университета.

Через три месяца после представления «Первоначального образования...» Уваровым был закончен и проект университетского устава из 345 параграфов, объемлющий все стороны университетской жизни. Этот проект не сохранился ни в подлиннике, ни в копиях ³⁶ и составлялся Уваровым единолично, судя по его обширности, задолго до его непосредственного представления. ³⁷ Несмотря на утрату текста, его содержание частично восстановимо по сохранившимся подробным критическим замечаниям, составленным на него членами Главного правления училищ. Вопрос о содержании устава и ходе его обсуждения до сих пор не связывался в литературе с инспирированным вскоре «делом Петербургского университета». На нем полезно остановиться еще и для уточнения взглядов самого Уварова.

Автор устава не пытался закрепить «всевластие» попечителя, или, как озлобленно писал архимандрит Тверской Филарет в своих замечаниях, «самодержавие» попечителя. ³⁸ Другой критик Уварова, И. И. Мартынов отметил как раз «неопределенность» попечительской власти, то, что председательство попечителя только в Правлении, но не в Совете Университета (согласно § 92 устава) превращалось в «попечительство только части Университета», тогда как в Академии наук ее глава — «президент и Конференции, и комитета правления Академии». ³⁹

Во всяком случае, нельзя согласиться с С. Б. Окуном, считавшим уваровский проект устава попыткой ликвидировать университетскую автономию, закрепленную в уставах 1804 г. для Московского, Виленского и Харьковского университетов. ⁴⁰

Критики устава были встревожены как раз обратным — неоправданным расширением свободы преподавания и усмотренной ими «анархией» внутриуниверситетской жизни. Можно предположить, что эти вопросы излагались Уваровым со свойственным ему публицистическим пафосом и ничем не ограниченной пространностью. Так, § 1 определял цель Университета как «образование наукой человека и в человеке гражданина и усовершенствование самой науки». Эта формулировка по предположению М. Л. Магницкого была заменена следующей: «Цель Университета состоит в образовании верных сынов церкви, верных подданных государю и добрых граждан Отечеству...». ⁴¹ В § 2 М. Л. Магницкий «непристойною и ложной аксиомою» за-

клеймил фразу: «Российский университет в собственном значении не может иметь Богословского факультета». ⁴² Этот критик нашел «излишней роскошью» преподавание в Университете энциклопедии права, науки о государственных учреждениях и государственном управлении, географии средних веков и многого другого. ⁴³

Д. П. Рунич вполне был согласен с М. Л. Магницким в том, что через «сию новомодную мудрость» немецкие университеты «подкрадываются ко всему государственному и придут наконец к революции государств». ⁴⁴ Он и впоследствии не забыл Уварову подобного творчества, написав в воспоминаниях, что уваровский устав был «раболепным подражанием или точным скоплением с уставов управления германских университетов». ⁴⁵ М. Л. Магницкий отверг уваровский проект как «несогласный с духом правительства и Министерства народного просвещения», «необъяввший всех главных частей народного воспитания», «ограниченный одною ученою частью. . .». ⁴⁶

Проект устава проходил стадию обсуждения около года, тогда как Уваров намеревался всемерно ускорить дело, дабы завершить к открытию лекций «доуставный» период существования Университета. К открытию лекций устав утвержден не был. Проволочки в его обсуждении произошли не без участия А. Н. Голицына. Дождавшись ответа Уварова на критические замечания, Главное правление училищ в заседании от 11 декабря 1819 г. поручило Департаменту составить «извлечения» из всех уже поданных мнений для нового рассмотрения. После чего Главное правление училищ привлекло к обсуждению устава ректора М. А. Балугьянского, директора Университета Д. А. Кавелина и профессоров Университета. «Для избежания потери времени» решением от 26 февраля 1820 г. обсуждение было перенесено в специально созданный для этого комитет, состоящий из. . . С. С. Уварова, М. Л. Магницкого и М. А. Балугьянского. Комитет в таком составе работать, естественно, не мог и немедленно распался. ⁴⁷ В финале эпопеи обсуждения проект устава был передан на рассмотрение ректора и директора Университета, к чему рекомендовано было привлечь университетских профессоров, а «самое составление проекта устава. . . возложить на г. ректора».

Нетрудно заметить, что Уварова таким образом намеренно пытались изолировать от прямого влияния на процедуру обсуждения, он не вошел и в последний комитет. Было лишь сказано, что после прочтения окончательного проекта в общем присутствии Конференции проект возвращается в Главное правление училищ на усмотрение «чрез попечителя с мнением его». ⁴⁸

Когда Уваров ознакомился с замечаниями на устав, он не мог удержаться от возмущения отзывом М. Л. Магницкого, который показался ему неожиданным по озлобленности, обнаруживающим скрытые намерения критика. «Есть мера во всех вещах, даже и в клевете», — писал Уваров в ответном представлении министру 10 декабря 1819 г. М. Л. Магницкий делал вывод, что устав как «противный правилам истинной учености» не будет удостоен высочайшего одобрения, ибо «не согласен с духом Священного союза». Все крамолы закрались в него, по его мнению, оттого, что «одно лицо почитало себя способным написать сей устав». ⁴⁹ М. Л. Магницкий настаивал на пересмотре проекта в обстановке «коллегиальности» (т. е. свободной подачи профессорами мнений), что по его расчетам должно было «скомпрометировать С. С. Уварова в глазах не только правительства, но и университетской среды». ⁵⁰ С того момента, как работа над проектом перенеслась в недра Университета, по замечанию С. В. Рождественского, трудно судить о ее направленности. Катастрофа, разразившаяся вскоре над Университетом, создавала для новых творцов устава весьма невыгодную обстановку. Тем не менее М. А. Балугьянский, отказавшийся от должности ректора, единолично выполнил эту работу, и в 1823 г. новый проект устава и штат Университета был готов. Этот проект пролежал без движения вплоть до 1835 г., когда о нем вспомнили в связи с подготовкой нового общеуниверситетского устава. До начала 1824 г. Петербургский университет вынужден был существовать при старом уставе Главного Педагогического института, несмотря на попытки вступившего в должность попечителя Д. П. Рунича пересмотреть самые основы преподавания и управления Университетом. 4 января 1824 г. по распоряжению императора столичный Университет «принял в руководство» устав Московского университета, дополненный инструкциями М. Л. Магницкого ректору и директору Казанского университета. ⁵¹

Е. М. Косачевская, затронув вопрос о затянувшейся разработке устава, склонна была изображать борьбу вокруг уваровского проекта как «спор между прогрессивной профессурой», с одной стороны, и «правительственным чиновником» Уваровым, с другой, который (спор) «выходил за узкоакадемические рамки». ⁵² Содержание же уваровского проекта было оставлено без внимания. С. Б. Окунь полагал, что уваровский проект не был оригинальным и «представлял из себя не что иное, как утверждение устава Главного Педагогического института, утвержденного царем три года назад, и "Первоначального образования", одобренного им же три месяца назад». ⁵³ Личное твор-

чество Уварова, по выражению С. Б. Окуня, «сводилось к предельному насыщению экзаменационных требований, а затем и программы университетского курса латинским языком».⁵⁴

С. Б. Окунь, как и его предшественники, не связывал провал уваровского проекта устава с последовавшим вскоре разгромом Университета. Между тем, эти события проистекали одно из другого. А. Н. Голицын умело спровоцировал критику проекта профессорским совещанием. Представленные А. П. Куницыным, Д. С. Чижовым и другими замечания на уваровский проект не носили столь категоричного характера, как нападки М. Л. Магницкого. Тем не менее содержащаяся в них мелочная критика порядка аттестации выпускников и выдачи жалования профессорам создавала впечатление бойкотирования «ученым сословием», по выражению Уварова, предписанных ему норм жизни. Так или иначе, замечания эти были на руку противникам скорейшей легализации Университета. До своей легализации, невозможной при отсутствии устава, Университет оставался бесправным, а попечитель, логикой вещей выступавший первым ходатаем и защитником Университета перед правительством, не находил опоры даже в среде своих потенциальных союзников — профессоров, был раздражен непониманием и все больше изолировался «голицинской партией» от влияния на ход событий. Двусмысленное положение Уварова, как и двусмысленное положение Университета, не получившего устава, предвещало опасность ввиду усиления в партии реакционеров стремления к реваншу.

Вернемся к «альтернативному» проекту устава, написанному М. А. Балугьянским.⁵⁵ Е. М. Косачевская, подробно разбирая этот проект, уклонилась от сопоставления его с уваровским проектом. Очевидно все же, что именно этот последний М. А. Балугьянский брал за основу. Е. М. Косачевская делает вывод, что М. А. Балугьянский в основном закончил работу над проектом к середине 1821 г. (т. е. еще при попечительстве Уварова, ушедшего в отставку в июле этого же года).⁵⁶ Иначе готельно спокойной обстановке, до начала «дела профессоров», что не потребовало от него особых отступлений в определении границ университетской автономии, предложенных еще Уваровым. Наконец, за два-три месяца работы попросту невозможно было в корне обновить проект. Иными словами, можно предположить, что проект М. А. Балугьянского, который Е. М. Косачевской представлялся последним словом просветительской мысли, есть видоизмененный и сокращенный проект Уварова. Изменения же, внесенные М. А. Балугьянским, как раз не могли

носить «радикально-просветительского» характера, как о том писала Е. М. Косачевская.⁵⁷ Правда, они изменяли порядок университетского управления. М. А. Балугьянский пытался уничтожить «двоевластие», исключив должность директора, ставленника правительства, и передать функции правительственного надзора попечителю, расширив компетенцию университетского совета. Кроме того, текст М. А. Балугьянского лишился уваровского публицистического «блеска», который оживлял сухие параграфы документа.⁵⁸ В то же время М. А. Балугьянский формулирует многие пункты гораздо ближе «официальному» языку Министерства, чем «правительственный чиновник» Уваров. Так, в проекте М. А. Балугьянского преподавателям рекомендовалось «свое учение... соглашать с вечными истинами христианской веры и с постановлениями государственных законов... чтобы под их защитой образовать граждан, полезных Отечеству».⁵⁹ Уваров же к «вечным истинам» в университетском преподавании относился гораздо определеннее. В представленном министру от 26 марта 1821 г. возражении на реакционные рекомендации Д. А. Кавелина об изменении преподавания в университетском Благородном пансионе, Уваров писал: «Что же касается до того, чтоб основать политическую экономию на Откровении, то сию мысль не постигаю».⁶⁰ А в § 2 проекта устава, исключая из состава Университета богословский факультет, Уваров утверждал: «Российский университет в собственном значении *не может иметь богословского факультета*» (курсив наш. — Авт.).⁶¹

Неправомерно связывать уход Уварова в отставку только с пережитым фиаско по устройению «карманного университета» в подведомственном округе. Сводить все его действия к борьбе за власть «умного и хитрого царедворца», каким Уваров к тому времени еще не успел стать, — значит заведомо упрощать политическую подоплеку событий. Острота столкновения Уварова с политикой Министерства привела к провалу проекта устава и уходу попечителя в отставку.⁶² Что же касается устава, которое сам Уваров отводил учреждаемому Университету в этих столкновениях, то С. Б. Окунь справедливо заметил, что Университет был нужен Уварову в качестве противовеса всевластию Министерства: единоличное управление округом делало конкуренцию Уварова и А. Н. Голицына весьма опасной. В расчетах же А. Н. Голицына, «убежденного врага университетской системы», открытие столичного университета было целесообразно лишь в том случае, если бы оно ограничило растущее влияние Уварова на дела округа.⁶³

Интерпретация позиции Уварова, предложенная С. Б. Оку-

нем, уязвима в то же время в двух отношениях. Во-первых, многотрудное дело открытия Университета в столице едва ли прибавляло внешнего «блеска» карьере Уварова, и без того обремененного европейской известностью и званием президента Академии наук. Во-вторых, оно было связано с риском, и опасения попечителя на этот счет вполне оправдались: реакция подмяла под себя плоды его административных усилий.

Увлекаясь разоблачением взаимных интриг А. Н. Голицына как воплощения грубой реакции и Уварова, названного представителем реакции «утонченной»,⁶⁴ С. Б. Окунь будто не заметил, что пострадало в этой борьбе дело просвещения. Поражение Уварова служит ему лучшей реабилитацией, напроочь отсекает от союзничества с восторжествовавшей реакцией. Полагая иначе, мы невольно приуменьшим тот факт, что учреждение академического университета в Петербурге безотносительно к его «ближайшей судьбе» явилось актом огромного общественного значения, последней уступкой, отвоеванной либеральным направлением у реакции в области просвещения.

Не стоит упрекать в пристрастности тех из дореволюционных историков, кто воздал должное просвещенной энергии Уварова. Повторим, что подобные характеристики нечасты, так как и дореволюционных историков смущала позднейшая охранительная репутация графа Уварова. Так, С. В. Рождественский писал: «Все, что было сделано Уваровым при первоначальном образовании Петербургского университета и что предположено было им сделать для окончательного его устройства, не обнаруживало в нем готовности подчиниться новому течению в Министерстве. Освобождая новый университет от обветшалых “готических” форм, Уваров, тем не менее, желал создать из него рассадник такого истинно научного “классического” образования, источники которого истекали из лучших традиций просвещения XVIII в., столь ненавистных вершителям судеб русского просвещения».⁶⁵

Добавим, что «классицизм» педагогических идеалов Уварова в 1810-е годы не имел ничего общего с характерным для российской школы второй половины XIX в. иссушением умов латынью. Не вполне справедливо считать латынь своеобразным фильтром, отсекающим «разночинцев», не имеющих классического образования, и «выходцев из духовной среды» от поступления в Университет.⁶⁶ Высокие требования к знанию латинского языка как раз уравнивали дворянских детей, знакомых преимущественно не с латинской, а с французской грамматикой, и разночинцев перед лицом преподаваемых наук. При Уварове же, принимая во внимание «общую недостаточность познаний в латинском языке тогдашнего юношества», решено было удовле-

творяться лишь «начальными сведениями» в латыни, а «надлежащего знания» требовать уже при третьем приеме (т. е. в конце 1821 г.).⁶⁷

Противостояние Уварова господствующей линии Министерства обнаружилось задолго до зашедшего в тупик обсуждения проекта устава. А. Н. Голицын еще раньше отклонил представление попечителя об открытии профессорами Университета публичных частных курсов в связи с недостатком слушателей в аудиториях, а также решение Конференции Университета об избрании Э. Раупаха ректором, которое проводилось путем жребия. Трудно найти «карьерные» объяснения той твердости, с которой Уваров отстаивал предложения подобного рода, заведомо неприятные министру. В 1819 г. в особом «мнении», поданном в Главное правление училищ в защиту Казанского университета, Уваров объяснил причины своего выступления желанием «спасти свою совесть и свой собственный рассудок».⁶⁸

Д. П. Рунич в своих мемуарах озлобленно пишет о силе уваровской «партии».⁶⁹ В действительности трудно предположить на стороне попечителя наличие группы организованных сторонников. Разногласия между ним и профессорской Конференцией, имевшие место задолго до обсуждения устава, не позволяют считать, что Уваров рассчитывал на поддержку «ученого сословия».

Скорее всего, его шаги объяснимы привычкой чувствовать себя на посту петербургского попечителя в относительной независимости. Первые шесть лет попечительства протекли довольно безоблачно под крылом министра А. К. Разумовского (тестя Уварова), если не считать столкновения при обсуждении проекта учреждения Второго разряда Главного Педагогического института, составленного Уваровым, в 1816 г.⁷⁰ Тогда еще ставленник А. К. Разумовского, облеченный известностью ученого и литератора, авторитетом Президента Академии наук, Уваров не усомнился в успехе своих замыслов. В 1811 г. им была удачно проведена реформа Петербургской гимназии, обновлялись штаты и структура возглавленной им Академии наук. «Всевластие» же А. Н. Голицына далеко не сразу отразилось в политике Министерства, а значит — в судьбе уваровских начинаний.

В августе 1816 г. «до определения нового министра» взамен ушедшего в отставку А. К. Разумовского император Александр I личным распоряжением поручил князю А. Н. Голицыну «исправлять должность обер-прокурора Святейшего Синода и главноуправляющего духовными делами иностранных исповеданий».⁷¹ Только через год, в октябре 1817 г., А. Н. Голицын

официально назначается главой нового соединенного Министерства «духовных дел и народного просвещения». ⁷² С этого времени, однако, власть «голицынской партии», к которой принадлежали все члены Главного правления училищ, исключая Уварова и И. И. Мартынова, сделалась неограниченной. В «партии» А. Н. Голицына оказался и сам император, оказывавший личному другу и приближенному безраздельное доверие. Уваров же, как было сказано, не пользовался влиянием на царя. Его «придворная» карьера сводилась к пожалованию в камер-юнкеры в ранней молодости и к регулярному участию в литературных вечерах в Павловске по приглашению императриц. ⁷³ Вряд ли только это обстоятельство могло играть особую роль в карьере Уварова-попечителя.

Конечно, нельзя не разглядеть в Уварове отмеченного С. Б. Окунем желания поставить создаваемый им Университет под свое особенно близкое и непосредственное руководство. В «Первоначальном образовании...», им составленном, а до того — в уставе Главного Педагогического института проводился принцип «двоевластия», т. е. сосуществование выборного ректора и назначаемого от правительства директора. Это состояние придавало особую важность личным рекомендациям попечителя университетскому Правлению, несмотря на настойчиво подчеркнутую составителем устава мысль об «умалении» власти попечителя. ⁷⁴ Фактически он оставался последней инстанцией при решении любых вопросов, не выходящих из компетенции Правления. Но объективности ради следует признать, что это самое положение препятствовало и прямому вмешательству министра в дела Университета. Ситуация «двоевластия» создавала видимое «равновесие», непрочное в силу того, что устав не был утвержден. Эта ситуация складывалась в пользу новорожденного Университета... пока попечительство оставалось в руках Уварова, независимо от голицынской «партии». Все изменилось с его уходом и назначением на этот пост Д. П. Рунича, «в чьи пакостные руки», по словам А. С. Пушкина, были «вверены печальные науки». ⁷⁵ После этого и катастрофы 1821 г. на Петербургский университет распространилась мрачная «Инструкция ректору и директору Казанского университета», плод творчества М. Л. Магницкого «для введения Университета и его округа в порядок, от которого он совершенно уклонился».

Чем же было поспешное самоустранение Уварова от «общественного поприща», с которого он обещал не сходить, ⁷⁶ — уступкой оскорбленному чувству или единственным выходом в финале организованной против него игры? С «голицынской пар-

2019/8/30 12:42

Министер-
этого вре-
ой принад-
лючая Ува-
й. В «пар-
казывавший
верие. Ува-
ем на царя.
ю в камер-
тию в лите-
ператриц.⁷³
собую роль

тмеченного
ниверситет
уководство.
енном, а до
ута прово-
ние выбор-
ектора. Это
омендациям
на настой-
кумалении»
следней ин-
щих из ком-
т признать,
ому вмеша-
н «двоевла-
в силу того,
дывалась в
ечительство
нской «пар-
а этот пост
С. Пушкина,
катастрофы
илась мра-
ого универ-
едения Уни-
совершенно

ова от «об-
ходить,⁷⁶ —
м выходом в
ынской пар-

тацией» Уваров сталкивался не впервые. Убеденный в необхо-
димости «побеждать просвещением» и следовать «умеренности
характера и принципов», он негодовал при виде откровенного
мракобесия. Еще в 1813 г. он набросал в письме к прусскому
реформатору барону Ф. К. Штейну довольно точный портрет
своих противников. Уваров писал: «Состояние умов теперь та-
ково, что путаница мыслей не имеет пределов. Одни хотят про-
свещения *безопасного, то есть огня, который бы не жег*, другие
(а их всего больше) кидают в одну кучу Наполеона и Монте-
скье, французские армии и французские книги... Кидают друг
другу в лицо выражениями: «религия в опасности», «потрепе-
ние нравственности», «поборник иностранных идей», «иллюми-
нат», «философ», «франк-масон», «фанатик» и т. д. Словом, пол-
ное безумие. Каждую минуту рискуешь компрометироваться
или сделаться исполнительным орудием самых преувеличен-
ных страстей. Вот среди какого глубокого невежества нахо-
дишься вынужденным работать над зданием, подкопанным у са-
мого основания и со всех сторон близким к падению». Молодой
попечитель признается в этом письме, что его просветительские
иллюзии разрушили «три года опыта» (курсив наш — *Авт.*).⁷⁷
А. Н. Пыпин предположил, что Уваров имел в виду ту партию
ханжей и мракобесов, с которой ему придется вскоре столк-
нуться по делу Петербургского университета.⁷⁸ Возможно, что
подобное разочарование Уваров испытывал всякий раз, еще не
научившись соизмерять грандиозность, кажущуюся простоту и
стройность замысла с силой сопротивления мракобесов.⁷⁹

Наступление реакции в политике просвещения во второй по-
ловине царствования Александра шло постепенно, и трудно
было поверить в то, что происходит не ряд случайных откло-
нений в область «мракобесия», спровоцированных отдельными
темными личностями, а узаконенный «сверху» отказ от прин-
ципов либерализма и покровительства наукам. Уваров же дей-
ствует так, как будто не находит нужным принимать в расчет
совершающиеся изменения. Враги просвещения для него оста-
ются персонализированы М. Л. Магницким и Д. П. Руничем.

Уваров прекрасно знал, на что способны эти люди. Первое
его столкновение с М. Л. Магницким произошло при обсужде-
нии итогов проведенной последним «ревизии» Казанского уни-
верситета в 1819 г. Магницкий «открыл» столь многочисленные
злоупотребления в преподавании и организации университета,
что потребовал его закрытия. Тогда Уваров как член Главного
правления училищ резко протестовал против подобных инкви-
зиторских мер. В своей записке он выражал надежду, что по-
добное разбирательство «государственного преступления», вы-

08/8/6107

мышленного заинтересованными в том людьми, «будет первое и последнее сего рода». Саму «ревизию» он назвал противной здравому смыслу и политически вредными — подобные репрессивные меры «относительно целого государственного сословия, назначаемого пред лицом отечества к политической смерти».⁸⁰ Определяя Университет как «многочисленное сословие, составленное из людей, друг от друга не зависящих, различествующих между собой мнениями, правилами, верою и отчизною», Уваров доказывает юридическую несостоятельность формулировки М. Л. Магницкого о коллективном преступлении и наличии «умышленного заговора, в коем участвовали целые сословия или целые народы». Разгром одного из российских университетов, «с толиким трудом сооруженных», по мнению Уварова, подрывает «сам принцип, на котором строилась до тех пор правительственная политика в сфере просвещения».⁸¹

Поведение Д. П. Рунича и М. Л. Магницкого в «деле профессоров» Петербургского университета, которое разворачивалось по уже опробованному сценарию, приобретало временами характер личных выпадов против Уварова. Его положение становилось все менее прочным, что он признавал и сам. В январе 1821 г. Уваров выходит из особого комитета для устройства и наблюдения за училищами взаимного обучения, в котором все большее влияние приобретают М. Л. Магницкий и Д. П. Рунич.⁸² Закономерно и то, что Уваров, будучи одним из десяти «директоров» Библейского общества, сам «устраняется» от директорства, как только в Комитет общества проникают оба его идейных противника.⁸³ В июле 1821 г., после многомесячных и — увы! — бесплодных усилий по введению в действие университетского устава, ненадолго лишь отстояв другое свое детище — Учительский институт при Петербургском университете, Уваров решает подать в отставку с поста попечителя столичного учебного округа.⁸⁴ Оставка была принята, а исполняющим должность попечителя оказался все тот же Д. П. Рунич.

Учреждение внеакадемического университета 8 февраля 1819 г. оказалось последней «победой просвещения» в почетном списке Уварова-попечителя. Беззащитный университет, права и устройство которого так и не были определены в силу провала уваровского проекта устава, подвергся уничтожающему разгрому в 1821 г. с одобрения правительства. Эта дата явилась кульминацией в противоборстве двух тенденций — либеральной и реакционной — в политике просвещения. Уваров с этой точки зрения предстает защитником либеральной тенденции, которая перестала соответствовать официальным установ-

кам на противодействие вымышленному «всеевропейскому революционному заговору» и размножению «отечественных вольнодумцев».

Примечания

¹ Марголис Ю. Д., Тишкин Г. А. Отечеству на пользу, а россиянам во славу: Из истории университетского образования в Петербурге XVIII—начале XIX в. Л., 1988.

² Рождественский С. В. «Первоначальное образование Санкт-Петербургского университета» 8 февраля 1819 г. и его ближайшая судьба: Материалы по истории Санкт-Петербургского университета. Т. 1. 1819–1835. Пг., 1919. (Далее: Материалы ...). С. VIII.

³ Там же.

⁴ История Академии наук. Т. 1. М.; Л., 1958. С. 424.

⁵ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. СПб., 1864. Стлб. 584–586.

⁶ Рождественский С. В. «Первоначальное образование ...». С. IX.

⁷ Там же.

⁸ Зябловский Е. Историческая повесть об учительской семинарии и педагогическом институте до переименования его в Санкт-Петербургский университет ... СПб., 1833. С. 44; Плетнев П. Первое двадцатипятилетие С.-Петербургского университета: Историческая записка, читанная ректором университета Петром Плетневым на публичном торжественном акте 8 февраля 1844 г. СПб., 1844. С. 9–10.

⁹ Окунь С. В. Основание Санкт-Петербургского университета и начальный период его деятельности. 1819–1855 // История Ленинградского университета: Очерки. Л., 1969. С. 17.

¹⁰ Тургенев А. И. Письмо С. И. Тургеневу от 7 марта 1817 г. // Декабрист Н. И. Тургенев. Письма к брату С. И. Тургеневу. 1811–1824. М.; Л., 1936. С. 579.

¹¹ Дипломат К. Я. Булгаков, знавший Уварова по службе в Вене в 1807–1809 гг., сообщает в своих мемуарах, что в венском салоне мадам Ромбек 20-летний Уваров на вопрос, в чем для него заключается счастье, ответил, что недавно видел сон... о своем назначении министром просвещения, и что счастьем считал бы, если б этот чудесный сон сбылся (см.: Булгаков. Отрывок из записок старого дипломата. М., 1858. С. 11–12).

¹² Об участии Уварова в организации газеты «Conservateur impartial» и др. изданий см.: Батюшков К. Н. Соч.: В. 3 т. / Ред. Л. Н. Майкова и В. И. Саитова. Т. 3. СПб., 1887. С. 749; Сироткин В. Г. Русская пресса первой четверти XIX в. на иностранных языках как исторический источник // История СССР. 1976. № 4. С. 87 и сл.; Греч Н. И. Записки о моей жизни. М., 1990. С. 184–185.

¹³ Шебунин А. Н. Европейская контрреволюция в первой половине XIX в. Л., 1926. С. 24.

¹⁴ Уваров С. С. Воспоминания об академике Ф. Грефе // Уч. зап. Академии наук по 1 и 2-му отд. Т. 1. СПб., 1853. С. 50.

¹⁵ Избранные сочинения Уварова были изданы Академией: «Etudes sur le philologie et de critique». St.-Pb., 1843.

¹⁶ Дурьлин С. Н. «Друг Гете» // Литературное наследство. Т. 4–6. М., 1932. С. 207.

¹⁷ Шпет Г. Очерк развития русской философии. Пг., 1922. Ч. 1. С. 240.

- 18 Письмо М.М. Сперанского к А.А. Столыпину // Русский архив, 1871. Кн. 2. Стлб. 919.
- 19 Русский архив. 1889. Кн. 2. Стлб. 368.
- 20 Герцен А.И. Былое и думы // Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 8. М., 1956. С. 12.
- 21 Дурылин С.Н. «Друг Гете». С. 190.
- 22 Пугачев В.В. К вопросу о политических взглядах С.С. Уварова в 1810-е годы // Уч. зап. Горьковского университета. Сер. ист.-филол. Вып. 72. Т. 1. 1964. С. 125.
- 23 Жозеф де Местр в России / Публ. и предисл. А.Н. Шебунина // Литературное наследство. Т. 29-30. М., 1937. С. 681-682.
- 24 В русском переводе: Вестник Европы. 1811. Январь-февраль.
- 25 Плетнев П. Памяти графа С.С. Уварова. СПб., 1855. С. 75.
- 26 Дурылин С.Н. «Друг Гете». С. 196.
- 27 Письма В.А. Жуковского А.И. Тургеневу. М., 1895. С. 228.
- 28 Сборник постановлений... Стлб. 16.
- 29 Московский университет и Санкт-Петербургский учебный округ в 1812 г.: Документы архива Министерства народного просвещения. СПб., 1912. С. 378, 395.
- 30 Григорьев В.В. Императорский Санкт-Петербургский университет в течение первых 50 лет его существования. СПб., 1870. С. 2.
- 31 Окунь С.Б. Основание Санкт-Петербургского университета... С. 14.
- 32 Мнение о учреждении университета в С.-Петербурге гр. Северина Потоцкого // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских. 1860. Октябрь-Декабрь. Кн. 4. С. 309-310.
- 33 Окунь С.Б. Основание Санкт-Петербургского университета... С. 18.
- 34 Сборник постановлений... Стлб. 16-17; Плетнев П. Первое двадцатипятилетие... С. 8-9.
- 35 Материалы... С. 4.
- 36 Д.П. Рунич в своих записках утверждал, что владеет точной копией уваровского устава, снятой с его оригинала (см.: Из записок Д.П. Рунича // Русская старина. 1901. Май. С. 382). В архиве Д.П. Рунича (ОР РНБ. Ф. 656) копия не найдена.
- 37 Мысли об авторстве Уварова высказаны и исчерпывающе аргументированы С.В. Рождественским (см.: Рождественский С.В. «Первоначальное образование...». С. XXIX).
- 38 Материалы... С. 75.
- 39 Там же. С. 83.
- 40 Окунь С.Б. Основание Санкт-Петербургского университета... С. 18-19.
- 41 Рождественский С.В. «Первоначальное образование...». С. XXXV; Материалы... С. 88-89.
- 42 Материалы... С. 92.
- 43 Там же. С. 104.
- 44 Там же.
- 45 Из записок Д.П. Рунича. С. 381.
- 46 Материалы... С. 107.
- 47 Дела о создании особого комитета из Уварова, Магницкого и Багдьянского и о составлении особого комитета из директора и ректора,³

также мнение попечителя о противоречии постановлений Главного правления о создании этих двух комитетов не опубликованы (РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 19).

48 Материалы... С. 62-63.

49 Там же. С. 108-110.

50 Рождественский С.В. «Первоначальное образование...».

С. XXXIII.

51 Сборник постановлений по министерству народного просвещения. Ч. 1. 180...-1864. СПб., 1864. Стлб. 1577-1579.

52 Косачевская Е. М. М. А. Балугьянский и Петербургский университет первой четверти XIX в. Л., 1971. С. 93.

53 Окунь С.Б. Основание Санкт-Петербургского университета... С. 24-25.

54 Там же. С. 25.

55 Косачевская Е. М. М. А. Балугьянский... С. 95-96; РГИА. Ф. 1260 (Комиссии составления законов). Оп. 1. Д. 339-341.

56 Косачевская Е. М. М. А. Балугьянский... С. 95-96.

57 Там же. С. 99-108.

58 Это, в частности, спровоцировало мелочные нападки критиков на «неисправности» самого языка устава, «затемняющего», по выражению М. Л. Магницкого, «самый смысл несвойственными оборотами» (см.: Материалы... С. 107).

59 Косачевская Е. М. М. А. Балугьянский... С. 107.

60 Рождественский С.В. «Первоначальное образование...».

С. XLII.

61 Материалы... С. 92.

62 Дела об увольнении Уварова от должности попечителя округа и члена Главного правления училищ и назначения на нее Д. П. Рунича не опубликованы (ЦГА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 121; Оп. 27. Д. 3).

63 Окунь С.Б. Основание Санкт-Петербургского университета... С. 17.

64 Там же. С. 23.

65 Рождественский С.В. «Первоначальное образование...».

С. XXXVIII.

66 Окунь С.Б. Основание Санкт-Петербургского университета... С. 22, 23-24.

67 Григорьев В. В. Императорский Санкт-Петербургский университет... С. 30-31.

68 Феокистов Е. Материалы для истории просвещения в России. СПб., 1865. С. 61.

69 Из записок Д. П. Рунича. С. 382.

70 Рождественский С.В. Вопрос о народном образовании и социальная проблема в эпоху Александра I // Русское прошлое. Вып. 5. Пг., 1923. С. 39-41.

71 Стеллецкий Н. Князь А. Н. Голицын и его церковно-государственная деятельность. Киев, 1901. С. 182.

72 Полн. собр. законов. Т. XXXIV. № 27106.

73 Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу... С. 130, 135, 140 (о ходатайстве Уварова перед Марией Федоровной за поэта, благодаря которому «Певец во стане русских воинов» был издан на средства двора, а его автор приближен ко двору); См. также: Русский архив. 1871. Стлб. 0163; Там же. 1864. Вып. 4. Стлб. 451.

74 Материалы... С. 4.

⁷⁵ Пушкин А.С. Второе послание цензору (1824 г.) // Пушкин А.С. Избр. произведения: В 2 т. Л., 1961. С. 157.

⁷⁶ 4(16) июня 1814 г. Уваров писал Гете, что «жизнь при таких обстоятельствах есть длительная борьба», что он к этой борьбе «издавна закалил себя», однако чувствует в себе «глубокое неиссякаемое влечение к иной, более свободной жизни, в страну, «где цветут лимоны», к друзьям вдали». Цитируя Гете («Песню Миньоны») не без некоторого кокетства, Уваров все-таки выражает явное предпочтение «общественного поприща» занятиям чистой наукой (цит. по: Дурылин С.Н. «Друг Гете». С. 221).

⁷⁷ Русский архив. 1871. Стлб. 0129–0131.

⁷⁸ Пыпин А.Н. Общественное движение при Александре I. Изд. 5. Пг., 1918. С. 307, 310.

⁷⁹ Эту склонность к прожектерству как неистребимую черту характера подметил в немолодом уже Уварове М.П. Погодин (см. Погодин М.П. Для биографии графа С.С. Уварова // Русский архив. 1871. № 12. Стлб. 2086–2087).

⁸⁰ Феоктистов Е. Материалы для истории просвещения в России. С. 55.

⁸¹ Там же. С. 56. — По мнению историка университета Н. П. Загоскина, защита Уваровым Казанского университета сыграла в конечном итоге свою решающую роль в том, что университет все же был сохранен (см.: Загоскин Н.П. Из времен Магницкого: Страничка из истории Казанского университета 20-х годов. Казань, 1894. С. 5).

⁸² Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности министерства народного просвещения. 1802–1902. СПб., 1902. С. 146.

⁸³ Пыпин А.Н. Религиозные движения в эпоху Александра I. Пг., 1916. С. 28, 97, 100.

⁸⁴ «Я жду только благоприятного случая, чтобы уйти из этого хаоса», — писал Уваров в 1813 г. Штейну. Тогда — это было обычным для него всплеском эмоций. Иное дело — в 1821 г., когда «хаос» и мракобесие отлились в форму реальных угроз в адрес Уварова лично.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ РЕАКЦИЯ И
«ДЕЛО ПРОФЕССОРОВ»

Прежде чем погрузиться в историю одного из самых мрачных и трудно объяснимых эпизодов правительственной реакции в политике просвещения, заявившей о себе в 1819–1825 гг., необходимо, на наш взгляд, очертить тот общеевропейский политический контекст и те идейные подвижки, которые заставили Александра I круто изменить курс и отказаться не только от либеральных деклараций, но и от самой сути реформаторства. В существовании российских университетов, и Санкт-Петербургского университета в том числе, наступил критический момент, когда прежние идеи активного строительства российской высшей школы на началах свободы преподавания и довольно широкой автономии университетов в одночасье подверглись дискредитации. Тем самым фундамент, на котором держалось еще очень непрочное сооружение, называемое российским университетом, был подорван, а просвещение и наука провозглашены «пагубными началами», приводящими к разрушению «спокойствия», т. е. к революции. Растерянность, падение уровня преподавания, общего числа профессоров и студентов, доносительство — всеми этими проявлениями отмечен организационный и идейный кризис Университета, наступивший почти сразу же за его официальным «открытием» 8 февраля 1819 г.

Этапы наступления реакции в европейском масштабе достаточно известны и связываются с началами Священного союза, попытками союзных монархов обуздать национально-освободительное движение.¹ Одной из форм последнего стало студенческое движение в немецких университетах, территориально независимых и самостоятельных в своей организации. Первые студенческие акции были отмечены еще в 1817 г., а в марте 1819 г. немецким студентом-патриотом Зандом был убит журналист и одновременно агент русского императора Август Коцебу за обличительные реплики в адрес университетов в своих ста-

тьях. Австрийский канцлер К. Меттерних, оказывавший серьезное влияние на русского императора, настоял на созыве съезда уполномоченных Германского союза в Карлсбаде, где «под видом борьбы со студенческим движением Австрия и Пруссия добились усиления своего давления на южнонемецкие государства Союза и на их конституционный строй».² Тем самым не только были парализованы конституционные процессы в центральной Европе (в том числе и в России), но совершено серьезное покушение на дело европейского просвещения и образования. Протестантские германские университеты были поставлены под коллективную опеку, а внутри каждого из государств Священного союза были развернуты превентивные и карательные мероприятия, если хоть что-то «в домашних делах» обнаруживало связь с «мятежным» духом. В качестве образца рекомендовались католические училища Франции и Англии времен средневековья, австрийские университеты с характерной для них клерикализацией преподавания.³ Независимая университетская корпорация, образующая, по выражению Меттерниха, «государство в государстве», должна была быть повсеместно заменена послушным государственным университетом, где профессора являлись бы прежде всего чиновниками. Эти меры союзные государи должны были согласовывать и реализовать неукоснительно. Не миновала грубая ревизия принципов организации и российские университеты.

Здесь необходимо сделать следующие существенные оговорки.

Во-первых, российские университеты при их учреждении согласно уставам 1804 г. изначально формировались по образцу германских. Это отмечается всеми исследователями университетского вопроса.⁴ Не был исключением и Педагогический институт в Петербурге, устав которого перерабатывался С.С. Уваровым в сторону еще большего соответствия «геттингенскому» прообразу. Поэтому драматизм ситуации после карлсбадских постановлений, тотчас принятых на вооружение в Министерстве просвещения, состоял в том, что для следования их духу и букве надлежало бы попросту разрушить существующие к 1819 г. семь российских университетов (включая Варшавский), а на их месте основать совершенно новые, не противоречащие «клерикально-монархическому» принципу. Непоследовательность российского правительства состояла в том, что полное разрушение существующих университетов им было признано невозможным, реорганизация же в согласии с новыми началами не возведена в ранг государственной политики, а поручена тем или иным «ответственным лицам».

Во-вторых, хронология наступления реакции в российском просвещении, и это сразу бросается в глаза, не вполне совпадает с развитием европейских событий. Точнее говоря, «переходный» период в истории российских университетов начался за два с половиной года до карлсбадских постановлений и традиционно связывается с назначением во главе «соединенного», Министерства духовных дел и народного просвещения близкого к Александру I князя А. Н. Голицына. Это произошло 4 сентября 1816 г. Тогда это назначение и первый этап идейной перестройки просвещения были связаны с религиозными исканиями императора. В частности, в мистическом, подлинном, как утверждалось, постижении христианских истин и самого Бога виделся спасительный путь к духовному оздоровлению и сплочению общества. На пути государственного мистицизма, затрагивавшего в особенности состояние гуманитарных наук, еще не было ничего «реакционного» и даже антилиберального. В 1816–1819 гг. провозглашался плюрализм мнений и принципов с явным уклоном, однако, в сторону симпатий императора. На этой первой «мистической» волне возникла в истории университетской «контрреформы» мрачная фигура М. Л. Магницкого. В связи с этим уместно коснуться и вопроса об особой роли личностей «гонителей просвещения», их намерений и методов в судьбе Университета в те несколько лет, когда они находились на вершине нравственной и реальной власти и, что называется, правили бал.

Нет сомнений в том, что по своей человеческой природе и исторической роли М. Л. Магницкий (1778–1855) и Д. П. Рунич (1780–1860) представляют собой явление уникальное. Они не были последовательными охранителями и «реакционерами» по той простой причине, что всякая последовательность и наличие каких-либо убеждений были глубоко чужды их интеллектуальной и нравственной организации. Это образчики того типа карьеристов и честолюбцев, которые не гнушаются никакими средствами ради собственного возвышения. Крайняя беспринципность в то же время служила, и не раз, причиной «очередного падения» того и другого. При всех оттенках и отличиях, М. Л. Магницкий, разумеется, представляет собой фигуру более крупную — своего рода исторического негодяя государственного масштаба. Это важно подчеркнуть ввиду наметившихся попыток его реабилитации.⁵

Действительно, Магницкий, некогда лучший воспитанник Московского университетского благородного пансиона,⁶ в молодости грешил либеральными идеями, дружил с братьями Тургеневыми,⁷ затем после нескольких лет дипломатической

службы попал в подчинение к М. М. Сперанскому и участвовал (пусть, косвенно) в проектах конституционных преобразований 1808–1811 гг. Опала (вместе со Сперанским) заставила его заново начинать карьерное восхождение — сначала губернатором в Воронеже, затем попечителем университета в Казани. Неразборчивость в средствах, желание возвыситься, злобность и ханжество — все это в совокупности обуславливало почти единодушную ненависть к Магницкому даже в пору его максимального влияния. Не обманывался на этот счет и Александр I. В ответ на ходатайство Голицына о назначении Магницкого попечителем в Казанский университет, Александр «усомнился» в его соответствии должности и предсказал министру, что Магницкий «будет первым на него доносчиком».⁸

«Нет никаких сомнений, — писал биограф Магницкого Е. М. Феоктистов, — что он мечтал сделаться необходимым человеком для правительства, внушить ему высокое понятие о предполагаемых им преобразованиях и таким образом открыть себе широкий путь к почестям и славе. . . В руках его было сильное орудие против врагов — клеветы, доносы, против которых не было средств оградить себя предосторожностью».⁹

Д. П. Рунич, конечно, был менее способен, изворотлив, зловещ, нежели Магницкий. Но и он был непрост и умел формулировать свои мысли и требования в полном согласии с идейными поворотами «в верхах». В начале 1810-х годов — это московский почт-директор и, по должности, перлюстратор писем, масон, мистик, состоявший в переписке с религиозным просветителем А. Ф. Лабзиным. После ряда неудач он оказался в деревне, испытывал финансовые затруднения. «Счастливым случаем» для него стало ходатайство государственного секретаря В. М. Попова у Голицына.¹⁰ Так, Голицын почти одновременно в 1819 г. протезировал двум личностям, олицетворявшим в течение следующих лет мрачную реакцию. Заняв в начале 1819 г. должность члена Главного правления училищ, Рунич решил попросту повторить уже испробованный М. Л. Магницким в истории с «ревизией» Казанского университета путь упрочения карьеры. Внешне это расчетливое желание выразилось в его подчеркнутом стремлении «водворить в России христианский университет».¹¹ Нам уже ясно, что под этим понималось как раз разрушение подлинно гуманных начал университетской жизни.

Формулы, в которые Рунич и Магницкий облекали свои мысли и действия и которые первое время ввели в заблуждение Голицына, не являвшегося, в свою очередь, «невинным агнцем» в университетской истории, заслуживают того, чтобы разо-

браться в них глубже. Эти формулы оставили в сознании Магницкого и Рунича столь прочный отпечаток, что даже много лет спустя, находясь в опале, оба они продолжали «потрясать оружием» против «разрушительных начал» неверия и «ложной» премудрости.¹²

Фактически Магницкий и Рунич добровольно взяли на себя роль правительственных комиссаров, которые согласно карлсбадским постановлениям должны были заниматься «исправлением» немецких университетов. Прежде попечители российских университетов выполняли лишь надзорные, контролируемые функции и не вмешивались в ход университетской жизни, а тем более в «толкование» наук. Право на «руководство» Университетом впервые было заявлено Магницким в его знаменитой инструкции директору и ректору Казанского университета (оговоримся еще раз, что этот документ был составлен более чем за месяц до убийства Коцебу). Магницкий ополчается уже здесь против «исключительного права составлять государство в государстве или общество в обществе», положенного в основу университетского устава, что, по его убеждению, «противоречит внутреннему благосостоянию страны».¹³ Обзор состояния Казанского университета, как известно, Магницкий закончил требованием его «уничтожения». Он писал: «Акт об уничтожении Университета тем естественнее покажется ныне, что, без всякого сомнения, все правительства обратят особенное внимание на общую систему их учебного просвещения, которая, сбросив скромное покрывало философии, стоит уже посреди Европы с поднятым кинжалом».¹⁴ Последнее предостережение могло показаться пророчеством, так как было высказано за несколько недель до убийства Коцебу. Не в этом ли кроется загадка возвышения Магницкого и его влияния?

Справедливо также следующее суждение А. Н. Пыпина: «Магницкий был возможен только потому, что почва для него была уже готова, что его поддерживали сами высшие правительственные учреждения... Действия его и его клеветов рассчитаны были на общее настроение и невежество известных сфер (...) Министерство просвещения само допускало и поощряло действия совершенно постыдные».¹⁵ Действительно, «просвещение губитель» и «холопская душа»¹⁶ А. Н. Голицын не очень вдавался в теоретические тонкости и практические последствия «антиуниверситетской кампании», зато был очень озабочен сохранением власти. «Наши подражатели иноземным правительственным образцам, не обращавшие никакого внимания на нужды и условия своей страны, — писал позднее А. В. Никитенко в статье об А. И. Галиче, — ... направили свои удары

на науку, чему могли только удивляться образцы их, да разве радоваться враги наши». ¹⁷ Если в Германии, продолжал Никитенко, не наука, а организационная структура университетов подверглась преследованиям, а также политический либерализм, то в России было подавлено все, включая науку «темными силами... коих роль задерживать и обращать по возможности вспять всякое естественное развитие жизни». ¹⁸ Никитенко, как нам кажется, все же упустил из внимания абсолютное сходство и подобие самих формул обвинения, предъявляемых «пагубному» просвещению как в Европе, так и в условиях российской действительности. Так же, как в Карлсбаде, в канцелярии А. Н. Голицына устами Магницкого идеалом было провозглашено соединение веры и знания, а наука ставилась в подчинение догматам веры. Та и другая в качестве высшего смысла своего существования должны были «утверждать прочность государств и престолов». Нарастающий страх перед распространением революционных идей, подогреваемый в Александре Меттернихом и многочисленными свидетельствами существования в России тайных политических обществ, выражался в судорожных поисках центра «всеевропейского революционного заговора» и его ответвлений. Нетрудно было внушить императору, что Петербургский университет и его «пагубный дух» так или иначе связаны с предметом его страхов. Антиреволюционная и антилиберальная фразеология в этой «охоте на ведьм» сама по себе обретала действенную силу, она вовлекала в этот процесс все новых участников. На этом языке начинали говорить все, кто желал зафиксировать свою лояльность или быть замеченным.

В цепи таких проявлений реакционного курса правительства, как разгром Казанского университета, запрещение масонских лож и тайных обществ, ужесточение цензуры, дело по обвинению в вольнодумстве ведущих профессоров Петербургского университета приобретает специфическую окраску.

Еще до того как было сфабриковано «дело профессоров» Петербургского университета, центральной мишенью для нападок обскуранта Д. П. Рунича был избран А. П. Куницын, к началу 20-х годов заслуженно стяжавший славу «лучшего из университетских профессоров». Его репутация, а также сами формулы и категоричность предъявленных ему обвинений в «иллюминатстве» и подрыве государственных устоев вызывают необходимость подробнее остановиться на его воззрениях и деятельности. ¹⁹

А. П. Куницын (1783–1840), выходец из семьи сельского священника Тверской губернии, был одним из лучших студентов

первого выпуска в Санкт-Петербургском Педагогическом институте. В числе 12 выпускников он был отправлен в 1807 г. в Геттингенский университет «для усовершенствования себя в науках», чтобы затем занять профессорскую кафедру в *alma mater*.²⁰ За четыре года пребывания за границей Куницын, специализировавшийся в науках права, сформировался как настоящий «русский геттингенец» в своих научных пристрастиях, методах преподавания, либеральных политических взглядах.

Первое из дошедших до нас публичных выступлений Куницына относится к 1811 г. Весной этого года он вернулся из Германии и сразу же был зачислен преподавателем в только что образованный Царскосельский лицей. 19 октября 1811 г. на торжественном Акте в честь открытия лицея Куницын прочел составленное им «Наставление воспитанникам». В этой пламенной речи он призывал молодежь овладевать такими знаниями, которые помогли бы установить «первоначальные причины благоденствия и упадка государств». Молодой оратор внушал будущим своим воспитанникам, что только на прочных познаниях может основываться та «гражданская деятельность», к которой им предстоит готовиться в будущем. Согласно Куницыну, подготовка к «гражданской деятельности» требует не только истинных познаний, но и неустанного совершенствования нравственных качеств человека. Он сказал: «Жалким образом обманутся те из вас, кто, опираясь на знаменитость своих предков, вознерадеет о добродетелях, увенчавших имена их бессмертием». Важнейшая из этих добродетелей для истинного гражданина есть «любовь к отечеству».²¹ Время и конкретные события усилили резонанс «Наставления воспитанникам», прозвучавшего в канун Отечественной войны 1812 г., потребовавшей от молодого поколения и гражданских добродетелей, и высоты духа.

И. И. Пущин вспоминал, что воспринял эти слова не как часть формального «наставления» неопитам, а как человеческое слово «об обязанностях гражданина и воина».²² Слово Куницына несколько нарушало привычные каноны официальных торжеств хотя бы потому, что в нем ни разу не упомянуто было имя императора, присутствовавшего тут же на церемонии открытия лицея. Но Александру I это новаторство и проявление независимости, как и содержание речи, видимо, понравились, так что он в тот же день наградил еще ничем себя не проявившего молодого преподавателя орденом Владимира IV степени. Текст самой речи был тут же опубликован отдельной брошюрой, разослан в университеты, гимназии, другие учебные заведения, в Академию наук.²³

Если в речи 19 октября Куницын призывал юношей быть равно готовыми к гражданскому поприщу и к тому, чтобы в грозный час встретить врага «на поле чести»,²⁴ то уже в первом номере журнала «Сын Отечества», вышедшем после начала войны, он писал, призывая сограждан стоять насмерть против вторгшегося врага: «Пусть земля, которую наши руки защитить не в состоянии, будет нам вечной могилой, но мы умрем свободными в свободном отечестве».²⁵ Формула о «свободном отечестве» в 1812 г. имела, конечно, широкий патриотический смысл, но она вполне соответствовала и политическим идеалам автора статьи.

Счастьем целого поколения русской элитарной молодежи стало привлечение человека подобных убеждений к преподавательской деятельности в Императорском лицее, где Куницын был до 1816 г. адъюнктом, а до 1820 г. — профессором. Одновременно с 1817 г. он занимает профессорскую кафедру в Главном Педагогическом институте, преобразованном в Петербургский университет Актом 8 февраля 1819 г.

Общественно-политические воззрения профессора Куницына, которые в пору расцвета правительственного либерализма не было нужды особенно скрывать, пронизаны глубоким историзмом. Наиболее ярко это отразилось в предложенной им в курсе естественного права классификации наук о государстве. Эта классификация ставилась автором курса в зависимость от эволюции политических форм и усложнения государственного управления от времен «грубого» состояния обществ, когда «связи людей были малочисленны, единообразны и просты», и до современного сложного общественного устройства.²⁶ Впервые в лекциях по естественному праву, прочитанных на старшем курсе Царскосельского лицея, Куницын развил те положения, которые позже повторял в своей книге «Право естественное» (1818 г.) и одновременно сообщал университетской аудитории.

Еще в первой своей книге «Изображение взаимной связи государственных сведений» (1817 г.) Куницын рассмотрел «учение о верховной власти и ее взаимоотношениях с подданными», «учение о мерах к охране частной и общей безопасности», «учение о содействии верховной власти частному и общему благосостоянию». Куницын разделял теорию о договорном происхождении государственной власти и заявлял, что поскольку люди соединяются в общество добровольно, то и подчинение их верховной власти также носит добровольный характер. Очевидно, что соединение людей в обществе может лишиться прочности: несправедливо угнетаемый сопротивляется угнетению и «неспо-

римо имеет на это право». ²⁷ Условия общественного договора, которым определяются права и обязанности верховной власти, избавляют общество от насилия. Таким образом, многие страсти куницынского «Изображения...» воплощали протест против деспотизма, требование «законной монархии», простирающееся достаточно далеко, в соответствии с формулами правительственного либерализма Александра I.

Но профессор Куницын оказался существенно впереди реформ, когда в 1818 г. анонимно поместил в «Сыне Отечества» статью под названием «О состоянии иностранных крестьян», которая открыто и аргументированно доказывала преимущество «иностранных крестьян» перед российскими. Статья эта была продуманной репликой в адрес другого автора, напечатавшего под именем г. Правдина в «Духе журналов» свои крепостнические по духу соображения под названием «Сравнение русских крестьян с иностранными». ²⁸ Статья Куницына не просто обсуждала пагубные следствия несвободы российских крестьян, здесь автор подходит к самому понятию о свободе. «Свобода», — возражает Куницын своему оппоненту, — вовсе не «пустое слово». Свобода есть право человека поступать по своему благоусмотрению во всем том, что не вредит другим людям. По сему понятию первое и важнейшее право иностранного крестьянина состоит в том, что он сам себе принадлежит и не переходит из рук в руки посредством мены, продажи, дара, наследства и других сделок...». Сие право так драгоценно, продолжает Куницын, что сам г. Правдин, верно, «не согласился бы на перемену своего состояния». Иностраный крестьянин тем отличается от крепостного, что, располагая собой, организуя свой труд, осуществляет тем самым одно из важнейших прав — свободу деятельности, «имея несомненную надежду улучшить свое состояние». ²⁹

Куницын высмеял утверждение г. Правдина, будто «иностраные крестьяне толпами бегут в Америку и Россию». Если это так, то почему до сих пор никто из «бегущих в Россию» иностранных крестьян не выразил желания стать крепостным? В полемическом задоре Куницын рисовал положение иностранных крестьян близким к идеальному. Он писал, что «иностраный крестьянин» огражден законом от прихотей, корыстолюбия и других злоупотреблений; что материальное положение крестьян за границей весьма высоко, а тамошние помещики, сдающие землю в аренду крестьянам, получают доход в три-четыре раза больший, чем в странах, где земля обрабатывается крепостным трудом. ³⁰

В заключении Куницын возвращается к понятию свободы.

Противопоставляя его понятию «вольность», он требует отличать «законносвободные постановления, коих священные начала смешиваются ныне с разрушительными учениями» (последние проявились в «буйстве французов в конце XVIII в.»). Следуя логике официального либерализма, открыто заявленного самим императором незадолго до того в своей варшавской речи при открытии сейма в Царстве Польском, Куницын точно так же противопоставляет либерально-реформаторские («законно-свободные», по выражению царской речи) идеи и принципы — революционным (проявлениям «вольности»).³¹

Еще более очевидна переключка с идеями правительственного либерализма в статье Куницына «О конституции», опубликованной под его собственным именем уже в следующем, 18-м номере «Сына Отечества». Статья явно навеяна варшавской речью Александра I, сильно повлиявшей не только на настроение в русском обществе, но и на степень зрелости политического самосознания многих откровенных «либералистов». Особенно будоражило мысль обещание императора распространить вводимые пока что только в Царстве Польском «законносвободные учреждения» на всю Россию.³² Начиная с осуждения французских революционеров за их попытку установить во время революции республиканский строй и за причинение «своими неурядицами и заблуждениями» «многого зла» Европе, Куницын утверждает, что современным народам потребен другой род свободы. Таковую свободу несет не разрушительная революция, а благодетельная реформа сверху. Примером такой реформы служит Хартия 1814 г., дарованная Франции Людовиком XVIII, которая гарантировала представительное правление. «Алчущие крови ригористы» полагали, что Людовик XVIII вернется к «самовластию», но «сии ужасные предположения были обмануты». Прошли времена, резюмирует Куницын, «когда цари хотели царствовать только для себя самих». Новые доказательства преимуществ представительного образа правления явили деяния Александра I. Русский император даровал конституцию Царству Польскому и провозгласил, что «законносвободные постановления... утверждают истинное благосостояние народов». Называя, таким образом, в подцензурной статье деспотизм «ужасным» способом правления, Куницын выражает надежду, что времена неограниченного самодержавия безвозвратно прошли. Он пишет: «Настали веки образованности и опытности: истина проповедуется словами владык мира».³³

Важную грань конституционных воззрений Куницына высветила его полемика 1818 г. с попечителем Санкт-Петербургского

учебного округа С. С. Уваровым. Уваров, интерпретируя в своей черед варшавскую речь Александра I, заявил в своей речи на открытии кафедр восточных языков и всемирной истории в Главном Педагогическом институте 22 марта 1818 г.: «Мы по примеру Европы начинаем помышлять о свободных понятиях».³⁴ Фактически петербургский попечитель признал конституционный опыт Европы безусловно полезным для России. Куницын в своем «Рассмотрении» этой речи Уварова вполне согласился с тем, что Россия переживает время обновления, но резко возразил против того, что «пример Европы» стал исходным моментом тех мыслей о свободе, которые получили распространение в России. С фактами в руках Куницын показал, что «свободные понятия» издревле были свойственны русскому народу. Они нашли свое выражение в истории таких учреждений, как вече, боярская дума, совестной суд, земские соборы — последние Куницын называл «совещаниями государственных чинов состояний» — и др. Куницын добавил, что если народы других стран добивались лучших форм государственного правления войной и насилием, то в России эти формы «ознаменованы отеческой любовью монарха к усердным и послушным чадам — его подданным».³⁵

Последовательно либеральные взгляды Куницына отразились и в напечатанном им «Рассмотрении книги “Опыт теории налогов”, сочиненной Н. Тургеневым». Здесь критик вполне разделяет основные положения автора, известного поборника освобождения крестьян, пишет о необходимости подчинять теорию и практику налогов «правилам справедливости и человеколюбия».³⁶

Перед нами не частное проявление единомыслия двух «либералистов», а свидетельство сотрудничества, длительной и деятельной дружбы. Н. И. Тургенев рассчитывал привлечь Куницына к изданию задуманного им журнала «Россиянин XIX века», первого политического журнала в России. Для его издания уже был обсужден набор предполагаемых для первых номеров материалов и состав редакции, где Куницыну отводилась одна из первенствующих ролей. Базируясь на программе журнала, в которую входил основной корпус либеральных идей: ликвидация крепостничества, введение конституционного правления, просвещение, соблюдение прав «гражданских и человеческих», инициаторы намеревались создать новое и, очевидно, легальное политическое «Общество 19 года и XIX века».³⁷

Рецензируя тургеневскую книгу, Куницын отмечал, что автор, отстаивая «человеколюбивые», принципы (т. е. принципы свободы крестьян), «исполнил долг свой по совести», в отличие

от тех авторов политических трактатов, которые «при торжественных уверениях в их любви к отечеству проповедают правду, угнетательные для их сограждан». ³⁸

Анализируя публицистические и научно-педагогические сочинения Куницына в совокупности, можно выделить главное: в своих основных постулатах и формулировках он по сути популяризирует взгляды крупнейшего из современных ему теоретиков либерализма — Б. Констана. Его «Курс конституционной политики», как и другие сочинения до запрещения их в начале 1820-х годов, пользовался в России огромной популярностью. ³⁹ В русле тех же принципов развивалось мировоззрение братьев Н. И., А. И., С. И. Тургеневых, П. А. Вяземского, Н. М. Муравьева, многих умеренных представителей декабризма.

Однако для русской молодежи 1810-х годов, широкой студенческой и лицейской аудитории гораздо ближе и понятней многочисленных и острополитических сочинений Констана казались популярные лекции Куницына. Едва ли найдется в 1818 г. произведение, пользовавшееся большим спросом, чем книга «Право естественное, сочиненное, профессором Императорского Лицея Александром Куницыным». Пристрастное расследование текста книги на предмет политической неблагонадежности и ее запрещение только подняли в глазах читателя ее ценность. Книга эта не могла быть изъята из употребления совершенно, о чем свидетельствуют сохранившиеся в научных библиотеках ее экземпляры.

Свое изложение автор начинает с определения естественного права. «Для отличия от положительных законов, основанных на произволе законодателя, — поясняет он, — правоучение называется естественным поколику оно излагает законы, выводимые из природы разума человеческого. Право естественное значит то же, что право природное, т. е. нормы его соответствуют природе человека — современного, а не первобытного». ⁴⁰ По Куницыну, законы права «вообще действительны, необходимы и никакого не терпят изъятия», средства же, которыми оперирует политика, «переменяются по обстоятельствам места или времени». Следовательно, «право ограничивает средства, употребляемые политикой, допуская только законные». Положив в основу рассуждений мысль о законности, основополагающую для просветителей, и то, что «в праве естественном права и обязанности людей как разумных существ, равны и одинаковы» (с. 13), Куницын иллюстрирует и развивает это на исторических примерах. Его мысли по своей лаконичности и законченности напоминают грамматические правила. Он пишет: «Каждый человек внутренне свободен и зависит только от законов разума,

а посему другие люди не должны употреблять его средством для своих целей. Кто нарушает свободу другого, тот поступает противу его природы. . . Природа людей, несмотря на различие их состояния, одинакова» (с. 21).

Куницын приводит веские аргументы в защиту того взгляда, что с людьми нельзя поступать так, как «с вещами». Он пишет: «Каждый человек необходимо представляет себя существом самостоятельным. . . Посему кто поступает с другими людьми как с вещами, тот противоречит понятиям собственного разума. Унижая других людей до простых орудий, человек наружно только не признает их права личности, внутренне же допускает оное во всей силе, ибо не может переменить в себе убеждения в том, что сам он есть свободное лицо и что другие люди, будучи одинаковой с ним природы, равное имеют право на свою свободу» (с. 53–54).

В духе принципов либерализма Куницын отстаивает «свободу веры», «свободу действий», «право чести», называя их совокупно «первоначальными» правами человека. В понятие «свобода действовать» профессор вкладывает и представление о свободе слова. Он пишет: «Право свободно действовать заключает в себе право свободно объявлять свои мысли другим людям. . . Истина познается только через свободное обращение мыслей. . . Предположение, что один может ввести в заблуждение других, не может служить препятствием к свободному сообщению мыслей» (с. 65–66). В духе времени Куницын выступает в защиту веротерпимости. Он пишет: «Каждый может свободно исповедовать свою религию. . . В благоучрежденных государствах предоставлена совершенная свобода всем вероисповеданиям» (с. 66–67). Привилегированное положение одних сословий и бесправное — других не соответствуют, по его мнению, состоянию просвещения и современных обществ. Поэтому также «притязания европейских народов на свободу и собственность кочующих племен в разных частях света совершенно противны» природным правам, которые принадлежат «всем людям» (с. 72–74).

В том же духе трактует Куницын вопрос об обязанностях людей по отношению к тем сообществам, в которых они существуют. Он пишет: «Каждый человек по общему закону может выполнять свои права, и никто другой в том не может ему препятствовать. Следовательно по сему же закону, обязанности людей одного к другому одни и те же. Человек может требовать от других только того, что сам почитает для себя должностью. Всякое требование, оную меру превосходящее, есть противозаконное старание присвоить себе преимущество или

первенство». Однако равные в отношении «естественных прав» люди в современных обществах, по убеждению Куницына, не могут быть равны в правах гражданских. «Утверждать сие равенство значит уничтожить всякое понятие о праве, поскольку такое равенство уничтожает понятие о собственности и справедливости» (с. 74–75).

Таким образом, автор «Права естественного», придерживаясь в своих основных положениях просветительских (по существу буржуазных) принципов, отстаивает право на неравенство в собственности, которое влечет за собой неодинаковый объем предоставляемых гражданам прав.

Буржуазный принцип свободы деятельности и собственности прослеживается в тексте Куницына вполне отчетливо. Он пишет, что «никто не может приобретать права собственности на другого человека — ни противу воли, ни с его на то согласия, ибо право личности состоит в свободе располагать самим собой» (с. 86). Первым условием установления собственности является воля владеть ею. Но эта воля должна быть закреплена законом. Теоретически Куницын подразумевает, что право собственности принадлежит всем, т. е. должно распространяться и на крестьян.

Сочинения Куницына утверждали самоценность личности, освобождение ее от угнетения всякого рода: теократического, деспотического, угнетения, исходящего от другой личности. Те же идеи мы находим и во второй части «Права естественного», подготовленной и выпущенной Куницыным в 1820 г.⁴¹ Исходное положение «прикладного права» — утверждение об общественном соединении как о неперменном и важнейшем признаке образа жизни человека.

«Люди или самую природою поставляются во взаимное соотношение между собой, или для достижения законных целей произвольно вступают в общественное соединение», — пишет Куницын (с. 1). Человеческое сообщество, однако, не может быть создано силой и ею поддерживаться: «совокупление людей для достижения общей цели не может иначе произойти, как через договор» (с. 3). Фундаментальным же принципом любого общественного договора является его направленность на защиту прав человека.

Власть в обществе признаваема и имеет смысл лишь постольку, поскольку защищает интересы общества. Куницын даже определяет власть через категорию права «отправлять общественные дела» и признает, что власть «бывает или всеми членами вместе отправляема по общему согласию, или вверена одному лицу». В первом случае общество «называется рав-

ным, а во втором — неравным». Из дальнейших положений следует, что общество равное — республика, общество неравное — монархия (с. 35–36).

Куницын — последовательный поборник равенства. Он настаивает на том, что равенство должно быть и в отношениях между мужем и женой. «Как будто цель государства того требует, — с горькой иронией пишет Куницын, — чтобы половина рода человеческого непременно была в рабстве» (с. 35–36). Брак, по его выражению, может быть прекращен «взаимным согласием», если тем «нарушаются права третьего лица», хотя и делает примечание, что сие «противно благоустройству семейств» (с. 36–37).

Столь смелые формулировки могут показаться покушением на христианскую ортодоксию, как и положение Куницына о том, что на свободу человека не могут посягать даже его родители — они не могут «поступать с детьми как с собственностью» (с. 38–44).

Опровергая систему Руссо, Куницын считает, что человек не может рассматриваться вне общества, «дикое состояние» само по себе не прибавляет людям ни справедливости, ни добродетели, если этих понятий лишено общество в целом. Поддерживая мысль Т. Гоббса о том, что люди соединяются в общества и государства для прекращения усобиц и поддержания мира, Куницын еще раз указывает на договорную природу этого соединения. По его мнению, даже права лица, сосредоточившего в своих руках верховную власть в государстве, определяются только «силой общего согласия». Этому лицу «по силе общего согласия» предоставляется право употреблять власть как средство для достижения общих целей (с. 64–65).

Силой «общего согласия» обеспечены и права гражданина, и его основные свободы. «Гражданин подчинен властителю только для цели государства», — пишет Куницын (с. 67). Законы поэтому должны быть «всеобщие», т. е. «всех граждан равно обязывающие» (с. 71).

Впрочем, по мнению Куницына, привилегии допустимы, ибо «если всеобщая безопасность требует, чтобы на одного или некоторых граждан возложены были особенные отношения... то государство должно сделать за особенное отношение особенное вознаграждение» (с. 72). Такие привилегии не нарушают справедливости и не колеблют уверенности народа в том, «что правительство не может поступать иначе, как справедливо» (с. 92). Если же эта уверенность будет поколеблена, если выяснилось, что «верховная воля так устроена, что при оной необходимо происходит нарушение прав, то никто не имеет должности

ей повиноваться» (с. 99).

Менее отчетливо излагает Куницын вопрос о том, какие же права закрепляются за подданными по договору подданства, а какие безвозвратно утрачиваются. Безусловной, однако, остается для подданных свобода «частных действий». «Все частные действия, — пишет Куницын, — как то разговоры, письма, сочинения, до тех пор должны быть почитаемы законными и состоять в совершенной свободе каждого, покуда не будет происходить из оных прямо и непосредственно какого-нибудь преступления». В этом утверждении Куницын являет собой последовательного сторонника максимальной свободы личности, с примерным пафосом отстаивавшейся теоретиками французского либерализма.

Между прочим, Куницын считает неотъемлемым правом подданных и «составлять общества для произвольных целей», властитель со своей стороны может только «смотреть, чтобы они ничего не учинили противного законам» (с. 101).

Обязанность подданных повиноваться властителю не распространяется на те случаи, когда тот «под видом общей хочет исполнить свою частную волю», когда его деяния «противны положительным законам, на всех равно простирающимся». Подданные имеют право, по мысли Куницына, искать защиты и правосудия, но все средства к защите своих прав должны быть законны. «Незаконными способами» сопротивления подданных произволу Куницын называет «заговоры, измену, возмущение» (с. 103–104).

Перед нами — грань, резко отделяющая воззрения либерализма от революционности декабристов. Последние утверждали, что сотворение нового мира определяется не законом, а революционным насилием. Эта точка зрения, впрочем, была сформулирована несколькими годами позднее, в ту пору, когда надежды «либералистов» на скорые либерально-конституционные преобразования с привлечением общественных сил практически растаяли. Общественная же дискуссия о путях к освобождению России в конце 1810 — начале 1820-х годов определялась как раз взвимопроникновением и взаимовлиянием радикальных установок и либеральных принципов. Книга Куницына сыграла свою образующую роль в усвоении передовой частью молодежи правовых понятий в духе либерализма.

Во второй части «Права естественного» Куницын развивает свои антикрепостнические идеи. Он пишет: «... одно состояние не может требовать, чтобы другое ему служило и от его распоряжений зависело» (с. 106).

Нетрудно видеть, что курс лекций, предложенный Куницы-

ным и основанный на двух его учебных книгах, представлял по тому времени новаторское явление. Это было первое на русском языке законченное изложение принципов и норм современного права, соседствующее в обширной библиотеке будущих декабристов и их просвещенных современников, главным образом с привозной (французской и английской) литературой.⁴²

Первым актом трагедии, разразившейся над «ученым сословием» Санкт-Петербургского университета, стало запрещение к обращению книги Куницына «Право естественное», репрессии против самого автора, а также курса естественного права в целом, читавшегося тогда во всех российских университетах.

Уместен вопрос о том, насколько университетские лекции профессора Куницына были приближены к тексту его печатного курса. Косвенным подтверждением близости лекционного и печатного вариантов курса «Естественного права» служат сохранившиеся записи самого первого его варианта, прочитанного, как мы помним, в Царскосельском лицее еще до того, как Куницын занял профессорскую кафедру в Главном Педагогическом институте. Рукой будущего канцлера, одного из лучших лицестов пушкинского выпуска А. М. Горчакова была сделана копия собственноручных записок Куницына, по которым и осуществлялось чтение лекций. Эти лицейские лекции опубликованы в 1937 г. Б. С. Мейлахом. Они, разумеется, не дают представления о Куницыне как ораторе, не передают силу его звучащего слова, уровень его педагогических требований. Однако научные и общественно-политические воззрения Куницына они раскрывают вполне.

Записи Горчакова, относящиеся к естественному праву, очень близки тексту книги «Право естественное» (ч. 1 и 2). Нет сомнения, что основой этой книги стали именно записки, составленные Куницыным для лицейских лекций. Но в то же время многие принципиальные понятия в том и другом источнике даны совершенно различно. Это относится, например, к такому важнейшему аспекту «Права естественного», как происхождение и функции верховной власти. Проведем сопоставление соответствующих текстов.

«Право естественное» Куницына

«Властитель ни от кого не зависит, ибо ему принадлежит верховная власть. Следовательно, никакая власть в государстве выше его быть не может, в противном случае властитель был бы подвержен другой власти верховной, что само себе противоречит. Итак, власти-

Записи Горчакова

«Своевластитель совершенно ни от кого не зависим, ибо право величества или верховной власти передано ему единовластно, потому воля его заступает место целого народа, следовательно, она столько же независима, как сия последняя».⁴³

телю должно быть все подчинено, сам же он не подлежит никакой ответственности» (с. 123).

Прежде всего бросается в глаза отсутствие в тексте книги термина «своевластитель» (из записей Горчакова), что размывает саму формулировку, ибо речь, разумеется, идет о самодержавии. Но в то же время если в книге независимость властителя возникает как следствие принадлежности ему верховной власти, то лекции трактуют верховенство высшей власти как следствие передачи ее властителю. Передачи — кем? Не исключено, напротив — весьма вероятно, что первоначальным источником верховной власти автор лицейских лекций считал народ. В пользу этого предположения говорит защищаемая в этих лекциях мысль о равнозначности воли властителя и воли народа. Мысль подтверждается тезисом о независимости воли народа.

В духе этих идей написан и раздел «О республиканских образах правления», в книге отсутствующий (он заменен, по видимому, разделом «О демократическом образе правления», смягчающим трактовку самовластия как полновластия вследствие воли народа).

Лекции, несомненно, радикальнее книги. Многие положения последней — по собственной ли воле автора, под воздействием ли цензуры — освобождены от первоначальных радикальных формулировок.

Испытали ли подобную судьбу и университетские лекции Куницына по естественному праву? Есть все основания усомниться в этом.

Существенные для воссоздания подлинного облика Куницына записи Горчакова особенно ценны в части, отражающей содержание лекций Куницына по политической экономии — предмету, которому специальной публикации он не посвятил.

Записки Горчакова рисуют Куницына противником крепостничества. При всем том, что, по мнению Куницына, сельское хозяйство есть для России второстепенная отрасль, имеющая значение лишь постольку, поскольку содействует развитию промышленности и внешней торговли (это характерный тезис сторонников фритреда, свободы торговли в начале XIX в.), Куницын подчеркивал решительное преимущество обработки земель вольнонаемными работниками перед обработкой ее крепостными крестьянами. Куницын приводил тот резон, что заработная плата вольнонаемных работников дает им возможность накапливать излишки, которые могут быть обращены на усовершенствование своей работы, дабы получить через то большее

прибыли». По убеждению Куницына, свободный арендатор («откупщик») «более чувствует побуждений к усовершенствованию земледелия, нежели крепостной крестьянин...». В качестве примера страны, где земледелие благодаря аренде достигло процветания, Куницын приводил Англию. В духе этих убеждений Куницын протестовал и против подушной подати, считая, что «будучи произвольной», подушная подать «разрушает всякую собственность».⁴⁴

Политические и экономические взгляды Куницына, как они отразились в его литературной и педагогической деятельности 1811–1812 гг., рисуют его убежденным либералистом. Осуждение деспотизма и крепостничества, убежденность в необходимости просвещения — все это высказывалось Куницыным с такой непреложной ясностью, что с неизбежностью западало в сознание его читателей и слушателей. Этим и объясняется суть пушкинской строфы, обращенной к Куницыну:

Куницыну дань сердца и вина!
Он создал нас, он воспитал наш пламень,
Поставлен им краеугольный камень,
Им чистая лампада возжена...⁴⁵

Книгу Куницына не могли не заметить. Если правительство Александра I отнеслось к факту появления в печати первой ее части настолько снисходительно, что не приняло никаких специальных мер против ее распространения, то в 1820 г., когда появилась вторая, гораздо более политически заостренная ее часть и когда, что еще важнее, в политике правительства отчетливо наметился иной, охранительный курс, над Куницыным разразилась гроза.

В 1820 г. директор лицея Е. А. Энгельгардт обратился к министру народного просвещения князю А. Н. Голицыну за разрешением поднести Александру I экземпляр книги Куницына. По распоряжению Голицына книга поступила на рассмотрение Главного правления училищ. Первое заседание правления, где слушалось дело о книге Куницына, имело место 30 сентября 1820 г. Член правления Н. И. Фусс дал о книге Куницына благоприятный отзыв, заключив, что она может быть поднесена императору. Но Д. П. Рунич резко возразил против подобной рекомендации. Обстоятельно изучив «предмет», он вынес ей и автору жестокий приговор. «Вся книга, — писал он, — есть не что иное, как пространный кодекс прав, присвоаемых какому-то естественному человеку, и определений, совершенно противоположных учению Св. откровения».⁴⁶ Рунич находил, что книга Куницына пропитана идеями Руссо, что она основана на признании разума единственным двигателем человеческих

деяний и есть «не что иное, как сбор пагубных лжеумствований». Поэтому ее не только нельзя подносить Государю, но следует вовсе изъять из обращения. Рунич заключил свой разбор фигурой неприкрытого политического доноса. Он восклицал: «Злой дух тьмы носится над вселенной, сияясь мрачными крылами своими заградить от смертных свет истинный, просвещающий и освещающий всякого человека в мире. Счастливым почту себя, если, по слову одного почтенного соотечественника моего, вырву хотя одно перо из черного крыла противника Христова».⁴⁷ «Почтенным соотечественником» Рунич, еще воспринимавшийся в кругах голицынского Министерства лишенным опоры неопитом, почтительно именовал М. Л. Магницкого, прочно зарекомендовавшего себя в роли борца за «духовное очищение» и поощряемого не только А. Н. Голицыным, но, как видно, и самим императором. «Мнение», о котором идет речь, относилось не только к книге Куницына, но к преподаванию естественного права вообще. После заседания Главного правления училищ 10 февраля 1821 г. Магницкий высказался за полную приостановку преподавания естественного права в университетах «доколе рассмотрятся требуемые от них (университетов. — Авт.) тетради оного и составитися наука сия не на правилах разрушительных, но согласных с учением евангельским». По убеждению автора «мнения», «опасность науки естественного права доказана... рассмотрением и осуждением разрушительной системы профессора Куницына и самого лица его». По мнению обскуранта, «достаточно и неоспоримо доказана совершенная ничтожность самой науки естественного права, не говоря уже об явном вреде от произвольного преподавания и мнимых толков, столь удобно входящих в состав учения, с которого времени токмо вымышленного». Предлагалось «запретить безусловно преподавание естественного права, не отлагая далее, ныне же, во всем государстве».⁴⁸ Большинство членов Главного правления училищ, вопреки здравому смыслу, вынуждены были согласиться с этими убийственными доводами. Книгу же Куницына тотчас изъяли из книжных лавок и от частных лиц, успевших ее приобрести. В конечном счете судьба ее и ее автора была решена заключением князя А. Н. Голицына, которое было оглашено членам Главного правления. Голицын общал о том, что он считает необходимым запретить Куницыну преподавание в подведомственных ему учебных заведениях и «не преминет исполнить особым о том предписанием». Таким образом, министр просвещения, уже не в первый раз встал на сторону мракобесия и доносителей. Правда, предложение Магницкого изъять из программы университетов курс естествен-

ного права показалось чрезмерным и поддержки не получило, но, как показали ближайшие события в Петербургском и других университетах, преподавание этой и других юридических и философских дисциплин было взято под бдительный надзор администрации.

История с запрещением книги Куницына и отстранением его от преподавания в Петербургском университете не осталась погребенной в недрах канцелярий Министерства. Она получила огласку. Имя Куницына стало известно за пределами академических кругов. А. И. Тургенев писал П. А. Вяземскому 23 февраля 1821 г.: «Куницына книга о естественном праве, для школ написанная, запрещена, отобрана и признана безбожной и возмутительной. Грозят и самому автору».⁴⁹ Конкретных данных, чтобы судить о том, как возрос спрос на книгу Куницына после ее запрещения, у нас нет. Но вряд ли Тургенев ошибался, предположив, что теперь-то ее и прочтут. Широкой популярности она приобрести не могла: речь ведь идет об «ученом сочинении, доступном сравнительно небольшому кругу читателей». Но что имя пострадавшего профессора стало известно многим — в этом сомневаться не приходится. Едва ли будет ошибкой предположить, что эта известность рождалась не от осуждения автора общественным мнением, а от сочувствия автору.

Помимо приведенных выше пушкинских строк, написанных, кстати, еще в пору жесточайшей опалы Куницына, когда ему было отказано в преподавании во всех заведениях по Министерству просвещения, об общественном сочувствии петербургскому профессору убедительно свидетельствуют некоторые документы позднейшего происхождения. Так, декабрист И. Г. Бурцов показывал после ареста, что он, подобно многим гвардейским офицерам, посещал в Петербурге между 1815 и 1819 гг. лекции по политической экономии, статистике и праву, читавшиеся частным образом профессорами Германом, Куницыным и Галичем.⁵⁰ Другой декабрист — Е. П. Оболенский в показании следственному комитету сообщал, что в 1819 г. он слушал лекции Куницына по политической экономии.⁵¹ По свидетельству И. Г. Бурцова, те многие офицеры, которые вместе с ним посещали лекции Куницына, не могли вспомнить его иначе как добрым словом. Публичные лекции Куницына в разное время слушали также П. И. Колошин, М. М. Нарышкин, А. В. Поджио, который в 1820 г., служа в Преображенском полку, «ездил неоднократно в Академию слушать профессора Куницына».⁵² Обо всем этом декабристы, сами будучи подследственными, писали открыто — настолько авторитет и доброе имя Куницына казались непоколебимыми.

Не успело еще закончиться куницынское дело, как в Университете произошли события, показавшие, что Куницын отнюдь не был одиночкой в пропаганде вольнолюбивых идей.

В январе 1821 г. в университетском Благородном пансионе случилось, как сообщал директор Университета Д. А. Кавелин попечителю С. С. Уварову в письме от 20 января 1821 г., «неприличное происшествие». Поводом к нему было увольнение из числа пансионских преподавателей В. К. Кюхельбекера и замена его учителем И. С. Пенинским.⁵³ Воспитанники 3-го класса пансиона, недовольные этой заменой, 18 января дважды гасили свечи в классной комнате, «производили шум» и совершали другие «непристойности». Пансионеры Л. С. Пушкин (брат А. С. Пушкина) и П. Верховский участвовали в этой истории в качестве зачинщиков. Кавелин сообщал попечителю, что порядок восстановлен, и пансионские воспитанники обещали впредь вести себя примерно. Тон донесения Кавелина был спокойный, и по этому тону невозможно было судить о действительном впечатлении, какое произвела на него разыгравшаяся история.

У администрации пансиона она не возбудила особенной тревоги. Об этом непреложно свидетельствует донесение Д. А. Кавелина министру народного просвещения и духовных дел князю А. Н. Голицыну. Голицын, однако, оказался вовсе не склонен смотреть на дело так же спокойно, как смотрели (или делали вид, что смотрели) его подчиненные. В предписании Уварову он написал, что, с его точки зрения, происшествие 18 января есть проявление «вредного духа» воспитанников пансиона. Он потребовал расследования «точных причин» происшествия и «принятия мер к тому, чтобы впредь подобных случаев не было». Уваров наметил несколько мероприятий по усилению пансионской дисциплины (эти меры были утверждены министром) и сделал наставляющее внушение Кавелину. Последний, однако, не ограничился ролью послушного исполнителя попечительских распоряжений, а представил Уварову — в письме от 24 марта 1821 г. — свои соображения по поводу истории с уволенным Кюхельбекера. Он писал, что одними дисциплинарными мерами ограничиться невозможно, что требуется изменить самый дух пансионского преподавания.

Можно допустить, что Кавелин преувеличил истину о характере воспитательного воздействия Кюхельбекера на пансионеров. Но только преувеличил, а не искажил ее. Вряд ли Кюхельбекер мог сообщать своим ученикам элементы естественного права в ином освещении, по сравнению с тем, какими воспринял их от Куницына. Уроки любимого лицейского профессора

им, как и многими другими лицеистами, не были забыты.⁵⁴

Нет сомнения, что «куницынские мысли» Кюхельбекера находили отклик в пансионской аудитории. Иначе пансионеры спокойнее отнеслись бы к его увольнению. Пансионская молодежь, очевидно, ценила своего «крамольного» преподавателя. Приходится признать проницательность Голицына, усмотревшего в январском событии в пансионе нечто, гораздо более значительное, чем обычная шалость.

Кавелин в своем письме Уварову предлагал для искоренения обнаруженного им зла поручить Университету «составить для пансиона такие курсы философии, естественного права, истории и политической экономии, какие не только не противоречили бы учению откровения, но, не закрывая мраком премудрия, поистине его подтверждали», а всех преподавателей, которые не смогут удовлетворить этому требованию, уволить. Предлагая попечителю и ряд других мер, он ставил условием принятия на себя ответственности за воспитательную работу в пансионе и непременно их реализацию. Уваров не принял этого тона наставничества. В особом письме Голицыну, исполненном нескрываемого возмущения, он оспорил Кавелина, заявив, что не понимает, как можно «основать политическую экономию на откровении». Голицын не поддержал попечителя. Он целиком согласился с Кавелиным. Эта неудача Уварова, по мнению некоторых исследователей, и явилась поводом к его отставке. Попечитель, считавший себя защитником несправедливо преследуемых, чье мнение должно было, по крайней мере, иметь вес в высших инстанциях, в которой раз обнаружил обратное. Другим мотивом, заставившим его подать в отставку, конечно же, были немислимые препятствия, воздвигаемые утверждению созданного им университетского устава.⁵⁵ В начале 1821 г. явственно обнаружилось, что Уваров с его либерально-просветительскими установками попросту негоден властям. Через несколько недель, 26 августа 1821 г. «исправляющим должность» петербургского попечителя назначается Д. П. Рунич, который, судя по всему, всеми своими действиями последовательно готовил такой исход событий.

Рунич с энтузиазмом воспринял задачу «уяснения» того, как поставлено преподавание — не только в пансионе, но и собственно в Университете. Он приступил к делу, намереваясь всеми средствами изобличить «упущения» своего предшественника и доказать, что дух преподавания и сама его программа представляют не больше, не меньше, как крамолу, грозящую потрясением государственных основ.

Таковы были особые обстоятельства, при которых возникло

уникальное в своем роде «дело университетских профессоров», как лакмусовая бумага обнаруживающее природу, цели и методы правительственной реакции, намеренный и часто вымышленный характер действий реакционеров, служивших, якобы, делу духовного очищения общества и постановке просвещения на прочные основания религии и «добродетели».

Несмотря на многократное обращение к этому эпизоду отечественных исследователей, опубликование многих важнейших документов, раскрывающих механизм спланированных репрессий и поведение всех участников этого процесса, воссоздание фактических обстоятельств «дела профессоров», его предыстории и последствий еще ждет своего вдумчивого летописца. Не осмыслена эта история и с точки зрения эволюции политических настроений в обществе и правительственных кругах. Мракобесие Рунича современникам казалось столь чудовищным, а приемы и методы следствия над «злонамеренными профессорами» столь унижительными и жестокими одновременно, так напоминали образ действия щедринских держиморд из «Истории города Глухова», что общество находилось в растерянности. То же состояние, вероятно, переживали и заложники «инквизиции» — профессора Университета, оказавшиеся статистами в театре абсурда. Недостаточно дифференцированно, между тем, отнеслись и историки к участникам и жертвам этой драмы, остались за пределами внимания поступки и высказывания многих из тех, кого уже современники считали цветом университетской профессуры. Наша задача — хоть в чем-то устранить этот пробел в ходе изложения одного из самых мрачных сюжетов истории Университета в городе на Неве.

Едва приступив к исполнению должности попечителя, Рунич собственным предписанием от 29 августа 1821 г. потребовал от Конференции Университета предоставления ему подробнейших сведений обо всех сторонах университетской жизни: о «вредного духа», об учебных пособиях, о распорядке студенческой жизни и о хозяйстве Университета. В кругу сведений, особо интересовавших Рунича, специальное место занимали «тетради, по коим гг. профессора читают свои лекции». Конференция Университета, однако, поспешила исполнить предписание Рунича только в отношении одного пункта, да и то в защитительной по отношению к профессуре форме. Рунич получил не профессорские «тетради», а выписки из студенческих записей лекций профессором, оказавшихся под следствием. (Из дальнейшей переписки попечителя с Университетом выяснилось, что К. Ф. Герман и К. И. Арсеньев лекций в письменном

виде не имели, Э. Раупах же и А. И. Галич представили имевшиеся у них записи.) Ответы на все другие вопросы Рунича Конференция Университета представила значительно позднее. Отобранные от студентов записи лекций К. Ф. Германа, Э. Раупаха, А. И. Галича, К. И. Арсеньева были препровождены Руничем в Главное правление училищ и министру. Министр потребовал устроить совместное заседание правления Университета и Конференции и на нем вручить названным профессорам «вопросные пункты».⁵⁶ Это заседание и было организовано и вылилось в трехдневное судилище над профессорами 3, 4 и 7 ноября 1821 г.

Несмотря на то, что главные «крамольники» — Герман, Галич, Раупах и Арсеньев после «отобрания» компрометирующих лекционных записей лекции читать перестали, Руничу этого показалось мало. Он настоял на том, чтобы подобные материалы были собраны о других профессорах — П. Д. Лодие, М. А. Балугьянском и М. Г. Плисове. Лекции последних пристально изучались по ста (!) тетрадам, изъятым у студентов. Дополнительное «изучение» материалов убедило Руничу в том, что в Университете существует чуть ли не организованный подрывной центр, распространяющий «вредное направление». На коллективном судилище профессора должны были дать ответ на тщательно отработанные инквизитором и по существу провокационные вопросы.

Беспристрастный историк на основании отобранных Руничем студенческих и авторских записей мог бы сделать вывод как раз о том, что ничего предосудительного, даже с точки зрения голицынского Министерства, на своих лекциях профессора не говорили. «Страх и негодование», мастерски разыгранные Руничем при комментировании этих материалов на «судилище», а затем во всех официальных документах, излагавших суть «дела профессоров», были точно рассчитанным приемом. Собственно «состава преступления» в «деле профессоров» и не было. Следуя логике Руничу о «зараженности» Университета вредным направлением, можно отождествить последнее только с просветительскими принципами вообще. А это именно то направление, которое закладывалось Ломоносовым в Академическом университете XVIII в., было продолжено при Е. Р. Дашковой и С. С. Уварове, развито Куницыным.

Записи университетских лекций убеждают в том, что коллеги Куницына, несмотря на индивидуальные различия, не столь последовательную приверженность принципам либерализма, различный теоретический уровень преподавания, были людьми схожих общественных воззрений. Галич, Раупах, Арсеньев, Герман вместе с другими, правда, не столь одиозными в глазах

начальства фигурами в среде петербургской профессуры, держали почти целиком в своих руках преподавание гуманитарных наук, сообщая ему явно либеральный характер.

Герман, преподавая статистику, по существующей традиции излагал и свои взгляды на государство. Он отнюдь не был сторонником принципов естественного права. С его точки зрения, в основе происхождения государства лежит не договор, а насилие. Образованию государств предшествуют мятежи и революции, подобно тому, как перед образованием современной земной коры происходили геологические катастрофы. Люди, в целях достижения безопасности, организуют общества. Это есть первый акт общественной воли, вторым является организация верховной власти. Акты общественной воли реализуются не в результате договора, а в силу присущей каждому и очевидной для каждого потребности. Пределы верховной власти ограничены целью общества — достижением безопасности. Злоупотребление верховной властью со стороны правительства приводит к деспотизму. Деспотизм, следовательно, есть не особая форма правления, как думают некоторые, а «болезнь от злоупотребления верховной властью». Когда эта болезнь достигает высшей степени, происходит революция, «это дело возможное». Впрочем, и революцию Герман называет политической болезнью. Но не сочувствуя революциям, он признает их неизбежность при определенных обстоятельствах. Герман полагал, что «коренные законы», представление о неизменности которых совершенно ошибочно, могут вооружать против себя общественное мнение — этого «царя царей», как называет его Герман. Тогда оно рано или поздно уничтожит их, что было бы большим несчастьем из-за незрелости общества.

Законодательство о крестьянах, по мысли Германа, требует серьезных изменений. Крестьянское производство («феодалная система», по Герману) является основной причиной тяжелого положения крестьян. Казенные крестьянские повинности должны быть облегчены, а также, как полагает Герман, улучшено денежное обращение и система взимания налогов.⁵⁷

Разумеется, лекции по статистике, читаемые студентам, нельзя отождествлять с политической программой. Однако при желании обратить названные мысли против автора, это можно было сделать, только изобразив его подстрекателем и развратителем умов, и тогда все, что говорилось профессором в аудитории, подходило под определение «крамолы». В принципе любая дисциплина, выводящая на текущую политику, любой предмет, лишь отдаленно затрагивающий состояние власти и государственных формы, казался теперь опасным, двусмысленным,

а потому нетерпимым. Распространение суждений, подобных тем, что излагались в курсе статистики, излагались к тому же человеком с острым взором и ясным умом и потому имели широкий отклик, не могло в новых условиях соответствовать интересам правительства. Герману предстояло дать объяснение по поводу своих лекций, в которых, как говорилось в «вопросных пунктах», содержалось «порицание христианства, оскорбление достоинства церкви, существующего в России правления и вообще верховной власти».

На заседании правления и Конференции Университета 3 ноября 1821 г. Герман заявил, что не имел «ни малейшего намерения говорить против религии или против правительства», что его мнения, объясненные так, как он их понимает, не вредны; но он заметил из читанных ему выписок, что в них есть места, противные его взглядам. Для своего оправдания он просил представить ему копии выписок, давших повод к обвинению, чтобы рассмотреть их совместно с людьми, «кои в политических науках искусны».

Пока Герман писал ответы на «вопросные пункты», университетская коллегия допрашивала Раупаха. Материалом для обвинения его в крамоле также послужили компиляции из студенческих тетрадей. Читал же Раупах курс всеобщей истории. В своих лекциях, как можно судить из этих записей, он утверждал, что Священное писание бесполезно для изучения истории человечества, вопрос же о месте и времени начала человеческого рода столь темен, что его разрешить невозможно. Во время борьбы христианства с язычеством представители обеих религий, стремясь отстоять свою правоту, не останавливались даже перед подлогами и в результате искажали историческую истину. Опыт и религия, как замечалось далее в этих выписках, находятся в постоянном противоречии друг с другом. Однако по мере просвещения разума потребность в религии исчезает. Раупах рассматривал древнее гражданское законодательство как произведение человеческого разума, а вовсе не как божественный закон. В пользу мнения, будто верховная власть установлена Богом, как говорилось им, нельзя привести никакого исторического доказательства.⁵⁸

Приведенные места из лекций Раупаха служили в глазах его обвинителей доказательством материалистических и атеистических взглядов, а также проповедуемых им «возмутительных начал». Раупах повел себя на университетском суде весьма независимо. Он отказался дать ответы на «вопросные пункты», прежде чем ему не будут предоставлены копии выписок из его лекций, сами лекции и тетради его слушателей. Это требова-

ние, как сказано в протоколе, сопровождалось «дерзостью и неуважением к собранию». Действительно, само требование подтвердить состав обвинения документально — соответствующими записями из его лекций, означало недоверие следствию, то, что Раупах считал обвинителей способными на подлог.

После того как судьи отказались удовлетворить законные требования Раупаха, он все же вынужден был представить «последних долгих настояний», как отмечено в протоколе, «коротенькую записку». Эта «записка» содержала лишь отрицание всех предъявленных обвинений, а заканчивалась выражением уверенности в том, что он, Раупах, сможет доказать свою правоту, если условия его (т. е. требование обоснованности и документальной точности обвинений) будут выполнены.

Продолжавшееся беспрерывно 11 часов заседание 3 ноября обнаружило, что далеко не все члены университетской коллегии готовы были послушно следовать за Руничем и потакавшим ему во всем директором Университета Д. А. Кавелиным и вместе с ними признать безусловную виновность Германа и Раупаха. Поведение же Рунича на этом и последующих заседаниях производило отталкивающее впечатление. Рунич по сути грубо запугивал как обвиняемых, так и тех, кто должен был произнести над ними приговор, сопровождая угрозы и проклятия всяческими «кривляниями». Многочасовая психологическая пытка довела членов коллегии до «исступления». Один из них, профессор М. Ф. Соловьев, после заседания вместо того, чтобы идти домой, на Васильевский остров, пошел в Коломну, и оттуда был приведен домой случайными прохожими. Но террористические приемы председателя собрания не всех его участников заставили потерять, как выразился профессор М. Г. Плисов в своей записке, «честь и совесть». ⁵⁹ Профессора Ф. Шармуа, В. К. Витневский, И. Деманж, Ф. Грефе настаивали на том, чтобы дать обвиняемым возможность дома ответить на «вопросные пункты». Адъюнкты Т. О. Рогов, Н. Ф. Шеглов, Д. П. Попов и профессор М. Ф. Соловьев считали необходимым отнестись к Герману с возможной мягкостью. Деманж, Шармуа и Витневский выражали, как и Раупах, сомнения в подлинности выписок, собранных Руничем. Профессор Грефе и адъюнкт К. Ф. Радлоф воздержались от суждения по вопросу о виновности Германа и Раупаха, настаивая на предоставлении им тех способов защиты, которых обвиняемые требовали. Шармуа заявил, что он не считает возможным отвечать на вопрос о благонадежности Германа и Раупаха, так как этот вопрос исходит от министра. Между Руничем и Шармуа на этой почве разыгрался крупный конфликт, в результате которого Шармуа,

как и поддержавший его Деманж, подали прошения об увольнении из Университета, и в начале 1822 г. были уволены.⁶⁰ Так Петербургский университет лишился замечательных ученых-востоковедов, специально приглашенных С. С. Уваровым из Франции для создания в столичном Университете центра российской ориенталистики.⁶¹

В заседании 4 ноября разбирались дела Галича и Арсеньева. Галич, последователь Ф. В. Шеллинга, был автором оригинального курса «История философских систем» (кн. 1 и 2. СПб., 1818–1819), и даже если в силу некоторых обстоятельств не сумел создать собственной философской школы и остался в итоге на уровне популяризатора и интерпретатора Шеллинга, то в то время «на него смотрели уже как на философа».⁶²

Рунич допытывался у профессора, как он может объяснить свое открытое следование Шеллингу, философия которого «противна божественному откровению», Галич должен был также ответить, на каком основании он излагает студентам начала индийской философии, антирелигиозной по своему существу. Наконец, Галичу предложено было объяснить, на каком основании книги Ветхого и Нового заветов он рассматривает как философское учение, а не как божественное откровение. В качестве мотивировки этих вопросов-обвинений на заседании были прочитаны отрывки из книги Галича. Перечитывая эти фрагменты, вполне соглашаешься с мнением М. Г. Плисова, высказанным в его «Исторической записке...». «Все сии доказательства, — пишет он, — за исключением разве тех мест, кои не для всякого понятны, могли бы приличнее служить доказательством той истины, что нет в свете ничего столь невинного, что бы не могло быть обращено в вину или в преступление, как по делу значилось».⁶³

Книга Галичана не могла заслужить упрека в вольнодумстве. Напротив, автор ее стоит на самых лояльных политических и идеологических позициях. Единственный упрек, который могли бы бросить ему обвинители, связан с возвеличением Шеллинга. Однако в шеллингианстве Галича не было ничего атеистического, скорее, наоборот, ибо «ключ к шеллинговой системе» — допущение внеположенного человеку и природе *духа*.⁶⁴ Тем не менее Галич не стал защищаться от возведенных на него обвинений. Вместо требуемых ответов на «вопросные пункты» он написал: «Сознавая невозможность отвергнуть или опровергнуть предложенные мне вопросные пункты, прошу не помянуть грехов юности и неведения». Эти строки вызвали слезы умиления у Рунича и его приспешников, как будто именно покаяния, а не оправдания добивались обвинители от своих по-

допечных. Рунич обещал ходатайствовать пред министром о полном прощении Галича. Мотивы поведения последнего, в свою очередь, раскрывает уже упоминавшаяся «Историческая записка...» М. Г. Плисова, где прямо сказано, что в отношении Галича Кавелиным были использованы не только увещания, но и прямые угрозы, что в случае отрицания обвинений он, Галич, будет объявлен сумасшедшим.⁶⁵

Последним из четырех обвиняемых перед университетской коллегией предстал Арсеньев. Ему инкриминировались студенческие записи его лекций и книга «Начертание статистики Российского государства», по которой он, по собственному признанию, преподавал. В разборе дела Арсеньева поражает то, что обвинение его в атеизме и антиправительственной пропаганде было основано на сравнительно невинных студенческих записях, а вовсе не на высказываниях из его книги. В книге можно было бы без труда найти и более одиозные места, нежели те, о которых говорилось в «вопросных пунктах». Остается загадкой, как прошли судьи мимо такого материала, который мог бы послужить им основанием для куда более серьезных обвинений. Уже после того, как «дело профессоров» Петербургского университета было закрыто, М. Л. Магницкий, состоявший членом Главного правления училищ, взял на себя труд произвести ряд выписок из книги Арсеньева и снабдить их своими примечаниями. Цель этой работы Магницкого остается неизвестной. Можно предположить, судя по его заключительному примечанию, что он собирался возбудить еще одно дело против Арсеньева, к тому времени покинувшего Университет и преподававшего в военно-учебных заведениях.

При внимательном чтении книга Арсеньева действительно представляет собой значительное явление в истории общественной мысли рассматриваемого времени. Быть может, самым замечательным в ней является большое количество антикрепостнических высказываний. Крепостное право («крепостность» — на языке Арсеньева) признано им серьезным препятствием для земледелия. Доказывается, что земля, возделываемая свободными крестьянами, производит больше, чем земля, на которой трудятся крепостные. Автор считает общепризнанной истиной, что для поднятия производительности труда нет лучшего средства, чем «неограниченная ничем гражданская личная свобода».⁶⁶ Крестьяне же с древних времен до XVII в. были свободны («Опасное объявление в печатной книге», — заметит по этому поводу Магницкий), но законодательство Ивана Грозного и Бориса Годунова их закрепостило (II, 87). Положение крестьян с этих пор, развивает далее свою мысль автор «На-

чертания статистики...», делает их похожими на рабов, что отмечают некоторые иностранцы. Не раз возвращается автор к мысли о невыгодности крепостного труда, о бедности крестьян, бесчеловечности и корыстолюбии приказчиков, в особенности невыносимых в имениях мелкопоместных дворян (II, 93-99). («Какая статья возбуждать народный ропот подобными рассуждениями в учебной книге?» — заметит на это Магницкий.) Арсеньев настойчиво обращает внимание на нетерпимость положения крепостных, того, что это создает препятствия для физического и нравственного развития людей, которых «простой случай поставил на низшую ступень в обществе, нежели других» (II, 209). Автор уверен в том, что закон о вольных хлебопашцах — «предшественник будущей всеобщей самостоятельности крестьян» (II, 75).

Нет сомнений в том, что подобные высказывания, допущенные в подцензурном издании, могли фигурировать в лекциях Арсеньева. Подтверждением этому служит свидетельство В. В. Григорьева, слушателя этих лекций, хорошо запомнившего мысли Арсеньева о крепостном праве. «За Арсеньевым, — писал В. В. Григорьев, — есть заслуга перед Россией и человечеством, какая редко может выпасть на долю смертного: разумею то влияние на дело упразднения крепостного права, которое имел он через учеников своих, возвращая в душах их мысль о его осуществлении».⁶⁷

Затронув крестьянский вопрос, Арсеньев вынужден был коснуться положения других классов и сословий феодальной России, должен был порицать весь социальный строй государства. Не случайно он делит всех жителей России на два «класса» — «производительный и непроизводительный». К первому он относит тех, кто непосредственно способствует развитию народного богатства, т. е. крестьян, ремесленников и купцов. «Ко второму классу, — писал Арсеньев, — принадлежат все граждане, живущие на счет первого класса, каковы: духовенство, дворянство, чины гражданские и военные, войско сухопутное и морское, служители и прочие» (I, 63). Всякий читатель книги должен был сделать тот вывод, какой родился у Магницкого: «Классом непроизводящим, трутнями, пожирающими произведения общего труда, называет автор дворянство, духовенство и, под именем разночинцев и служащих всякого рода, все лица правительства». Говоря о численном соотношении двух классов в России, и Арсеньев утверждает, что «девять производителей содержат одного потребителя». Магницкий довел эту мысль до конца, заметив: «Автор хочет сказать, что одного праздного кормят девять работников».⁶⁸

Говоря о политическом строе, Арсеньев роняет такое замечание: «Только правления деспотические не имеют коренных законов, на которых утверждается целостность всякого благоустроенного государства» (II, С. 1). Не только Магницкий, но любой читатель книги способен был заключить на основании этого утверждения, что Россия и есть «деспотическое правление».

Если к сказанному прибавить, что Арсеньев в своей книге протестовал против рекрутских наборов, отрывающих людей от производительного труда, в результате чего девять десятых обитаемой и плодородной земли остаются невозделанными (I, 102-103); что он указывал на обременительность для народа содержания большой армии, поглощающей значительную часть государственных доходов (II, 220); что он ратовал за просвещение народа, необходимое не только для поднятия его нравственности, но и для развития производительных сил страны, ибо, по его выражению, скудные плоды дает земля, обрабатываемая людьми, «почти столь же бессмысленными, как и животные, влачащие плуг» (I, 207-208), — то фигура весьма либерального профессора будет дорисована до конца. Политический либерализм Арсеньева имеет тем большее значение, что, как сейчас увидим, его взгляды не только находили отклик в студенческой среде, но разделялись в какой-то мере или хотя бы не встречали безусловного осуждения у некоторых из его коллег.

«Вопросные пункты», предложенные Арсеньеву, требовали от него объяснения по поводу его «вредных мнений о религии и правительстве, а также по поводу его книги, которая заключает в себе непозволительные осуждения и опорочения отечественного правительства». Арсеньев дал пространные ответы на вопросы, в которых заверял своих судей в полной лояльности. Ответы были написаны в высоко почтительном тоне. Однако Рунич нашел их не соответствующими поставленным вопросам и предложил коллегии рассмотреть дело Арсеньева по трем отдельным пунктам: удовлетворительны ли его ответы; вредна ли его книга; можно ли ему продолжать преподавание. Голосование по этим «пунктам» вскрыло, что Рунич и Кавелин не встретили среди членов коллегии полной и единодушной поддержки. Некоторые из них не только настаивали на снисхождении по отношению к Арсеньеву, но осмелились даже поставить под сомнение вопрос о его виновности. При сравнении отношения коллегии к Герману и Раупаху, с одной стороны, и к Арсеньеву — с другой, явно заметно более благоприятное отношение к последнему, чем к первым двум. Думается, дело не только в том, что русские по происхождению члены коллегии

более сочувствовали русскому Арсеньеву, нежели иностранцам на русской службе Герману и Раупаху, сколько в очевидном авторитете Арсеньева в ученой среде, против которого были бессильны даже происки реакции.

Во всяком случае выраженное коллегами сочувствие Арсеньеву не наказывалось так жестоко, как сочувствие другим обвиняемым, и те члены университетской коллегии, которые пытались сохранить собственное лицо и остатки независимости, это тонко почувствовали.

Д. С. Чижов, М. А. Балугьянский и И. Ф. Деманж не признали ответы Арсеньева неудовлетворительными, как того явно хотел Рунич, подчинивший своим натиском большинство коллегии, а назвали лишь «недостаточными». Я. В. Толмачев, Д. С. Чижов, И. Деманж и А. А. Дегуров заявили, что книга Арсеньева «не вредна» (именно в такой формулировке был предложен второй пункт), а лишь «не может быть употребляема». При голосовании третьего пункта — можно ли Арсеньеву продолжить преподавание — никто, включая и самого Рунича с Кавелиным, не ответил на этот вопрос категорически отрицательно. Некоторые члены коллегии находили, что Арсеньев заслуживает снисхождения в силу его выдающихся способностей, большинство же приписывало его заблуждения влиянию Германа, учеником которого он был, и даже «духу времени», которым он «непрерывно мог заразиться». В числе этих последних были Д. П. Попов, Я. В. Толмачев, А. А. Дегуров, Е. Ф. Зябловский, П. Д. Лодий и др. Д. С. Чижов нашел в себе смелость заявить, что считает Арсеньева «благонадежным».⁶⁹ Это, несомненно, была борьба за «легитимизацию духа преобразований» и, пусть робкая, попытка университетской профессуры подчеркнуть свою лояльность апелляцией собственно к правительственному либерализму, тем установкам, что не так давно вызвали к жизни и поток либеральной политической литературы, и учреждение университетов на началах свободного преподавания и достаточно широкой автономии.

Рунич, очевидно, почувствовал, что безраздельному наступлению на понятия и принципы, утверждавшиеся в предшествующее десятилетие, все же должен быть предел, и признал возможным Арсеньеву продолжать заниматься преподаванием, правда, с целым рядом ограничений.

Как уже говорилось, Рунич в своем представлении министру о неблагонадежных профессорах, кроме тех четверых, о которых шла речь до сих пор, назвал еще и П. Д. Лодия, М. А. Балугьянского и М. Г. Плисова. О том, как вели преподавание первые два, сведений не сохранилось. Что Балугьянский мог быть

зачислен Руничем в число неблагонадежных, дает основание думать его поведение на заседании университетской коллегии. В отчете Рунича Главному правлению училищ о разборе дела университетских профессоров читаем: «Балугъянский сказал, что собрание Университета превращается в инквизицию». Не только эта обличительная реплика, но все поведение Балугъянского вызывало, по словам Плисова, многие «неприличные прицепки и придирки к нему Рунича».⁷⁰ Явно отрицательное отношение Балугъянского к предприятию Рунича, подтверждаемое свидетельствами Уварова, Арсеньева и Н. И. Греча, заставляет думать, что Рунич был не совсем неправ, когда поставил Балугъянского в один ряд с Германом, Раупахом, Галичем и Арсеньевым. Что касается Плисова, то о его общественных и научных взглядах можно составить представление хотя бы на основании того факта, что через короткое время он разделил судьбу тех четверых университетских профессоров, на которых первоначально обрушились обвинения в неблагонадежности.

В донесении Голицыну 9 декабря 1821 г. Рунич писал, что рассмотрение книги Куницына и дело четырех профессоров Университета послужили для него неоспоримым доказательством неблагополучия в преподавании политических, исторических и философских наук. Уверившись в этом, он не мог не обратить внимания и на положение с преподаванием естественного права в Гимназии. К обследованию преподавания этого предмета в Гимназии побуждало его и то, что оно находилось в руках Плисова, «неоднократно замеченного в неблагонамеренных проявлениях». Обследование в Гимназии началось с того, что Рунич счел необходимым присутствовать на гимназическом испытании по естественному праву, происходившем 7 декабря 1821 г. Вместе с ним на испытаниях присутствовали Д. А. Кавелин, Е. Ф. Зябловский, исполнявший обязанности ректора, и другие официальные лица, представлявшие администрацию Университета. Как доносил «по начальству» Рунич, Плисов, видя что ответы учеников обнаруживают дух, в каком он преподавал естественное право, «выходил из всех пределов благопристойности, направлял ответы учеников, делал (Руничу. — Авт.) дерзкие возражения и замечания». Результаты испытания оправдали самые худшие предположения Рунича, и он предложил правлению Университета уволить Плисова от преподавания в Гимназии, а также отчислить его от должности помощника инспектора Университета. Только после того как в Университете прошли годовые испытания по римскому праву и политической экономии, продолжавшиеся с 8 января по 9 февраля, которых некому было производить кроме

Плисова, Рунич в представлении министру 4 марта 1822 г. предложил освободить Плисова от занимаемых им в Университете должности преподавателя римского права и политической экономии и должности библиотекаря. Голицын согласился на такую расправу, и Плисов был уволен.⁷¹ Официальная переписка Рунича с Голицыным не дает возможности судить о том, в какой мере испытание, происходившее в Гимназии, обнаружило в ответах учеников Плисова тот же «крамольный дух», который был усмотрен Руничем в студенческих тетрадях с записями лекций Германа, Раупаха, Галича и Арсеньева. Но Плисов составил подробный отчет об испытании, на основании которого можно судить о том, в какой мере оправдались предположения Рунича о «неблагонадежности» Плисова. На испытании Рунич обратил особое внимание на то, что в ответах учеников и в репликах преподавателя слишком часто фигурировали такие понятия, как ум, разум, разумение, сила мышления и т. п. Вызвали сомнения Рунича и те ответы, в которых говорилось, что общие понятия о праве или естественные законы заключаются в самой природе человека. Особенное внимание его привлекли рассуждения одного из учеников, доказывавшего, что естественные законы (естественное право) постоянны и неизменны, так как они основаны на началах разума, тогда как положительные законы (государственное право) изменяются во времени и пространстве.⁷²

Таков скудный материал записки Плисова в отношении существа ответов учеников, на основании которого можно было бы судить о направлении педагогической деятельности ее автора. Остальное в его записке наполнено описанием поведения Рунича, обнаружившего свойственные ему мелочность, грубость и лживость. Но даже те короткие ответы учеников, которые оказались записанными Плисовым, позволяют судить о том, что его преподавание было проникнуто идейным содержанием, близким тому, какое господствовало в лекциях Куницына. И если Рунич в Куницыне увидел разрушителя религии и бунтовщика, он не мог не сделать аналогичного заключения по отношению к Плисову.

Суд над четырьмя профессорами Петербургского университета получил огласку. Когда Рунич затевал это дело, он настаивал перед Голицыным как раз на том, чтобы делу была дана «возможная гласность». В своем донесении министру от 6 октября 1821 г. он рассуждал о том, что благодаря гласности удастся «притупить оружие неверия» в руках врагов религии. Странно, что Рунич был уверен, что осуждение профессоров вызовет сочувственный отклик в обществе и общество присо-

единится к приговору университетского суда. Если Рунич не ошибся в том, что приговор университетского суда окажется обвинительным, как и в том, что он будет утвержден в высших инстанциях (организатор «судилища» имел достаточно времени изучить настроения в министерской канцелярии и в Главном правлении училищ), то состояние российского общества и мера его независимости Рунич оценил совершенно неверно. Ни о каком покорном и всеобщем «единогласном» общественном осуждении «университетской крамолы» не могло быть и речи. Все, что было здорового, мыслящего в петербургском и провинциальном обществе, оказалось возмущено как раз действиями «инквизиторов». Гонимые профессора встретили только сочувствие. Отголоски этого дела вплоть до начала следующего царствования будоражили умы, общественное мнение заявило о себе в совершенно противоположном правительственным ожиданиям духе. Возможно, это сыграло не последнюю роль в том, что дальнейшие преследования инакомыслия, ожидавшиеся после 1821 г., были существенно умерены. Весь эффект, на который рассчитывал Рунич, пропал, а благодаря гласности общественное возмущение обратилось на самого автора этой трагикомедии, разыгранной в стенах Петербургского университета в ноябрьские дни 1821 г.

В числе первых и наиболее горячих защитников Университета оказался его бывший попечитель С. С. Уваров. Он воспринял публичное поругание Университета и его защиту как свое личное дело. Нет сомнений, с другой стороны, что именно отставка Уварова ускорила наступление реакции на дело просвещения в столице. Уварова можно упрекнуть в том, что личные обиды и амбиции помешали ему понять, что его попечительство во всяком случае могло смягчить неизбежное наступление реакции и почти наверняка воспрепятствовало бы публичному судилищу над целым «ученым сословием». Тогда же, когда «судилище» было развернуто, Уваров избрал последовательную и чрезвычайно смелую форму протеста. Он составляет личное письмо императору Александру I, где обстоятельно и не стесняясь в выражениях излагает суть дела, мотивы и стремления тех, кто вызвался быть могильщиками просвещения — Магницкого, Рунича и их присных. Это письмо А. Н. Пыпин называл «самым сильным протестом против политики тогдашнего министерства»⁷⁹ (значит, против официально санкционированного поворота и реакции в деле просвещения в целом). Это был не просто голос «честного человека», но акция общественного значения, которая могла стоить Уварову не только карьеры. 18 ноября 1821 г., за неделю до заключительного заседания Глав-

ного правления училищ по «делу профессоров» Уваров составляет пространное письмо, написанное на французском языке и адресованное императору.⁷⁴ Язык документа сообщал ему вид частного обращения и допускал предельную свободу мыслей и формулировок. Александр вообще склонен был ценить подобную независимость. На это, очевидно, Уваров и надеялся.

Приходится, однако, удивляться той смелости и одновременно точности характеристик, с которой Уваров рисовал портрет «партии реакции», которую он, как утверждается здесь, еще в должности попечителя преследовал «как сеятелей беспорядков и тайных врагов общественного спокойствия». Когда же теперь эти беспринципные карьеристы «украшаются титулом защитников трона и алтаря», наступает «такое чудовищное и странное извращение идей и личностей», что автор письма решается открыть глаза самодержцу на истинное положение вещей. Первый аргумент Уварова состоит в указании на отсутствие состава преступления в этом мнимом заговоре, который раздут благодаря предвзятости и скандальным формам следствия. «Среди XIX столетия, на 20-м году царствования Вашего Императорского величества, в 30 шагах от Вашей царской резиденции, осмелились произвести страшный террор... угрожать разжалованием в солдаты мирных студентов, которых не удалось возмутить, угрожать им тюрьмою и Сибирью, вынуждать от них кощунственные присяги...» — так характеризует Уваров методы разгрома Университета. «Все эти скандалы, — продолжает он, — были превзойдены процедурою университетских конференций, во время которых все было поправлено до поругания человеческого достоинства».⁷⁵

Второй аргумент Уварова касается личностей, целей и методов самих организаторов «мнимого» процесса, которые на самом деле не более как ханжи и мракобесы, желающие любой ценой снискать известность. Уваров настаивал на том, чтобы профессорам Университета была предоставлена возможность защитить себя, что должно было разрушить, без сомнения, самые чудовищные обвинения. Условием пересмотра «дела» Уваров называет прежде всего добрую волю Государя.

В заключение письма Уваров формулирует в качестве условия повторного беспристрастного разбора дела получение актов и протоколов заседаний университетского совета «не в экстрактах и копиях, а в оригиналах». Кроме того, Уваров настаивает на личной аудиенции для объяснения подробностей дела, а также на необходимости составить для решения судьбы профессоров особый комитет из компетентных и независимых лиц.⁷⁶

Этот последний совет был в конечном счете услышан. Для

подробного рассмотрения «дела профессоров» была составлена комиссия, которая, однако, в течение пяти лет (1822–1827 гг.) не внесла существенного вклада в прояснение подлинной «вины» или в определение невиновности профессоров. То и другое одинаково изобличало бы провокационный и незаконный характер действий Министерства и его ставленника Рунича.

Письмо Уварова не произвело должного эффекта, однако навлекло на его автора гнев Александра I. К чести Уварова, он не пытался оправдаться, высказав только «сожаление» о выражениях первого письма, «вырвавшихся по избытку сердца». Основные же аргументы против своих врагов и в защиту Университета он, как сказано во втором письме от 20 ноября, был готов «подтвердить еще раз как перед всеведущим богом».⁷⁷

По словам Уварова, многие «доброжелатели» предчувствовали бесполезность его запоздалых призывов в защиту просвещения и осторожно советовали в это дело «без нужды не входить». Эти советы означают, что современники, искренне сочувствуя поруганному просвещению и осуждая ханжество и инквизицию Рунича и Магницкого, слишком прямо связывали эти акции с «видами правительства» и были правы.

Это однако не могло повлиять на единодушное, хотя и не проявленное столь открыто сочувствие гонимому «ученому словию». Мы уже отмечали, что первый протест исходил из среды самих профессоров. Арсеньев в своих воспоминаниях свидетельствует, что в числе протестовавших против заключений Рунича о его виновности были Балугъянский, Плисов, Шармуа и Деманж,⁷⁸ каждый из которых (исключая Балугъянского) пострадал и лишился места в Университете. Еще в ходе ноябрьского 1821 г. разбирательства дела М. Г Плисов составил подробную и объективную записку с изложением происходившего. На нее, кстати, указывал Уваров, как на документальное свидетельство, противопоставленное домыслам обвинителей и их собственным отчетам. Н. И. Греч в своих воспоминаниях свидетельствует, что записка Плисова «разошлась по рукам».⁷⁹ Мемуарист, очевидно, был одним из внимательных читателей «записки» и объективно пересказал эпизод с «делом профессоров» на склоне лет, когда его ни в коем случае уже нельзя было заподозрить в либерализме.⁸⁰

Те из официальных чиновников, которые не потеряли способности адекватно мыслить, были обеспокоены широкой оглаской этой заведомо непопулярной правительственной акции. Князь А. Б. Куракин подал особое «мнение» в комитет министров, где должно было рассматриваться «дело профессоров». Он писал, что во всяком случае надлежало действовать без широкой

огласки, чем «отвращены были бы все толки и разного рода от профессоров на начальство свое жалобы, разглашенные не только в здешней публике, но и во всей России, и, вероятно, корреспонденциею переданные и в другие государства». ⁸¹ Эти опасения были верны.

Острее всего восприняли «дело профессоров» как поругание дела свободы и просвещения и как факт, свидетельствующий об отходе правительства от либерального курса, столичные и московские «либералисты». Так, Н. И. Тургенев уже 24 сентября 1821 г. записывает в дневнике по поводу известия о запрещении четырем профессорам Университета, а именно Герману, Арсеньеву, Галичу и Раупаху, читать лекции, «которые куратор (Рунич. — Авт.) называет обдуманною системою неверия. Что делают сии злые невежды из религии христианской? Хотят ли они довести свои принципы до крайних выводов из них? Тогда они ужаснулись бы, как сия религия несогласна с гражданским порядком». 10 ноября того же года Н. И. Тургенев высказывается со всей определенностью: «Суд над профессорами ужасен не по лицам, которые его производят, но по духу, который он свидетельствует. Что с этим будет? Мне даже думать об этом несносно. Будет ли это описано когда-нибудь?». ⁸² Н. И. Тургенев называл Магницкого «нравственным Шварцем», имея в виду параллели между Семеновской историей 1820 г., в которой был повинен этот аракчеевский ставленник, и историей «университетской». ⁸³

Н. М. Карамзин, который еще в момент возвышения Голицына с откровенной целью, «чтобы мирское прсвещение сделать христианским», опасался «умножения лицемеров», ⁸³ мыслил сходно с «арзамасцами» Тургеневым и Уваровым. Лицемерие и реакция восторжествовали, хотя историограф продолжал надеяться на добрые намерения Александра. Другой «арзамасец», А. Ф. Воейков назвал содействовавшего Руничу Д. А. Кавелина «Иудой Искаротом» (поскольку сам Кавелин состоял в «Арзамасе» и считался «своим»). Александр Тургенев еще 30 марта 1821 г. после первых заседаний Главного правления училищ, где заслушивались разоблачения книги Куницына, написал П. А. Вяземскому о Кавелине, «Пальясе Пальяса Магницкого», что тот «кидает своею грязью в убитого Куницына, обвиняет его в своей вине, то есть в том, что взбунтовались ученики его пансиона, и утверждает, что политическую экономию должно основать на Евангелии. Я предложу выключить его формально из «Арзамаса»», — заключает корреспондент. ⁸⁵

Общественное сочувствие вместе с тем выражалось достаточно откровенно, чтобы сами «опальные» профессора могли

его почувствовать. «К счастью для нас, подсудимых, и для наших защитников, — писал Арсеньев, — общественное мнение, чуть ли тогда не в первый раз проявившееся, было сильно возбуждено против Рунича и Магницкого... Их обоих с сателлитами огласили везде обскурантами, гасильниками просвещения, а нас великими мучениками за науку и за правду. Многие стороны к делу люди хотели знать все подробности суда нечестивых, как называли они суд над нами. Вообще вся просвещенная публика принимала живое участие в судьбе нашей».⁸⁶

Одним из последовательных защитников преследуемого либерализма в деле просвещения выступил дерптский профессор Г. Ф. Паррот. 22 февраля 1825 г. он составил записку на имя Александра I, относившегося к Парроту с уважением и доверием, где подвергал уничтожающему анализу происшествия четырехлетней давности и общий курс Министерства просвещения. Страх правительства перед вымышленной опасностью революции назван им источником гонений на просвещение в своем отечестве. «Туман» ложного благочестия, напускаемый Магницким, этим «пугалом народного просвещения», нужен ему только для того, как замечает Паррот, чтобы «сделаться необходимым». Русское правительство, превращенное в «страшилище для Европы» политикой Священного союза, внушает отвращение и страх собственным поданным, особенно молодежи.⁸⁷ Этот смелый призыв к императору «прозреть» и взглянуть на происходящее с точки зрения справедливости также не был услышан. Распоряжения, принятые против Петербургского, как прежде — против Казанского, университета, не были отменены при жизни Александра I. Эти меры, по выражению Л. А. Перовского, адресовавшегося уже к новому царю со своими рекомендациями о перемене политики в сфере просвещения, названы были «несообразными с потребностями отечества», причинившими «более вреда, нежели пользы».⁸⁸ Пагубные для просвещения последствия поддержки правительством акций Магницкого и Рунича отмечались многими декабристами на следствии. Падение уровня преподавания в Петербургском университете вплоть до начала 1830-х годов было очевидным. Отставание от уровня западной науки, заметное в разной степени во всех университетах, объяснялось в упомянутой записке Л. А. Перовского тем, что «у нас наука, среди великолепных зданий для нее сооружений... есть настоящая сирота».⁸⁹

На самом деле, при широком и повсеместном сочувствии жертвам инквизиционных мер и делу просвещения общественное отношение не было выражено настолько, чтобы помешать реакционерам или хотя бы довести до сведения правительства па-

губный масштаб совершаемого. Свою роль, конечно, сыграло и отношение императора, избравшего позицию невмешательства, хотя Александр I и понимал истинную цену разоблачений Магницкого и Рунича и не имел иллюзий на счет их человеческих качеств. Но это личное отношение никак не проявлялось. Пытаясь впоследствии оправдать себя в глазах потомства, Рунич в своих записках утверждал, что на стороне «уваровской партии» (т. е. защитников Университета) был весь двор и все великосветское общество Петербурга.⁹⁰ Однако факты этих высказываний не подтверждают. Во всяком случае позиция каждого из участников этой беспрецедентной исторической драмы, включая позицию А. Н. Голицына и самого Александра I, еще нуждается в пристальном внимании исследователей.⁹¹

«Дело» же Петербургского университета с передачей его в комитет министров в декабре 1821 г. было далеко не окончено. Несмотря на последовавшую в мае 1824 г. отставку А. Н. Голицына и очередной поворот курса при новом министре А. С. Шишкове — на этот раз в сторону ортодоксального православия и «доброй старины», в судьбе столичного Университета ничего не изменилось. Правда, полномостным властителем в нем Рунич так и не стал. Не была утверждена императором и ожидаемая им для себя и своих клевретов награда.⁹² Однако «чрезвычайное положение» в Университете и его изоляция не были сняты. К концу царствования Александра I даже бывшие единомышленники выговаривали Руничу за то, что он явно превысил меру целесообразности действий и собственных полномочий, приводя Университет к «надлежащему порядку». Так, один из секретарей Голицына В. М. Попов («изуверливый невежда», по отзыву Карамзина) писал Руничу по просьбе Голицына, чтобы тот «противостоя козням дьявольским», все же справлялся «достаточно с узаконениями университетскими» и поступал «только самым обоснованным образом, не давая повода к клевете или тени к ропоту на противозаконность».⁹³

Многие современники, хорошо знавшие Магницкого и Рунича, только после эпизода с погромами в двух российских университетах — Петербургском и Казанском, осознали всю меру заключенной в личности каждого беспринципности, подлости, бесчестия. Так, М. М. Сперанский, вместе с которым Магницкий в 1811 г. был отправлен в ссылку, первоначально относился к своему бывшему сотруднику как к «Дон-Кихоту», воюющему с ветряными мельницами, но одушевленному «весьма нравственными соображениями». «Он создан для другого мира», — писал в 1817 г. Сперанский, но тут же признавался в

своем решении «никогда не иметь с ним никакой связи».⁹⁴ Когда «гордиев узел» с «делом профессоров» был наконец разрублен Николаем I, а против обоих инквизиторов возбуждено уголовное дело, вскрывшее огромные злоупотребления в том и другом случаях, на имения Магницкого был наложен секвестр, а сам он сослан в Ревель. Отношение Сперанского к Магницкому, вполне сформировавшееся, очевидно, еще во времена всевластия последнего, выразилось в пущенной им остроте, записанной приехавшим в Ревель на воды П. А. Вяземским. «Странная мысль послать его (Магницкого. — *Авт.*) в Ревель, — пишет Вяземский. — Сказывают, Сперанский сказал: “Как можно послать Магницкого в Ревель? Туда посылают для здоровья, а он присутствием своим отравит воздух”».⁹⁵

Погром Петербургского университета закономерно отразился в тех «маленьких погромах», что прокатились по всем почти высшим и средним учебным заведениям в 1821–1825 гг. Так, в июле 1822 г. было издано запрещение принимать в Дерптский университет лиц, обучавшихся в иностранных университетах, которые «всегда имеют пагубное влияние на порядок в университете, привозя с собою и распространяя в оном своевольные обычаи иностранных университетов».⁹⁶ В феврале 1823 г. вышло высочайшее запрещение отправлять молодых людей в немецкие университеты, которые были здесь же перечислены: Гейдельбергский, Йенский, Гиссенский, Вюрцбургский, «соделавшиеся с некоторого времени театром всякого рода неурядиц».⁹⁷ В 1823 г. последовал хорошо организованный Н. Н. Новосильцовым «поход» против автономии Виленского университета. Правда, состав преступления на этот раз был усмотрен в самодеятельности польских студентов, образовавших в стенах Университета тайные просветительские общества филوماتов и филаретов. Несколько членов тайного студенческого общества были заключены под стражу и после суда высланы во внутренние губернии Российской империи.⁹⁸

В 1824 г. последовало высочайшее распоряжение распространить на все учебные округа меры, принятые Новосильцовым по Виленскому университету, в числе которых было исключение из программы преподавания права естественного и политических наук и «умножение» преподавания латинского, греческого и русского языков.⁹⁹ По случаю беспорядков в харьковском театре А. Н. Голицын своей властью запретил посещение студентам всех вообще увеселительных зрелищ.¹⁰⁰ Из Харьковского же университета был изгнан профессор Осиповский, который, как и Галич, был заподозрен в шеллингианстве.

На фоне этих репрессий, явственно складывающихся в си-

стему, собственно дело Петербургского университета было приостановлено (или забыто). Вернее всего, что в какой-то момент Рунич получил свыше приказ остановиться. Сам А. Н. Голицын быстро начал понимать, что «дело петербургских профессоров» выглядит уж очень абсурдно, но по должности и по занятой первоначально позиции он уже не мог поворотить вспять. Он не мог присоединиться к третируемому им Уварову в его аргументации против того же Рунича, которому сам Голицын покровительствовал. Фактически большинством голосов судьба самих профессоров была определена в духе требований Рунича еще в ноябре 1821 г. Причем книги всех четырех осужденных первоначально профессорам решено было «вытребовать из учебных заведений ведомства Министерства народного просвещения». В ответ на законные требования обвиняемых, поддержанные Уваровым, о предоставлении им права на защиту Главное правление постановило организовать это в «надлежащем» судебном месте «уголовным порядком». Против последнего чудовищного постановления возразил уже сам Магницкий, заявив, что и подсудимые, и общество назовут людей, «подвергающих бездоказательно обвиненных уголовной ответственности, не судьями, а палачами».¹⁰¹ Магницкий предлагал ограничиться высылкой Германа и Раупаха из России без всякого суда и требуемыми по условиям Карсбадских соглашений предостережениями союзных правительств насчет этих опасных людей.

В декабре 1821 г. Голицын препровождает «дело профессоров» на рассмотрение в комитет министров (что уже было признанием его исключительного, государственного значения). Комитет министров, рассмотрев дело, единогласно признал «учение», заключающееся в произвольно подобранных выписках из лекций профессоров, вредным и после довольно серьезных прений постановил: 1) дозволить профессорам Герману и Раупаху и адъюнкт-профессору Арсеньеву представить к своему оправданию все то, что они признают нужным, не стесняя их в этом отношении; 2) для повторного рассмотрения дела вместе с оправданиями обвиняемых составить особую комиссию из трех членов: князя А. Б. Лобанова-Ростовского, барона Б. Б. Кампенгаузена и А. С. Шишкова. В этой комиссии также участвовали члены Главного правления училищ К. А. Ливен и И. С. Лаваль.¹⁰² Таким образом, настойчивые требования Уварова были хотя бы частично выполнены. Однако работа самой «беспристрастной» комиссии затянулась на несколько лет, очевидно, как раз потому, что предварительные заключения по «делу профессоров» были ею признаны вопиющими и несправедливыми в своей основе.

Так или иначе к началу царствования Николая I «дело петербургского университета» не было решено. Профессора Арсеньев, Галич, Раупах и Герман были по-прежнему изъяты из состава чиновников Министерства просвещения и преподавали либо частным образом, либо в военно-учебных заведениях. Николай I, не любивший Магницкого, который не гнушался тем, чтобы при жизни Александра I доносить на великого князя, своевременно поручил начать расследование о служебном соответствии казанского попечителя. Почти одновременно с осуждением Магницкого и Рунича за служебные преступления было прекращено и «дело Петербургского университета». В феврале 1827 г. было объявлено высочайшее повеление считать его оконченным.¹⁰³ Дело же постановки «народного образования» в духе, предотвращающем проникновение революционных идей и повторение декабризма, было понято Николаем совершенно иначе, чем его предшественником. Сознавая, что невозможно искоренить «зло» пусть очень крутыми, но частными распоряжениями, Николай I решает начать масштабную перестройку всей системы народного образования. Отныне она должна была базироваться на принципах государственной школы, тотальной регламентации внутренней жизни учебных заведений. Для придания преподаванию гуманитарных дисциплин верного направления надлежало разработать государственную идеологию, не поручая деликатного дела определения идейных приоритетов в просвещении карьеристам и проходимцам. Главным идеологом николаевского царствования, как известно, станет С. С. Уваров, назначенный 19 ноября 1833 г. министром народного просвещения.

Примечания

¹ См., напр.: Ш е б у н и н А. Н. Европейская контрреволюция в первой половине XIX в. Л., 1926; М а р к о в Л. В. Россия и Священный союз // Новая и новейшая история. 1989. № 1 и др.

² О р л и к О. В. Европейская идея Александра I // Новая и новейшая история. 1997. № 4. С. 61.

³ С у х о м л и н о в М. И. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. Материалы для истории образования в России в царствование императора Александра I. Т. 2. СПб., 1889. С. 4–18, 19–24.

⁴ См., напр.: С у х о м л и н о в М. И. Материалы ... Т. 1. С. 46–51, 159.

⁵ См.: А к у л ь ш и н П. В. М. Л. Магницкий — историографический миф и историческая реальность // Петербургские чтения — 96. Матер. Энциклопедической библиотеки «Санкт-Петербург-2003». СПб., 1996. С. 92–95.

⁶ С. П. Жихарев называет его «славой пансиона» (см.: Ж и х а р е в С. П. Записки современника. Т. 2. М., 1989. С. 165).

⁷ Т у р г е н е в А. И. Политическая проза / Изд. подг. А. Основат. М., 1991. С. 195.

8 Шильдер Н.К. Император Александр I. Т. 4. СПб., 1898. С. 294 — А.И. Михайловский-Данилевский свидетельствовал, что еще в 1813 г. слышал в передаче М.И. Кутузова реплику Александра о Магницком, что тот «всех очернял и опорочивал ... с особенным искусством» (см.: Там же. С. 479). Другой мемуарист, П.П. фон Геце, поведал об имевшемся у Магницкого желании «заступить место своего начальника и благодетеля» (т.е. Голицына. — *Аст.*) (см.: Из записок П.П. фон Геце // Русский архив. 1902. Кн. 3. № 9. С. 94).

9 Феоктистов Е. Материалы для истории просвещения в России Магницкий. СПб., 1865. С. 7–8.

10 Об обстоятельствах переезда Рунича в Петербург и вступлении его в службу по Министерству народного просвещения см. его переписку с В.М. Поповым: Российская Национальная библиотека. Отдел рукописей. Ф. 656 (Рунича). Д. 38.

11 Шильдер Н.К. Император Александр I. Т. 4. С. 298.

12 В записке «Об иллюминатстве академическом», поданной на имя Николая I в 1831 г., Магницкий не только вновь пытается самореабилитироваться, но и предрекает новые потрясения, проистекающие из того же корня. Подобные записки посылались Магницким и к Голицыну (Русский архив. 1867. Ст. 873). Главной формой заявления о себе у Магницкого было доносительство. Жертвами его доносов в разное время были Николай Павлович и сам Голицын. 28 ноября 1818 г. Магницкий доносил Аракчееву о существовании в столице некоего общества под началом г. Поммана, известного «упражнением в тайных науках и магнетизме» (см.: Письма главнейших деятелей в царствование императора Александра I / Сост. Н.Ф. Дубровин. СПб., 1883. С. 234–235).

13 Феоктистов Е. Магницкий ... С. 76.

14 Там же. С. 50 — Любопытно, что другие правительственные акты, к которым Магницкий не имел отношения, были выдержаны в той же стилистике призывов к борьбе с «беспорядками» и «соблазнами», возникшими в других государствах, «умствованиями» и т.д. ... от которых «проистекают столь печальные в других краях последствия». Мы цитируем высочайший рескрипт на имя В.П. Кочубея от 1 августа 1821 г. о запрещении масонских лож и тайных обществ (см.: Полное собр. законов. Т. XXXVIII. № 29151).

15 Пыпин А.Н. Общественное движение в России при Александре I. Изд. 5-е. Пг., 1918. С. 455–456.

16 Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. 2. М., 1949. С. 617.

17 Никитенко А. А.И. Галич // Журн. Министерства народного просвещения. 1869. Ч. 141. Янв. С. 32.

18 Там же. С. 30.

19 При написании данной главы здесь и далее мы использовали материалы по истории следствия над профессорами, собранные А.В. Предтеченским в 1947–1948 гг. В то время А.В. Предтеченский готовил книгу под названием «Очерки общественно-политической мысли в первой четверти XIX в.». Для нее предназначалась сохранившаяся в архиве автора в форме набросков глава «Академические круги». За возможность с ней ознакомиться, пользуясь случаем, авторы приносят благодарность Л.М. Предтеченской.

20 Яценко О.А. А.П. Куницын: не востребованное наследие // Вече: Альманах русской философии и культуры. Вып. 2. СПб., 1995. С. 25–26.

21 Селезнев И. Исторический очерк Императорского бывшего Царскосельского ныне Александровского лицея. СПб., 1861. С. 20–23.

- 22 Декабрист Пущин. Записки о Пушкине и письма из Сибири / Ред. и предисл. С. Я. Штрайха. М., 1925. С. 88, 90.
- 23 Яценко О. А. А. П. Куницын... С. 42.
- 24 Цит. по последней публикации «Наставления воспитанникам», осуществленной О. А. Яценко (см.: Вече... С. 43).
- 25 Сын Отечества. 1812. Ч. 1. С. 177–185.
- 26 Записи этих лекций, выполненные А. М. Горчаковым; см.: Красный архив. 1937. № 1(80). С. 122, 127, 129.
- 27 Профессор Александр Куницын. Изображение взаимной связи государственных сведений. СПб., 1817. С. 38.
- 28 См.: Дух журналов. 1817. Кн. 49.
- 29 Сын Отечества. 1818. Кн. 17. С. 165, 167.
- 30 Там же. С. 170–178.
- 31 Там же. С. 183–186.
- 32 Варшавская речь Александра I была произнесена 15/27 марта 1818 г. и уже через несколько дней появилась в российской прессе и иностранных газетах. Опубл.: Дух журналов. 1818. Ч. 26. Кн. 14. С. 423–430 (см.: Предтеченский А. В. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX в. М.; Л., 1957. С. 378–381; Семевский В. И. Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909. С. 267–275).
- 33 Цит по: Вече... С. 48.
- 34 Речь С. С. Уварова была опубликована отдельной брошюрой в 1818 г.
- 35 Рассмотрение речи г. президента Академии наук и попечителя Санкт-Петербургского учебного округа, произнесенной им в публичном торжественном собрании Главного Педагогического института 22 марта 1818 г. // Сын Отечества. 1818. № 23, 24.
- 36 Сын Отечества 1818. № 24.
- 37 Дневники и письма Н. И. Тургенева. Т. 3. 1816–1824 / Ред. и прим. Е. И. Тарасова. Пг., 1923. С. 161; Декабрист Н. И. Тургенев. Письма к брату С. И. Тургеневу. 1811–1824. М.; Л., 1936. С. 274, 328.
- 38 Сын Отечества. 1818. № 51.
- 39 См.: Cours de politique constitutionnelle, par V. Constant // Constant V. Collection complète des ouvrages. P. 1818–1820. Т. 1. — Некоторые выступления Константа появлялись в переводе в русских журналах того времени.
- 40 Право естественное, сочинение профессора Императорского лицея Александра Куницына. Кн. 1. СПб., 1818. С. 6. — Далее ссылки на страницы этого издания даются в тексте.
- 41 Право прикладное. Сочинение профессора А. Куницына. СПб., 1820. — Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием страницы.
- 42 Семевский В. И. Политические и общественные идеи... С. 227.
- 43 Красный архив. 1937. № 1(80). С. 101 и сл.
- 44 Там же. С. 122, 127.
- 45 Пушкин А. С. «19 октября 1825 года».
- 46 Феоктистов Е. Магницкий... С. 9–18.
- 47 Рунич имеет в виду Магницкого. «Мнение» последнего см.: Русский архив. 1864. Вып. 3.
- 48 Там же. — В письме А. Х. Бенкендорфу, датированном 1829 г., Магницкий утверждал, что он явился инициатором дела Куницына (см.: Дубровин Н. Ф. Письма главнейших деятелей... С. 505). В журнале Главного управления училищ после изложения хода заседания 10 февраля о книге Куницына следует записка С. С. Уварова по поводу этого дела. Из

нее ясно, что Уваров на заседании 10 февраля не присутствовал. Важно, что он пишет, что «не может взять на себя произнести приговор», не будучи знакомым со всей документацией дела. Однако он призывает Главное правление, чтобы оно, «осудив книгу, пощадило сочинителя, и чтобы г. министр духовных дел и народного просвещения не лишил его возможности продолжать службу на пользу Отечества и наук» (РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 36763. Лл. 35–36).

⁴⁹ Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 2. Переписка П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым. 1819–1827. СПб., 1899. С. 169.

⁵⁰ Восстание декабристов: Документы и материалы. Т. 4. С. 34.

⁵¹ Восстание декабристов... Т. 1. М., 1925. С. 226; Семевский В. И. Политические и общественные идеи декабристов... С. 204–205.

⁵² Восстание декабристов... Т. 18. М., 1984. С. 164. Там же. Т. IX. М., 1954. С. 36.

⁵³ И. С. Пенинский преподавал русскую словесность. Педагогической деятельностью он стал заниматься в 1818 г. После столкновения с воспитанниками пансиона, о котором здесь идет речь, он подал прошение об отставке, и 3 апреля 1821 г. был уволен (см.: Пятидесятилетие Санкт-Петербургской первой гимназии. 1830–1880: Историческая записка, составленная по поручению педагогического совета Д. Н. Соловьевым. СПб., 1880. С. 39, 51).

⁵⁴ Связь «пансионского инцидента» с именем Куницына, как и плановость и очевидный злой умысел организаторов инцидента не укрылись от внимания современников (см.: письмо А. И. Тургенева П. А. Вяземскому от 30 марта 1821 г. // Остафьевский архив... Т. 2).

⁵⁵ Рунич в своих записках главной причиной отставки Уварова называет раздражение после провала обсуждения проекта устава (Из записок Д. П. Рунича // Русская старина. 1901. Т. 106. Май. С. 382). Одновременно с должностью попечителя Уваров сложил с себя должность члена Главного правления Училищ. Вероятнее всего, решение Уварова было обусловлено всем комплексом названных причин. Эта отставка была еще одним звеном в цепи разворачивающихся и хорошо подготовленных акций партии реакционеров.

⁵⁶ С.-Петербургский университет в первое столетие его деятельности: Материалы по истории С.-Петербургского университета / Под ред. проф. С. В. Рождественского. Собр. и изд. И. Л. Маяковский и А. С. Николаев. Пг., 1919. С. 142–169.

⁵⁷ Сухомлинов М. И. Исследования и статьи... Т. 2. С. 271–286.

⁵⁸ Там же. С. 287–298.

⁵⁹ Плисов М. Г. Историческая записка о деле С.-Петербургского университета // Там же. С. 307–337. — Плисов на заседании 3, 4 и 7 ноября исполнял обязанности конференц-секретаря и вел протоколы заседаний.

⁶⁰ С.-Петербургский университет в первое столетие его деятельности... Т. 1. С. 170–194, 206, 217.

⁶¹ Жуковская Т. Н. С. С. Уваров и петербургское востоковедение // Петербургские чтения — 96. Матер. Энцикл. библиотеки... СПб., 1996. С. 102–105.

⁶² Шпет Г. Г. Очерк развития русской философии // Очерки истории русской философии. Свердловск, 1991. С. 356.

⁶³ Сухомлинов М. И. Исследования и статьи по русской литературе... С. 326.

⁶⁴ Шпет Г. Г. Очерк... С. 358–360.

⁶⁵ Сухомлинов М. И. Исследования и статьи... С. 333.

2019/9/1 12:40

⁶⁶ Арсеньев К. И., Начертание статистики Российского государства. СПб., 1818. Ч. 1. С. 106. — Далее ссылки на номер части и страницы этой книги приводятся в тексте.

⁶⁷ Григорьев В. В. Императорский С.-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. СПб., 1870. Ссылки, примечания и дополнения. С. 8.

⁶⁸ Замечания Магницкого на выписки из книги Арсеньева см.: Сб. Отд. русского яз. и словесности Имп. Акад. наук. Т. IX. СПб., 1872. С. 69–78.

⁶⁹ С.-Петербургский университет в первое столетие его деятельности... С. 195–203.

⁷⁰ Сухомлинов М. И. Исследования и статьи... С. 304. 332.

⁷¹ С.-Петербургский университет в первое столетие его деятельности... С. 218–224.

⁷² Сухомлинов М. И. Исследования и статьи... С. 337–345.

⁷³ Пыпин А. Н. Религиозные движения в эпоху Александра I. Пг., 1916. С. 159.

⁷⁴ Следует сказать, что язык письма в этом случае приобретал особую важность. При обычном двуязычии официальной переписки переход на французский язык подчеркивал неофициальность, доверительность обращения. Это уже не было служебное письмо, которое полагалось писать по-русски — на языке государственной службы. Чужой язык позволял высказывать как бы «стороннюю точку зрения», говорить, не смягчая выражений. Французское «Sire» (Государь), с которого начинает Уваров, игнорировало привычную социальную иерархию и позволяло говорить далее по-рыцарски прямо, «с достоинством просвещенного европейца» (см.: Паперно И. А. О двуязычии переписки пушкинской эпохи // Уч. зап. Тартуского ун-та. Вып. 358. Тарту. 1975. С. 151–152).

⁷⁵ Сухомлинов М. И. Исследования и статьи... С. 378–384.

⁷⁶ Второе письмо С.С.Уварова — А.Н.Голицыну см.: Сухомлинов М. И. Материалы для истории просвещения в царствование императора Александра I. СПб., 1866. Т. VII. С. 200–202.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Пекарский П. О жизни и трудах К.И.Арсеньева // Сб. Отд. рус. языка и словесности Имп. Акад. наук. Т. IX. СПб., 1872.

⁷⁹ Греч Н. И. Записки о моей жизни. М., 1990. С. 225.

⁸⁰ Греч писал, что университетская коллегия разделилась на две партии — «белую и черную». К первой принадлежали те профессора, которые выражали свое мнение «по долгу правды и чести». В нее входили Балугьянский, Лодий, Бутырский, Плисов, Шармуа, Деманж, Грефе, Чижов, Соловьев, Ржевский, Радлов и директор училищ Тимковский. Вторая действовала по «зависти, подлости, трусости и желанию выслужиться у гнусного начальства». К ней Греч причислил А.А.Дегурова, Зябловского, Толмачева, Рогова, Попова и Щеглова (см.: там же. С. 224–225). Характеристики Греча несколько расходятся с данными протоколов заседаний.

⁸¹ Сухомлинов М. И. Исследования и статьи... С. 391.

⁸² Цит. по: Семевский В. И. Политические и общественные идеи декабристов... С. 184.

⁸³ Там же. С. 179.

⁸⁴ Письма Н.М.Карамзина И.И.Дмитриеву. СПб., 1866. С. 204.

⁸⁵ Цит. по: Гиллельсон М. И. Материалы по истории арзамасского братства // Пушкин. Исследования и материалы. Т. 3. Л., 1960. С. 292.

- 86 Пекарский П. О жизни и трудах К. И. Арсеньева... С. 35.
- 87 Шильдер Н. К. Император Александр I. Т. IV. С. 298, 550 и сл.
- 88 Семевский В. И. Политические и общественные идеи декабристов. С. 185.
- 89 Там же.
- 90 Рунич Д. П. Из записок // Русская старина. Т. 106. 1901. № 4. С. 383-385.
- 91 Существует, по крайней мере, версия, распространявшаяся в академических кругах и приведенная П. Пекарским, о позиции Александра в «деле профессоров». Когда А. Н. Голицын, согласно этой версии, докладывал об университетской истории, Александр, якобы, сказал: «Жаль, что я в таком святом деле погорячился» (см.: Пекарский П. О жизни и трудах К. И. Арсеньева. С. 64).
- 92 Правда, в январе 1824 г. Рунич был пожалован Владимирским крестом II степени, которым очень дорожил.
- 93 Письмо В. М. Попова Д. П. Руничу от 8 декабря 1822 г. // РНБ. ОР. Ф. 656. Д. 38. Л. 134об.-135.
- 94 Сперанский М. М. Письмо А. А. Столыпину от 4 мая 1817 г. // Русский архив. 1871. Стлб. 1134-1135.
- 95 Вяземский П. А. Записные книжки. 1813-1848 / Изд. подг. В. С. Нечаевой. М., 1963. С. 187; Шильдер Н. К. Император Александр I. Т. 4. С. 300.
- 96 Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. Царствование императора Александра I. 1802-1825. СПб., 1864. Стлб. 1522.
- 97 Там же. Стлб. 1541.
- 98 Этот эпизод хорошо изучен российскими и польскими историками. Дело о беспорядках в Виленском университете отложилось в фондах Министерства народного просвещения: РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Д. 13.
- 99 Сборник постановлений... Стлб. 1597-1598.
- 100 Там же. Стлб. 1600-1602.
- 101 Скабичевский А. Очерки по истории русской цензуры // Отечественные записки. Т. CCCLX. Отд. 1. С. 208.
- 102 Там же.
- 103 Сухомлинов М. И. Исследования и статьи... С. 263-268.

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ УНИВЕРСИТЕТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ПЕТЕРБУРГЕ

Завершающую главу книги мы хотели бы начать с указания на то, что историографическое «Введение» монографии 1988 г. «Отечеству на пользу, а россиянам во славу» не включало ряда важных фактов, непреложно свидетельствовавших о внимании авторитетных универсантов, и видных правительственных чиновников к идее преемственности в истории университетов Петербурга, начиная с Петровского и вплоть до учрежденного Александром I в 1819 г. внеакадемического университета.

Одним из первых, кто поддержал эту идею, был П. А. Плетнев. Впервые Плетнев определенно и убежденно высказался в поддержку непрерывности университетского образования в Петербурге в связи с торжественным актом 25 марта 1838 г., посвященным возвращению Университета в капитально отстроенное здание Двенадцати коллегий на Васильевском острове.

Существенным аргументом в пользу того, что в первой трети XIX в. руководство Петербургского университета, да и Министерства народного просвещения не считали 8 февраля (когда Александр I был подписан указ о возобновлении деятельности университета), датой основания Университета в Петербурге, служит сама по себе дата годовичного Торжественного акта 1838 г.: прежде акты бывали в конце августа, либо 25 марта.

Возвращение Университета в здание Двенадцати коллегий после его ремонта сопровождалось грандиозным праздником. В официальной церемонии принимали участие первые лица Российской империи, включая Николая I и наследника престола великого князя Александра Николаевича. В звучавших на праздновании речах подчеркивался размах благодеяний императора, значительность затрат казны на перестройку здания и реставрацию помещений.

Празднование продолжалось много дней: освящение церкви, визиты в Университет высочайших особ, Торжественный акт, подготовка речей, издание речей и исторических справок — все неоднократно обсуждалось в Университете, Министерстве и, безусловно, докладывалось Николаю I. А. В. Никитенко в своем дневнике написал о горячих спорах в Министерстве, о содержании и порядке чтения уже заготовленных речей. Шли споры и о дате и месте заседания и проведения Торжественного акта: остановились на дате «25 марта». Современные читатели могут предположить, что после возобновления в 1819 г. деятельности Университета дата «8 февраля» была единственно принятой для проведения годовых актов. Однако в действительности это не так.

Зная о такой тщательной подготовке к торжественному акту, естественно предположить, что никакие принципиально важные выступления или заявления об истории Университета не могли быть позволены без «высочайшей» воли или же вопреки ожиданиям императора. Содержание, название и последовательность произнесения речей на Торжественном акте были строго продуманы. Все, о чем в них говорилось, должно было убеждать в единстве вдохновения и однонаправленности действий в устройстве Петербургского университета Петра I и Николая I. Ректор И. П. Шульгин намеревался произнести речь «О начале и постепенном возрастании императорского Санкт-Петербургского университета». Вслед за ним планировалось выступление экстраординарного профессора А. В. Никитенко с «Похвальным словом Петру Великому, императору и самодержцу, всероссийскому отцу отечества». Третьим в завершение торжественной части акта должен был выступать заслуженный профессор Ф. Б. Грефе с панегириком Николаю I.

Не только название, содержание, порядок произнесения речей, но и внутреннее оформление помещений Университета — все должно было убедить участника торжества в том, что если Петр I основал Университет в столице, то его совершенное современное состояние, благоденствие наук и ученых — заслуга Николая I.

Накануне заседания 25 марта Актный зал Университета посетил и осмотрел сам император. Наследник престола, великий Александр Николаевич, накануне Рождества (12 декабря) возвратившийся в столицу после продолжительной поездки по России в связи с завершением образования, готовился к отъезду за границу. 19 апреля, т. е. после Торжественного акта, он побывал также в здании Двенадцати коллегий и внимательно осмотрел его.

Основной ударной силой в деле доказательства преемственности университетского дела в столице Российской империи должна была стать речь ректора И. П. Шульгина. Историк И. П. Шульгин (1795–1869) — профессор Петербургского университета сыграл заметную роль в деле изучения истории старейшего учебного заведения в столице, в защите преемственности развития университетского образования в Петербурге. Личность этого профессионального историка и видного университета заслуживает в рамках нашей темы специального внимания.

После окончания Костромской гимназии Шульгин в 1810–1813 гг. учился в Главном Педагогическом институте. Подобно П. А. Плетневу он после окончания этого учебного заведения начал преподавать историю и географию в Царскосельском лицее, последовательно проходя все ступени роста: учитель, воспитатель, адъюнкт, профессор. Лишь в 1833 г. он был приглашен в Петербургский университет на кафедру истории вместо ушедшего А. А. Дегурова и занимал здесь должности профессора, заведующего кафедрой и в 1836–1840 гг. — ректора. Он преподавал великому князю Константину Николаевичу и его братьям вел. кн. Николаю и Михаилу историю и статистику. Ученый много занимался историей средних веков европейских стран, статистикой, краеведением. Его работы неоднократно переиздавались.¹

Высокую оценку Шульгину дают его ученики по Университету, Лицею и Училищу правоведения. К. С. Веселовский, слушавший его лекции в Царскосельском лицее, писал: «Иван Петрович Шульгин был наиболее любимым нашим профессором. Человек с приятным открытым характером, он невольно располагал к себе; в своих отношениях с воспитанниками проявлял душевную приветливость и сердечное радушие. Он был замечательно умен, талантлив и, любя свой предмет и хорошо владея им, всегда умел оживлять свое изложение не риторическими фразами, а талантливой группировкой фактов. Его лекции были в числе тех, которые наиболее врезывались в память и обогащали понятия слушателей. Он у нас читал в 3-м классе физическую географию и историческую топографию России... В ней между прочим нашли себе место живо начертанные картины из истории наших удельных княжеств, столь важной для объяснения топографии».²

Интерес Шульгина к истории Петербургского университета не был поверхностным, возникшим в связи с готовящимся юбилеем и написанием речи. Его торжественное слово на празднике «О начале и постепенном возрастании...» — итог напряженной

работы над темой истории Университета. Тем большее доверие вызывают те выводы, к которым он пришел в результате своих занятий.

Нужно представить, насколько сложной была в те годы задача профессионального историка, решившегося посвятить свои труды специальному изучению истории Петербургского университета. Ведь многих документов в руках Шульгина просто еще не было. В этих условиях особое значение приобрела исследовательская интуиция — способность ученого строить верные выводы при минимальной опоре на обнаруженные источники.

С высокой оценкой Шульгина — профессора и историка, человека, отличавшегося «прямым открытым характером, приветливостью и радушием», — выступили и его воспитанники Н. А. Белуха-Кохановский, М. А. Корф, В. К. Кюхельбекер.³ Последний писал о нем 24 июля 1834 г., во время пребывания в заключении в Свеаборгской крепости: «Приятно заметить хорошее, особенно когда оно встречается у людей, которых мы знавали, любили. Шульгин — человек с дарованием; взгляд его на историю не без глубокомыслия, слог у него иногда искренно прекрасен, например, в статье: "Состояние исторического мира в V и VI столетиях"». ⁴ Сложилась ли высокая оценка Кюхельбекером педагогической и исторической деятельности Шульгина в период учебы в Лицее, когда там начинал преподавать молодой выпускник Главного Педагогического института, или под влиянием их встреч более позднего времени, но до событий 14 декабря 1825 г.? С полной уверенностью сказать трудно. Можно предположить, что впечатление Кюхельбекера сформировалось под влиянием продолжительного общения с Шульгиным. Какую статью Шульгина имеет в виду Кюхельбекер? Скорее всего, это одна из работ, с которой Кюхельбекер мог познакомиться уже находясь под арестом в Свеаборгской крепости.

Лишь один из учеников Шульгина упрекнул его, объединив с Н. Г. Устряловым. Он писал: «И тот, и другой считались знатоками своих предметов, но читали они из года в год одно и то же, не возбуждая любви к науке и не привлекая студентов к изучению преподаваемых ими предметов...». ⁵ Однако далее сам же мемуарист оправдывал обоих профессоров, указывая на тотальный контроль за содержанием лекций, когда даже министр выступал в роли самого усердного надзирателя («С переездом Университета на Васильевский остров министр Уваров еще чаще начал посещать Университет, чем прежде»⁶).

Шульгин и Плетнев, будучи в числе первых историографов Университета, находились между собой в постоянных и тесных

контактах. В 30-е годы к ним близко примыкал и А. В. Никитенко. «Троицу» ученых в тот период объединяло многое: совместная служба в Университете, незначительная разница в возрасте, да и то, что все, чего они достигли в жизни, они добились своим трудом. А. В. Никитенко в своем дневнике не единожды упоминал об их встречах, совместном участии в праздниках, о существовании согласованной позиции в Совете Университета.⁷ Шульгин как профессиональный историк и как ректор, несомненно, оказывал влияние на позицию Плетнева в вопросе начальной истории Петербургского университета.

Речь Шульгина была подготовлена задолго до торжественного акта в марте. Сама концепция Акта 25 марта неоднократно обсуждалась. Сведения об этом доходили до университетской профессуры. Среди универсантов возникли толки по поводу новых распоряжений и изменений в организации празднования. «К нам на акт ожидают государя, — писал еще 15 декабря 1837 г. А. В. Никитенко. — По этому поводу министр (С. С. Уваров. — *Авт.*) намеревается отменить профессорские речи».⁸ Он сам хочет выступить с речью.

Временами суета по поводу предстоящих событий достигала чрезвычайной степени. Все лето и осень 1837 г. жили ожиданием появления императора в Университете. Шла интенсивная переписка между министром, попечителем и ректором. «Ваше Высокопревосходительство словесно объявили мне, что по всеподданнейшему докладу Вашему Государю Императору благоугодно осчастливить Своим присутствием с Августейшею фамилиею Торжественный акт открытия Санкт-Петербургского университета в новоустроенном для него здании 12 коллегий, с тем чтобы освящение Университетской церкви во имя апостолов Петра и Павла было 29 текущего июня, а самый Торжественный акт отложен до ноября месяца», — таков был стиль часто циркулировавших посланий между чиновниками, причастными к организации празднования переезда Университета на Васильевский остров.⁹

Дата торжественного заседания неоднократно переносилась и обсуждалась с учетом пожеланий и планов Николая I. Накануне, за два дня до Торжественного акта, 23 марта 1838 г., Никитенко узнал, что министр отменил чтение его речи. «У попечителя был с ним по этому поводу горячий разговор. Князь Дондуков-Корсаков доказывал ему неприличие и странность такой меры. Министр упорствует». Никитенко задумался: «Какая причина?».¹⁰ О причинах можно предполагать. Исполнял ли министр высочайшую волю, жалел ли время публики, присутствующей на торжественном заседании, или же — что мало-

вероятно — желал принизить роль Петра I в истории Петербургского университета? А, возможно, сделавшись ловким царедворцем, больше всего боялся не угодить монарху учеными «излишествами».

Речь Никитенко, хотя и не была прочитана в Актовом зале, но стала доступна публике: она была роздана присутствующим в отпечатанном виде. Как бы утешаясь, Никитенко записал 26 марта, что «публика приняла большое участие в ... "Похвальном слове"» и что «все были удивлены запрещением министра».¹¹ Та же судьба постигла и речь на латинском языке профессора Грефе о заслугах в деле университетского образования царствующего императора Николая I. Тем ярче прозвучала в заседании речь И. П. Шульгина «О начале и постепенном возрастании императорского Санкт-Петербургского университета». Он поставил в начало речи «имя великое Петра — основателя университетского образования в России» — и тем восславил праздник в связи с окончанием ремонта здания Двенадцати коллегий и переездом Университета. Шульгин сказал: «Да будет этот день, день благоговейной благодарности за настоящее, днем великих воспоминаний о минувшем. Мы здесь окружены памятниками руки Петра; и это здание, в котором мы находимся здесь перед священным лицом его праправнука, действующего "единым вдохновением" с ним, это все напоминает нам первоначальника нашей славы и нашего могущества».¹²

Взятые в этой фразе в кавычки слова о «едином вдохновении» обозначали тему медали, специально изготовленной по случаю праздничного события. В оформлении этой медали, о которой будет сказано особо, слова о «едином вдохновении» займут место проясняющих связь времен и смысл события, отмеченного столь торжественно.

В своей речи Шульгин утверждал причастность Петра I к основанию Университета в Петербурге. Он отмечал: «Начало Педагогического института скрывается в первой мысли Петра Великого об учреждении Академии наук... Когда при учреждении Коллегий и преобразовании всего хода государственной администрации открылась вдруг надобность в людях, имеющих систематическое образование», то эта мысль и была выражена «в утвержденном государем 28 января 1724 года проекте Академии».¹³

По мысли Шульгина, преемники Петра Великого «разливали... просвещение» среди своего «верного и понятливого народа», переходя от «заведений специальных... к заведениям общего образования». Указывая на новый подход к университетскому образованию, Шульгин отметил значение Устава Акаде-

мии наук 1747 г., по которому был основан «первый Русский университет и две при нем Гимназии». Екатерина II была прославлена как внесшая вклад в развитие образования в стране благодаря созданию прежде всего системы «народных Училищ, Главных и Малых для всех состояний», причем специально было отмечено, что созданная ею Учительская семинария послужила рассадником подготовки наставников для школ всей империи. Шульгин сказал: «Вот настоящее начало бытия Педагогического института».¹⁴

Дабы прочертить непрерывную линию развития университетского образования и показать, что связь между Учительской семинарией и Университетом в составе Академии наук безусловно существовала, Шульгин приводит следующий аргумент: «Должности профессоров в этом новом заведении заняты были большей частью академиками, и, кроме двоих, все преподаватели были природные русские. Из них наибольшую известность приобрели: Зуев по естественной истории, Головин по математике и Сырейчиков по словесности Русской».¹⁵

Шульгин отметил и выделил в качестве одного из важнейших доказательств преемственности развития университетского образования в Петербурге то обстоятельство, что Учительская семинария готовила не только учителей, но и учебно-методическую литературу.

Если преподаватели Учительской семинарии получали образование благодаря трудам наставников предшествующих поколений профессоров Петербургского университета, таких как М. Ломоносов, И. Лепехин, С. Румовский, В. Зуев, М. Головин, то и сами они внесли существенный вклад в развитие российской высшей школы, создав учебную литературу, которой пользовались уже студенты в начале XIX в. «Так учебники, изданные Комиссиею народных училищ, были первые наши руководства на пути образования; так и воспитанники Учительской семинарии были наши первые наставники (сам выпускник и питомец Педагогического института историк И. Шульгин знал это не из документов, а из собственного студенческого опыта. — *Авт.*). Имена многих из них принадлежат истории просвещения России... Осиновский, Гиляровский, Розин».¹⁶

Реформа государственных учреждений включала в себя перестройку управления образованием от приходских училищ до университетов в соответствии с потребностями развития страны. Именно учитывая эти потребности Шульгин объясняет возникновение в 1803 г. на основе Учительской семинарии Учительской гимназии и новую перемену в судьбе: на следующий 1804 г. Гимназия была преобразована в Педагогический

институт. Почему же не Университет? Шульгин поясняет, что принципиального различия не существовало в действительности. «Санкт-Петербургский педагогический институт должен был составлять отделение будущего Санкт-Петербургского университета; он и получил университетское устройство, с той лишь разницей, что в нем находились только студенты, содержимые на счет правительства и обязанные, как и студенты бывшей Учительской семинарии, образовываться для того, чтоб быть наставниками в разных училищах империи».¹⁷ Следовало, конечно, добавить, что Педагогический институт, в отличие от Университета, не мог осуществлять управление учебным округом.¹⁸

Неразрывная связь между Университетом XVIII в., учебными заведениями переходного периода 1803–1819 гг. и Петербургским университетом после 1819 г. проявилась и в том, по убеждению Шульгина, что из первых 100 воспитанников за 1804–1807 гг. за границу были посланы 12 человек, часть из них по возвращении на родину была назначена профессорами в Лицей, открытый в 1811 г., а другая часть была оставлена при Педагогическом институте. Ко времени Торжественного акта 26 марта 1838 г. в составе профессоров служили проректор Университета и декан второго отделения философского факультета, профессор математики статский советник Д. С. Чижов и профессор химии статский советник М. Ф. Соловьев. В составе профессорского корпуса Университета долгие годы трудился выпускник Учительской семинарии, получивший образование еще в XVIII в., — бывший ректор, профессор Е. Ф. Зябловский.

Обращает на себя внимание и то, что произнесенная 25 марта 1838 г. речь Шульгина, состоявшая из 25 страниц текста, ровно наполовину была посвящена истории Петербургского университета в XVIII в., т. е. его «началу и постепенному возрастанию». Убеждение в том, что докладчик представлял историю Петербургского университета, заложенного Петром I, от его начала до времени Николая I как единый последовательный процесс не вызывает сомнений. Конечно же, такая позиция не была частным мнением одного лишь профессора И. П. Шульгина.

Несостоявшаяся, но опубликованная и розданная присутствующим речь А. В. Никитенко также является продолжением доказательства идеи, что Петр I — создатель университетского образования, а его царствующий праправнук — вершитель этого великого замысла. Речи профессоров Никитенко и Грефе должны были закрепить в сознании участников Торжественного акта мысль о взаимодействии Петра I и Николая I. Никитенко с первой фразы заявлял об обстоятельствах рождения Пе-

тербургского университета: «драгоценное наследие Петра» — просвещение России. Он назвал перестройку системы российского университетского образования, заботы Николая I о развитии материальной базы старейшего университета России его «физическим и нравственным возрождением». ¹⁹ Вся речь Никитенко посвящена обоснованию роли Петра I в университетском строительстве и значению завершения Николаем I трудов, начатых его великим предком. Он утверждал: «Дело Петра довершено... перед вами, мм. гг., дух Петра и его дело, оправданное и довершенное». ²⁰ Перечислив многие учебные заведения, созданные в царствование Петра I, Никитенко формулировал вывод: «Наконец, мм. гг., вы знаете, что и Академия наук ему обязана своим существованием, а в плане, начертанном по этому случаю, соединены с нею основания университета; первый российский университет существовал уже в уме Петра». ²¹ Яснее не скажешь: основание Университета в северной столице — дело ума и рук Петра Великого. Никитенко поясняет, что «до времени он (Петр I. — *Авт.*) слил две формы высшего образования в одну, потому что того требовали современные ему нужды государственные». В чем причина столь необычного «слияния»? Никитенко пытается объяснить странную форму созданного Петром Университета «обширностью и пронизательностью» ума императора, его желанием догнать европейские державы в деле просвещения. Это невозможно оспорить. В условиях, когда «младых людей», способных воспринять современные высшие науки, вырастить было нелегко, иначе как при Академии наук, учреждение при ней Университета с «кормилицей»-Гимназией было не только счастливым, но и единственно верным решением великого царя-реформатора.

Впечатляющим финалом речи Никитенко стали слова, опять-таки прославлявшие единство действий прапрадеда и праправнука. «О, пусть всегда сердца наши молятся, — намечал, видимо, воскликнуть в этом месте профессор, — да будет Россия Петра тем, чем хотел ее сделать Петр и чем делает ее тот (здесь докладчик имел в виду Николая I. — *Авт.*), кому провидение достойно и праведно вверило довершение его подвига... чтобы дух Петра возрадовался, и августейший наследник его мог сказать: "они достойны быть его и моими детьми!"». ²² Сорок лет спустя после Торжественного акта ординарный академик А. Ф. Бычков, обращаясь к этим событиям, писал в академическом отчете: «Акт 1838 года остался памятным по блестящему, произнесенному им (Никитенко — *Авт.*) похвальному слову Петру Великому... Значение Петра Великого было определено Никитенко чрезвычайно верно... он выразил истину, ко-

торую едва ли кто будет теперь осларивать». ²³

Тогда, в 1838 г., речь Никитенко о Петре I, основателе Петербургского университета, была подготовлена в форме похвального слова. Она эмоциональна и многословна, но бедна конкретными примерами, ссылками на документы о деятельности Университета. Однако надо представлять, что история Петербургского университета, как и всей Академии наук, не была разработана, многие документы из академических хранилищ были даже еще не описаны и оставались неизвестными для исследователей.

Лишь тридцать лет спустя в Отчете по отделению русского языка и словесности Академии наук за 1866 г. Никитенко, оценивая успехи академика П. П. Пекарского как историка Петербургского университета, с приятным удивлением писал о новых для познания истории российского образования фактах. Никитенко удивлялся, например, тому, что сегодня хорошо известно, а именно тому, что во время заведования Академическим университетом и Гимназией С. П. Крашенинникова, с 1750 по 1756 год, в них воспитывалось «от 100 до 150 молодых людей разного звания. Из них вышли замечательные лица, с честью действовавшие на ученом, педагогическом, литературном, а некоторые и на государственном поприщах, каковы: Котельников, Протасов, Румовский, Теплов, Козицкий, Лепехин, Иноходцев, Поленов, первый писавший о необходимости освобождения крестьян, Княжнин, известный драматург, и бывшие одними из лучших профессоров в возникавшем тогда Московском университете, Поповский и Барсов». ²⁴

После Торжественного акта 1838 г. стали известны новые факты и опубликованы документы, подтверждающие преемственность университетского образования в столице в XVIII—XIX вв. Это работы П. П. Пекарского, ²⁵ Д. А. Толстого, ²⁶ а также публикации архивных документов. ²⁷ Историографическая же ситуация к 1838 г. сложилась таким образом, что именно докладчики на Торжественном заседании следует признать основоположниками того направления в изучении истории Санкт-Петербургского университета, которое отстаивает идею непрерывности развития университетского образования в Петербурге с 1724 г. В одном ряду с ними стоит имя и профессора П. А. Плетнева, хотя он и не значится в числе ораторов на Торжественном заседании 1838 г.

В существующей научной литературе П. А. Плетнев известен прежде всего как критик, публицист, издатель «Современника», друг А. Пушкина, Н. Гоголя, В. Жуковского. В орбите дружеских связей Плетнева известны такие выдающиеся деятели

культуры, как И. Крылов, Я. Грот, П. Кулиш, Н. Гнедич, В. Кюхельбекер, Г. Квитка-Основьяненко, П. Вяземский, А. Ишимова, Е. Баратынский и многие другие. Свой путь в науку после окончания Главного Педагогического института Плетнев начал со службы в 1814–1830 гг. в должности учителя истории и математики в Екатерининском институте. И лишь постепенно основным предметом интересов Плетнева стали русский язык и литература. Его заслуги на этом поприще стали общепризнанными в столичном обществе. Он преподавал в Главном Педагогическом институте и Университете, был избран ординарным академиком Санкт-Петербургской Академии наук. О Плетневе как преподавателе, любимце студенчества были самые лестные отзывы — спокойный, доброжелательный, умеющий новаторски организовать занятия со своими слушателями, предоставляя им возможность быть активными участниками учебной работы. Организуя живые обсуждения проблем литературы, Плетнев был настоящим первопроходцем в области методики преподавания. Еще в бытность студентом П. Ершов получил возможность на его занятиях читать своего «Конька-Горбунка». Педагогическое мастерство Плетнева было известно и признано даже первенствующей семьей в России: будущему императору Александру Николаевичу (до 1837 г.) и его сестрам (до 1845 г.) он преподавал русскую словесность, отбирал книги для чтения.²⁸

Большое значение в культурной жизни столицы имели встречи творческой интеллигенции на квартире Плетнева в ректорском флигеле Университета.²⁹

Однако служебным занятиям Плетнева — педагога, академика, ректора Университета, общественного деятеля — исследователями до настоящего времени не уделено достаточного внимания. Между тем, в архивохранилищах Санкт-Петербурга сосредоточены многочисленные документальные материалы, раскрывающие и эту сторону жизни Плетнева.³⁰ Важное значение для понимания незаурядной личности Плетнева имеет и активная поддержка им творческой деятельности российских женщин-писательниц А. П. Зонтаг, А. О. Ишиимовой, Е. П. Ростопчиной, Н. Кохановской (Н. С. Соханской). В чем причина такого внимания и необыкновенной заботы о творчестве женщин? Ответ кроется в особенностях личности и мировосприятия Плетнева или в увлеченности западноевропейской литературой и философией? А возможно, внимание литературоведа и педагога Плетнева к женскому творчеству было обусловлено подъемом женского движения в самой России.

Таким образом, в свете документальных источников 30–40-х

годов XIX в. Плетнев предстает перед нами как личность активная, обладающая широким кругозором. Перегруженность интересами в области филологии, истории, педагогики, журналистики иногда была объектом критических замечаний его биографов, да и сам Плетнев часто досадовал на себя за неспособность решительно отказаться от предложений, одолевавших его со всех сторон. «Вовлеченный постепенно, благодаря своему благодушию и услужливости в эту непрерывную хлопотливую деятельность, не дававшую ему возможности опомниться и вздохнуть, — пишет его биограф Я. К. Грот, — Плетнев страшно тяготился своим удрученным делами и заботами положением; часто жаловался и чуть не проклинал свою судьбу, но сбросить с себя это бремя был не в силах».³¹

Существенное значение для понимания позиции Плетнева в вопросах университетской истории имеет не только его активная деятельность в должности ординарного академика, профессора или издателя «Современника», но и то обстоятельство, что он, этот «мученик долга», в феврале 1840 г. был утвержден на ректорство, обычный четырехлетний срок которого продлевался Плетневу не единожды. Лишь мощные выступления студенчества Петербургского университета осенью-зимой 1861-1862 гг. вынудили Плетнева подать в отставку.

Ко времени его ухода с должности руководителя Университета во внутренней политике произошли большие перемены: умер Николай I, Россия потерпела поражение в Крымской войне, полным ходом шла подготовка крестьянской реформы, 19 февраля 1861 г. Александром II были подписаны документы, уничтожившие великое зло России — крепостное право. Плетнев же на посту ректора удержался в сложную эпоху николаевского царствования. При этом о себе он оставил добрую память, не запятнав ее бесчестными поступками. Более того, в пору гонений на университеты в России (после 1848 г.) Плетнев оказался едва ли не идеальным наставником молодежи. В условиях, когда студентов отчисляли за опоздания на занятия, небрежность в одежде, академические упущения, а преподавателей — за отступления от текста утвержденных лекций, Плетнев часто брал удар на себя, защищая и тех и других.

Для нас большую ценность имеют занятия Плетнева историей Университета. Эти занятия нашли отражение в его статьях; заметках, переписке, отчетах о состоянии и развитии системы высшего образования в России в сравнении с учебными заведениями Западной Европы, Плетневым была дана оценка деятельности многих университетских профессоров. Как ректор Плетнев брал на себя труд составления и чтения ежегодных

отчетов о деятельности Петербургского университета. По мнению Я. К. Грота, эти работы Плетнева, «богатые сведениями для истории русского просвещения 40–50-х годов, будут всегда служить свидетельством редкого умения выполнять с возможным тактом, ловкостью и оживлением задачи труда сухого и неблагодарного». ³²

Создавая творческие портреты лиц, бывших членами Университета и Академии наук, Плетнев осознавал сам, что его работы как исторические источники имеют различную ценность — так же различны были и сами их герои. Однако Плетневу были присущи в высшей степени такт и доброжелательность в оценках. Отдельным изданием были выпущены его ежегодные отчеты о деятельности Университета за пять лет (с 1840 по 1845 г.), здесь же находится и его работа «Первое двадцатипятилетие Императорского Санкт-Петербургского университета». По всему видно, что Плетнев — это и неутомимый бытописатель Университета. Он был глубоким знатоком университетской истории. Другое дело, насколько ясно и однозначно позволяли ему высказываться обстоятельства.

Несомненный интерес представляет точка зрения Плетнева на непрерывность развития университетского образования в Петербурге в XVIII и XIX вв.

Плетнев вполне определенно заявил о своей позиции по отношению к дате основания Университета в Петербурге в статье «Перемещение университета в Санкт-Петербурге», опубликованной в издаваемом им журнале «Современник» (1838. № 7). В этой статье Плетнев описывает обстановку накануне «перемещения», оформление помещений Университета, освящение церкви Петра и Павла, которое состоялось еще в 1837 г., некоторые подробности посещения Университета 14 марта императором Николаем I и 19 апреля — наследником престола Александром Николаевичем. Плетнев проводит мысль об особом значении монаршей милости как для развития просвещения в России, так и для непрерывной истории университетского образования в Петербурге. Он пишет: «Заведение, по идее Петра Великого возникнувшее вместе с Академией наук и существовавшее нераздельно с нею до времен Екатерины II, Санкт-Петербургский университет должен был перейти множество степеней и подвергнуться разным видоизменениям прежде, нежели священная воля благополучно царствующего императора возвела его на нынешнюю блестящую чреду. По своему педагогическому влиянию на все наши ученые и учебные заведения, Санкт-Петербургский университет может назваться рассадником европейского образования в России». ³³

Описав последовательные превращения Университета в Петербурге в Учительскую семинарию, в Педагогический институт и снова в Университет, Плетнев пришел к такому выводу: «В продолжение ста лет переходя из одного устройства в другое, но преимущественно имея в виду педагогическую цель свою во исполнение мысли великого преобразователя России, Санкт-Петербургский университет доставил отечеству прямо на учебную службу тысячу человек из своих воспитанников».³⁴

Центральная мысль статьи — о том, что Санкт-Петербургский университет был учрежден и действовал во исполнение мысли великого преобразователя — не была ни случайной, ни принадлежавшей лично Плетневу. Современная наука с полным основанием отмечает, что образ Петра Великого был средством постоянной персонификации русской мощи в монархической, особенно николаевской риторике («на “пращура” был — с надлежащими “приличиями” в аналогиях — ориентирован и официальный образ Николая Павловича»,³⁵ который с одобрением отнесся к присвоению ему журналистикой имени «Петра Великого XIX столетия»).

Возможность аналогии «Петр Великий — Николай I» поддержал и А. С. Пушкин своим призывом: «Во всем будь пращуру подобен...» («Стансы»). Николай I заявлял, что Петр I должен в веках оставаться «предметом благоговения и любви».³⁶ Плетнев конкретно написал о том, в чем прослеживается преемственность в истории университетского образования: «Их (т. е. питомцев Университета. — *Авт.*) труды памятливы не одним преподаванием наук, но и составлением лучших руководств по всем частям. Ученое сословие нынешнего Университета в Санкт-Петербурге, за исключением нескольких лиц, образовалось в этом же заведении». Не правда ли, местами статья Плетнева почти дословно совпадает с докладом И. П. Шульгина, о котором говорилось выше?

Но у Плетнева есть и собственные утверждения, отсутствующие в докладах на Торжественном акте. Так, он убежден, что «не восходя к первой половине существования Университета, когда он был не вполне самостоятельным заведением, а находился в системе Академии наук, нельзя остановить внимание на судьбе его в последнее пятидесятилетие».³⁷ Как видим, все формы развития Университета в Петербурге, все этапы его существования на протяжении 115 лет ко времени Торжественного акта 1838 г. Плетнев воспринимает как эволюцию одного и того же учебного заведения в столице. Он пишет: «Новые черты дополняют и сильнее обозначают физиономию нынешнего Университета, потому что самая жизнь его разностороннее и, так

сказать, обширнее. Но что прекрасного ему сообщено уже историей его, то без сомнения остается в нем неизменным». ³⁸

На протяжении ряда лет, следовавших за этой статьей в «Современнике», и особенно в те годы, когда Плетнев в должности ректора был обременен дополнительными обязанностями, его интерес к истории Петербургского университета не иссяк.

Завершая анализ Торжественного акта в Петербургском университете 1838 г., считаем необходимым обратить внимание, что среди мероприятий, подготовленных к этому событию, было еще одно, с нашей точки зрения, весьма важное для утверждения идеи непрерывного развития университетского образования от Петра I до Николая I. Речь идет о медали, выпущенной к Торжественному акту 1838 г. Выпуск юбилейных медалей был достаточно распространен в культурной и общественной жизни XIX в. Традиция эта восходила еще к Петровским временам. Столица славилась выдающимися мастерами медальерного искусства, которые готовились в Академии художеств. Естественно, что изготовление медалей по случаю торжеств или юбилеев, связанных с событиями в государственном учреждении, не могло быть делом частным. Определение смыслового содержания медали, идеологической нагрузки изображений и надписей на ней чаще всего становилось прерогативой верховной власти.

Памятную медаль было решено выпустить и в честь переезда Университета в отремонтированное здание на стрелке Васильевского острова. По словам историка В. В. Григорьева, в память водворения Университета «в здании, служившем ему колыбелью, выбита была медаль с портретом Петра Великого на одной стороне, а на другой — с олицетворенным изображением России, указывающей на 1724 и 1835 годы и надписью вокруг «единым вдохновением»». ³⁹ Именно поэтому слова о единстве просвещенного вдохновения многократно раздавались в Актовом зале Университета 26 марта 1838 г. А даты указывали на подлинные события университетской истории — дату положившего Университету начало указа Петра I и дату Университетского устава Николая I. К реализации идеи об изготовлении медали приступили в 1837 г.

Сама же идея возникла еще раньше, как видно из письма попечителя Санкт-Петербургского учебного округа кн. М. А. Дондукова-Корсакова, в непосредственном подчинении которого был Университет. Он писал 20 января 1836 г. министру народного просвещения С. С. Уварову: «По приглашению моему Вице-президент Императорской Академии художеств граф Толстой составил на сей предмет рисунок медали с изображением на од-

ной стороне профилей государя императора Петра I, великого преобразователя России, и ныне благополучно царствующего императора Николая Павловича, а на другой — России в аллегорическом образе женщины, держащей щит. На первой стороне около голов приличною надписью могли бы быть слова: «единым вдохновением», а на последней, на щиту изобразить 1700–1835, так как в первом — состоялось первое постановление Петра Великого, относящееся к просвещению нашего отечества, именно грамота, данная Амстердамскому жителю Тессингу о печатании ему в Голландии земных и морских карт, чертежей и прочего и о привозе оных на продажу в Россию, а во второй последовало Высочайшее утверждение общего Устава Императорских Российских университетов, упрочившее их будущее положение». ⁴⁰ Опуская странную под пером попечителя учебного округа мысль о том, будто грамота, «данная Амстердамскому жителю Тессингу», может восприниматься как некая дата в истории высшего просвещения в нашем отечестве, отметим, что, как явствует из описания, в изображениях на медали присутствует та же сверхзадача, что и в организации Торжественного акта. Любопытно, однако, что описание медали было представлено министром С. С. Уваровым на утверждение императору, и он произвел в нем некоторые изменения, положив 24 января 1837 г. следующую резолюцию: «Моего лица не изображать». ⁴¹ Это выражение высочайшей воли было исполнено неукоснительно. Попечитель писал: «Я имел совещание с Вице-президентом Академии Художеств гр. Толстым и, согласно с мнением его, полагаю, на той стороне медали, где полагалось изобразить два профиля портретов, оставить одно изображение Петра I, и надпись около голов «единым вдохновением» перенести на другую сторону, где она прилично будет относиться к годам 1700–1835, которые должны быть означены на щите и могут быть расположены около аллегорического изображения России». ⁴²

Здесь же есть дополнительные подробности о работе с медалью. «При этом случае, — продолжает попечитель, — по рекомендации гр. Толстого имел также совещание с академиком Лялиным о гравировании штемпеля для сей медали, который, по убеждению моему, согласился принять на себя эту работу за две тысячи рублей».

Первые несколько десятков экземпляров юбилейной медали были подготовлены лишь к 24 марта 1838 г. и выданы под расписку Лялину. Разумеется, это были те экземпляры, которые были вручены вместе с отпечатанными докладами И. П. Шульгина, А. В. Никитенко и Ф. Б. Грефе участникам Торжественного

акта в Университете. Не все медали были изготовлены из одного металла. За 7 золотых, 60 серебряных и 400 бронзовых экземпляров Министерство народного просвещения уплатило Монетному двору 5589 рублей 54 копейки. Однако позднее для Педагогического института было изготовлено к 29 апреля 1839 г. еще 40 серебряных и 40 бронзовых медалей, которые были вручены соответственно: первые — профессорам, а вторые — студентам.⁴³

Относящиеся к изготовлению медали сведения из архивных документов свидетельствуют не только о деталях работы, но и о том обстоятельстве, что история, точнее предыстория, Петербургского университета была почти неизвестна, если за точку ее отсчета принят 1700 г. Понятно, что дата эта определена была неудачно. Следовало бы в таком случае указать на другие события, предшествовавшие созданию в Петербурге Академии, Университета и Гимназии. Например, П. Пекарский считал, что впервые Петр I заявил о необходимости учреждения в России «Всеучилища-Академии» в разговоре с патриархом Адрианом еще осенью 1698 или 1699 года по возвращении из первого путешествия по Европе.⁴⁴

Многозначительно и то, что в очерках по истории Университета В. В. Григорьева, процитированных выше, нет никакой опечатки. Действительно, на подлинниках медали, хранящихся в Отделе нумизматики Государственного Эрмитажа, стоит дата основания Университета «1724». Нет никакого сомнения в том, что изменить дату на рисунке, уже утвержденном императором, возможно было лишь при достаточно веских основаниях.⁴⁵

Дата, выбранная для ежегодных торжественных актов в марте, также свидетельствовала, что дата подписания Указа Александра I «Об организации Университета в Петербурге» (8 февраля 1819 г.) не воспринималась как дата основания Университета. Все последующие годы торжественные заседания проводили в начале весны. На вопрос Я. К. Грота о причине выбора даты именно в марте П. А. Плетнев писал, что «акт 25 марта бывает в память переселения в нынешнее здание. Министр сам предложил государю, чтобы в этот день бывали торжественные наши годовичные собрания».⁴⁶ И так происходило во все последующие годы до 1844 г., когда впервые было торжественно отмечено «8 февраля 1819 г.» и отпразднован «25-летний юбилей» Университета. Как же пришли к этой дате? Чтобы это произошло, надо было отказаться от прежнего убеждения о единстве истории Университета в Петербурге с 1724 г.

Такой отказ произошел не сразу. Первоначально ничто не предвещало, что будут створены

более ста лет университетской истории в Петербурге. К концу 1839 г. Плетнев был избран ректором, а в начале следующего года он был утвержден Министерством в этой должности. Уход с поста ректора И. П. Шульгина, по слухам, связывали с его якобы неуживчивым характером и несговорчивостью с подчиненными. Однако в это трудно поверить — с начальственных постов уходят за несогласие с вышестоящим начальством.

В жизни Плетнева существенно увеличился круг обязанностей. От всех ранее существовавших обязанностей он также не был освобожден. Это были прежде всего занятия в Академии наук, в редакции журнала «Современник», преподавательская служба в царской семье, педагогическая деятельность в Университете. Теперь Плетнев уже сам активно участвовал в подготовке мартовских торжественных актов и ежегодно выступал на них с отчетом о деятельности Университета. По недостатку времени готовился он к своим отчетам наспех, часто всего лишь за несколько суток до заседания и поэтому часто бывал собой недоволен. Многие детали его настроения, отношения к собственным речам-отчетам нашли отражение в его письмах. Вот некоторые фрагменты из писем: «Сию минуту отправляюсь на акт. Вчера кончил отчет в часу третьем... В отчете вышло 9 писанных листов. Давно не валял столько». «Все утро продолжал отчет, а уехал недалеко... опять отчет... опять встал в 5 часов и к счастью все благополучно кончилось вовремя».⁴⁷

В результате знакомства со столь самоуничижительными отзывами Плетнева может создаться впечатление, что нечего ждать от него нового и серьезного по истории Университета. Ведь речь о человеке, который, заканчивая работу над отчетом, переходит через двор Университета из ректорского флигеля в парадном профессорском мундире, чтобы прочесть скучную писанину. Однако такое представление будет ошибочным. Среди ежедневных тягот, среди обыденной суеты Плетнев не оставлял заинтересовавших его занятий историей Университета.

Всем, кто не формально изучал историю Университета, известно, что на университетском акте 1844 г., который впервые состоялся 8 февраля, а не 25 марта, как это было прежде, Плетнев в трехчасовой своей речи «Первое двадцатипятилетие императорского Санкт-Петербургского университета»⁴⁸ отошел от взглядов на историю Университета, опубликованных в его статье от 1838 г. в журнале «Современник».

Под влиянием каких обстоятельств, документов и, возможно, пожеланий «свыше» произошла эволюция взглядов Плетнева на историю Университета в столице? Как готовился к Торжественному акту в 1844 г. ректор и к каким результатам пришел? Его

речь 8 апреля 1844 г. свидетельствует о том, что отношение к Петру I, к жизни и деятельности Университета в XVIII в. изменилось.

Все события, связанные с замыслом Петра I об университетском образовании, о становлении Университета в Петербурге в составе Академии наук, о его служении России — «отечеству во славу», столь пышно прославленные и в речах на заседании 26 марта 1838 г., и в содержании юбилейной медали, и в публикациях периодических изданий, и в праздничном оформлении Университета, в речи Плетнева 8 февраля 1844 г. полностью отсутствовали.

В фондах Санкт-Петербургского филиала архива Академии наук, в Рукописном отделе Института Русской литературы РАН сохранились документы, свидетельствующие, что путь к изменению позиции Плетнева был непростым и неслучайным. Первоначально ученый был охвачен другими замыслами, которые должны были дополнить картину истории университетской жизни в XVIII в., но эти планы не удалось осуществить.

Возможно, в этом не последнюю роль сыграл и С. С. Уваров, который всегда связывал возобновление деятельности Университета в Петербурге со своим именем. Позднее, в статье, посвященной памяти бывшего министра народного просвещения, Плетнев писал, основываясь, видимо, на словах самого Уварова, как «он (т. е. Уваров. — *Авт.*) приготавливался уже к открытию Восточных кафедр в тогдашнем Главном Педагогическом институте, из которого, по его предначертанию, через год возник здешний Университет».⁴⁹ Слова «по его предначертанию» свидетельствуют о многом. И о том, в частности, что за Уваровым и после ухода из жизни, а не только с поста министра, сохранилась репутация «творца» столичного Университета, по крайней мере, в ученых кругах. В то же время Уваров был чутким царедворцем и без ослабления интереса самого Николая I к роли наследника Петра Великого не решился бы указывать на собственные исключительные заслуги.

Современная литература констатирует перемену отношения российских «верхов» к Петру I, относя эту перемену ко времени после Крымской войны. Знаток эпохи Н. Г. Сладкевич считал показательной характеристику А. Милюковым в журнале «Свечеч» Петра I как деятеля, ниспровергшего, якобы, подобно Конвенту, немало того, «что могло бы еще держаться, даже то, что совсем не следовало бы разрушать», и замечание журналиста о ненужной ломке как вообще «обыкновенном зле революций».⁵⁰ Отмечалось, что в пореформенное время на увлечение Петра I «мечтательными целями» и применение им средств, не совмест-

ных «с нормальным течением народной жизни», не терпящей рывков и встрясок, указывал и консервативный автор критического разбора сочинений С. М. Соловьева в 1867 г.⁵¹

Необходимо констатировать: отказ Николая I от всякой «революции сверху», его поворот от «просвещенного» курса к непросвещенному следует датировать гораздо более ранним временем — первой половиной 1840-х годов; попытка переписать историю Петербургского университета в 1844 г. — одно из частных проявлений этого поворота.

Сохранившиеся документы свидетельствуют, что к празднованию Торжественного акта 1844 г. Плетнев готовился с размахом, обстоятельно, с опорой на доказательства, хранящиеся в архивах. Замысел Плетнева и начало подготовки относятся, вероятно, еще к весне 1842 г. Тогда же было решено юбилей праздновать не 25 марта, а 8 февраля. Это явствует из документа, который называется «Предложение 6 апреля 1842 года, внесенное в Совет императорского Санкт-Петербургского университета ректором Университета Плетневым о составлении истории Университета». Это — писарская копия, она предназначалась для распространения среди членов Совета и руководителей подразделений Университета. В нескольких абзацах сотрудникам было дано задание собрать всевозможные документы и материалы по истории подведомственных им кафедр и факультетов, «не выходя за пределы последних 25 лет», ибо «8 февраля 1844 года предполагается в Университете акт (вместо обыкновенно бывающего ежегодно 25 марта) и с приглашением на оный рассылается по печатному экземпляру "Истории Университета"». ⁵² Далее в тексте документа есть фразы, информирующие членов университетского Совета о том, что к этому событию испрашивалось высочайшее разрешение «украсить историю Университета высочайшим именем его императорского величества». Может быть, в этом желании «украсить историю Университета высочайшим именем» и кроется ответ на вопрос о причине усечения истории Петербургского университета до 25 лет? В случае же, если основателем называть Петра, а Университет именовать «николаевским», постоянно возникали бы затруднения и не только стилистического свойства.

Употребление глагола «испрашивалось» в прошедшем времени дает основание предположить, что Николай I не возражал против новой даты «8 февраля», но не дал согласия на использование своего имени в названии Университета. Можно было бы употребить имя Александра I, но оно уже было использовано в названии Гельсингфорского университета.

Первоначально, как свидетельствуют документы, Плетнев

шение к
в. изме-
ерситет-
ербурге
ечеству
седании
в публи-
омлении
ностью
адемии
ратуры
путь к
айным.
и, кото-
етской
варов,
нивер-
е, по-
щения,
Ува-
к от-
огиче-
ез год
черта-
что за
истра,
та, по
л чут-
ая I к
ть на
пения
мени
нители
«Св
Код
о, что
ста
й».
тра I
мес

2019/9/1 12:51

намеревался провести серьезное научное исследование по истории Петербургского университета в XVIII в. Для этой цели им была разработана обширная и подробная программа, охватывающая практически все стороны жизни и деятельности учебного заведения. Она свидетельствует о том, насколько глубоким был интерес Плетнева к истории Университета и как он верно, хотя часто интуитивно, в ней ориентировался. Программа была изложена Плетневым 10 октября 1842 г. в письме неперемому секретарю Академии наук П. Н. Фуссу, где содержалась просьба предоставить в его распоряжение документы о жизни и деятельности Университета за первое столетие его существования. Принимая во внимание состояние в академическом архиве испрашиваемых Плетневым документов, их неразобранность, недостаток времени для исследовательских занятий, можно предположить, сколь сложную, практически невыполнимую задачу ставил перед собой ученый. Грандиозность замысла состояла в желании создать историю Петербургского университета с 1724 по 1840-е годы. «Собирая материалы для истории нынешнего Санкт-Петербургского университета, — писал Плетнев П. Н. Фуссу о своих планах, — я считаю необходимым для полноты истории связать начало и ход этого заведения с прежним заведением, носившим с ним одно имя». ⁵³ Еще Плетнев сообщил Фуссу, что ему известны некоторые документы о деятельности Петербургского университета в XVIII в. (указ Елизаветы от 24 июля 1747 г. [ПСЗ. Т. XII. № 9425], об Университете в составе Академии наук и указ Екатерины II от 2 марта [ПСЗ. Т. XVI. № 11766] об отделении от Университета Академии Художеств).

Сам Плетнев, отсылая свою письменную просьбу Фуссу о сборе документов, сомневался (и не без основания) в быстрой возможности ее исполнения: «Буде их собрать возможно». В то же время он отправлял с письмом некий план для собирания источников по важнейшим направлениям предлагаемой работы. Плетнева занимали сведения по следующим вопросам истории Петербургского университета в XVIII в:

1. Имена лиц, первоначально избранных в Университете при Академии, с означением, кто какую науку преподавал.
2. Замещение их новыми профессорами до тех пор, пока существовал Университет при Академии.
3. Книги, изданные в свет сими профессорами.
4. Годичные программы их курсов наподобие Университетских объявлений, ныне печатаемых при начале всякого академического года.
5. Акты или другие торжественные собрания, с объяснением, в чем они состояли.

6. Протоколы конференций или других совещательных собраний Университета.
7. Разделение профессоров на отделения в роде факультетов.
8. Возведение лиц, отлично успевших, в ученые степени.
9. Перемены в ученом и административном состоянии Университета.
10. Постепенности упадка или других причин, в силу чего он был закрыт.
11. Время и другие подробности его закрытия.
12. Судьба лиц ученых и административных с уничтожением Университета.
13. Замена, взятая правительством, для высшего образования молодых людей.
14. Отношение Университета к Главному Народному в С.-Петербурге училищу.
15. Отношение Главного Народного училища к Учительской семинарии.
16. Время открытия и закрытия обоих последних училищ.
17. Отношение Учительской семинарии к Учительскому (Педагогическому) институту». ⁵⁴

Этот план весьма обширен: по каждому из 17 вопросов можно было бы подготовить отдельную исследовательскую работу. Напомним, что в первой четверти XIX в. не было еще сочинений по истории Университета и Академии наук, отсутствовали и публикации документальных материалов. Историки той поры считали, что в царствование Екатерины II Университет был преобразован в Учительскую семинарию. Сегодня известно, что события разворачивались иначе: и гимназическое, и университетское, и семинарское обучение существовало и развивалось в Петербурге одновременно вплоть до начала XIX в. Некоторые подробности этого процесса нашли отражение в работах, посвященных истории Университета и ученой деятельности выдающегося организатора российской науки княгини Е. Р. Дашковой. ⁵⁵

В предыдущих главах было показано, что после смерти Ломоносова Университет в Петербурге продолжал существовать, а учебный процесс в Академии наук не прерывался на сколько-нибудь длительное время. Да и трудно представить себе, чтобы в абсолютной монархии, какой была Российская империя, могли самоликвидироваться или же быть закрыты без волеизъявления верховной власти имперские учреждения.

Выше отмечалось, что в архиве Академии наук хранится документ, дающий полную уверенность в том, что Университет и Гимназия в Петербурге не исчезли, а были реорганизованы

и слиты в единое учебное заведение, которое просуществовало под именем «Академического всеучилища» до появления нового устава Санкт-Петербургской академии наук в 1803 г.

Напомним содержание этого документа, который называется «Объяснение об Университете и Гимназии». Речь идет о времени в истории Петербургского университета после смерти его прославленного ректора М. В. Ломоносова. Учебное заведение, к управлению которым пришли иные люди, без надлежащей заинтересованности и навыков руководства, по всем меркам находилось в упадке, но не исчезло, не перестало существовать и не было ликвидировано. Университетские студенты были «по желанию их Его Сиятельством графом Владимиром Григорьевичем Орловым все уволены от Академии и для слушания у профессоров и академиков лекций выбраны были некоторые из взрослых воспитанников и некоторые из них приданы были академикам для особого наставления. По смерти профессоров философии и физики Брауна, древности и истории Фишера, предписано было логику читать бывшему при Гимназии Инспектору Бакмейстеру, древности и латинских авторов толковать бывшему при Гимназии конректору Штриттеру, между тем преподаваемы были наставления в математике, химии, анатомии и истории натуральной, так что хотя Гимназия и Университет, применяясь ко вновь сочиненному Уставу, и назывались одним именем «Училище Академии», но составлявшие оное воспитанники обучались большему числу наук, нежели в Регламенте об Университете предписано (имеется в виду Устав 1747 г. — *Авт.*), и таким наипаче, кои по вновь сочиненному Уставу нужны были Академии».⁵⁶

Оценивая позицию И. П. Шульгина и П. А. Плетнева в вопросе преемственности университетского образования, надо иметь в виду, что этот документ не был им известен. Они и некоторые другие историки придерживались мнения, что основанный Петром Великим Университет после смерти М. В. Ломоносова в 1765 г. был преобразован в Учительскую семинарию. Например, этому посвящены пункты под номером 11, 14, 15, 16 и 17 в письме Плетнева к Фуссу. Судя по интенсивности упоминаний Плетневым о своей работе над документами по истории Петербургского университета, видно, что он уже в 1842 г., за два года до предположенного юбилея, непрерывно изучает документы и переписку по истории Университета. Эта тема постоянно присутствует и в его письмах к Я. К. Гроту. Так, Плетнев пишет: «Понедельник, 19 октября 1842 г. Мы с Александрой Осиповной (Ишимовой. — *Авт.*) читали рукописи историографа Миллера «История Академии наук». Сколько тут интересного, и

как жаль, что тебя здесь нет! То-то бы ты ее продрал. Я взял ее для материалов к истории нашего Университета». И через день снова к тому же адресату: «Вторник, 20 октября... а мы опять читали Миллера. Сколько интересных вещей, Боже мой!»⁵⁷

К сожалению, Плетнев не указывает, какие именно места в работе Миллера⁵⁸ содержат «интересные вещи» и в чем заключается «интерес». Эта скупость в оценках исторических материалов, имевшихся в распоряжении Плетнева при подготовке к выступлению на февральском акте 1844 г., прослеживается в его дальнейшей переписке с Гротом. Ровно за год до ожидаемого юбилейного акта, 18 февраля 1843 г. Плетнев написал Гроту: «Уже поступают ко мне материалы для истории 25-летия Университета, и вид их начинает меня пугать. С другой стороны, скоро будет и 25 марта, к которому надо приготовить отчет».⁵⁹

Историческое сочинение Плетнева «Первое двадцатипятилетие императорского Санкт-Петербургского университета...» было подготовлено к назначенному сроку. Хотя, как и другие выступления Плетнева, работа завершилась в большой спешке. Идея этой работы была иной, нежели идея отчета И. Шульгина на Акте 1838 г. и в его же статье в журнале «Современник». Теперь нужно было завуалировать то, что утверждалось несколько лет назад об основании Университета в Петербурге Петром I в 1724 г.

В своей новой работе по истории Университета Плетнев уделил событиям в учебной и научной жизни XVIII в. намного меньше внимания, чем делал это прежде. Он все относящееся к этому периоду уместил в одном абзаце, хотя эта его работа, не в пример прежним, была более солидной по объему — состояла из 277 страниц. Просветительская деятельность Академии, Университета и Гимназии была сведена к единственной фразе, отрицавшей все сказанное ранее самим Плетневым, Шульгиным и их единомышленниками: «При Санкт-Петербургской Императорской Академии наук, со времени ее основания в 1725 году, находилась Гимназия, которая до 1762 года называлась Университетом».⁶⁰

В этой одной фразе — и ошибки в датировке и названиях упоминаемых учреждений, и нежелание вести речь об истории Петербургского университета за пределами последних двадцати пяти лет. Что же принуждало Плетнева к столь кардинальному изменению взглядов?

Снова обратимся к переписке Плетнева и Грота. Из нее отчетливо вырисовывается нервозность накануне юбилейных торжеств: выверяли слова и чистили мундиры в ожидании высоких гостей, ожидали новых наград, скандалили в заседаниях;

но было и нечто необъяснимое современниками. «Пятница (4 февраля). Бурное заседание в совете (Университета. — Авт.) по случаю выбора на вакансию ординарного профессора... — пишет Плетнев Гроту. — Митрополит вздумал было просить перемены дня нашего акта. Но Уваров не согласился, чему я был очень рад».⁶¹ Вот почему дата проведения университетских заседаний с марта месяца перенесена на 8 февраля? Но почему, несмотря на просьбу митрополита, ее отстаивает Уваров, а Плетнев радуется неуступчивости министра?

Новые трудности возникли через четыре дня: было много хлопот, много гостей, митрополит устроил крестоцелование для студентов. Этого не было еще несколько лет назад, более жестким стало настроение, что-то всех явно тревожит, хотя ничего конкретно не названо, источники не дают никаких объяснений. «Вторник (8 февраля). Акт. В 10 утра приехал митрополит и служил в нашей церкви обедню и молебен. Уваров был болен. За обедней был Шихматов, Волконский, профессора, много студентов и посторонних». Митрополит использовал обедню, служимую им в присутствии начальства и профессоров в воспитательных целях, — «митрополит всем студентам давал целовать крест». После небольшого перерыва, во время которого митрополита поили чаем, началось главное событие 25-летнего юбилея — читался указ императора о новых наградах.

В письме Плетнева Гроту несколько слов особенно ценны для понимания той ситуации, которая вынуждала ректора в своем юбилейном сочинении отбросить все, что относилось к предшествующей истории столичного центра высшего просвещения, все, что он еще недавно в своих прежних работах так красочно и убедительно излагал, все, что так подробно освещали доступные уже к тому времени архивные документы. «Я читал, — продолжал в своем письме Плетнев, — свою историю ровно три часа. Ужасно длинна. Но нельзя было ничего выкинуть, ибо все касается до лиц и их служения».⁶² Как много значили в делах Плетнева и как решительно влияли на его поступки «лица и их служение»! Они определили тон и форму изложения истории Университета, и ее содержание, и хронологию событий, и аргументы исторического сочинения, которые на много лет отодвинули в тень иное, достоверное понимание истории Петербургского университета.

Плетнев подготовил «Историческую записку», которая насаждала ошибочное представление об истории основания и деятельности в XVIII в. Петербургского университета. Более ранняя статья его, опубликованная в «Современнике», осталась в тени, и исследователи не обращались к ней в XIX–XX вв. Но

имел ли ректор Плетнев в 1844 г. возможность хотя бы повто-
рить то, что им уже было сказано? Вопрос не риторический.
Его задал себе современник Плетнева и участник Торжествен-
ного акта в Университете в 1838 г. профессор А. В. Никитенко.
Он всегда был внимательным наблюдателем и заметил отсту-
пление Плетнева от прежней концепции происхождения Петер-
бургского университета, связывавшей историю учебного заве-
дения с именем его действительного основателя — Петра I. Ведь
Никитенко сам, как мы знаем, в 1838 г. готовил речь на эту тему
вместе с Шульгиным, Грефе и Плетневым. Поэтому с неизбеж-
ной иронией и горечью он записал в своем «Дневнике» о высту-
плении Плетнева в 1844 г.: «Ректор три часа и восемнадцать ми-
нут читал историю Университета. Тоска и холод всех одолели.
Никогда еще, кажется, университетский акт не был неудачнее.
О деятельности Университета за истекшие двадцать пять лет не
сказано ничего существенного, а может быть, и не могло быть
сказано». ⁶³ Никитенко не спрашивает, а утверждает, в конце по-
следнего предложения он не поставил вопросительного знака.

Однако не все ученые придерживаются той точки зрения, что
именно эта работа привела к искажению истории Петербург-
ского университета. Е. П. Горбенко несколько лет назад вы-
сказала обоснованное мнение о том, что «современники офи-
циального воссоздания Петербургского университета в 1819 г.
были прекрасно осведомлены о деятельности высшего учебного
заведения для образования юношества, задуманного и суще-
ствовавшего с Петровских времен. Одним из первых подме-
тил и попытался исторически обосновать преемственность в
научно-педагогической деятельности профессоров Петербург-
ского университета в XVIII в. и Университета, воссозданного
в начале XIX в., П. А. Плетнев». Е. П. Горбенко заметила, что
именно он указал на преобразование «учительской семинарии в
педагогический институт, а затем — в Главный Педагогический
институт и вновь — в Петербургский университет», что эти пре-
образования закрепили линию преемственности. ⁶⁴

В последующие за празднованием университетского юбилея
дни Плетнев продолжает исполнять официальные обязанности.
Им было подготовлено также несколько заметок в столичные пе-
риодические издания. Рядом с Плетневым постоянно находятся
те же действующие лица: митрополит и П. М. Волконский. О
своих делах Плетнев подробно сообщает Гроту: «Среда (9 фе-
враля). После письма к тебе... поехал к Волконскому, чтобы
с ним вместе отправиться к митрополиту благодарить его за
вчерашнее посещение Университета. Он принял нас с большим
благоволением... отправил к Зябловскому самое лестное для

него письмо от имени совета, избравшего его в почетные члены Университета, во-вторых, заготовил и отправил к Очкину статью о порядке и содержании бывшего акта, напечатанную в Академических ведомостях в четверг, т. е. 10 февраля, и перепечатанную с пропусками, о содержании моей записки, в Северной пчеле в пятницу, т. е. 11 февраля. { ... }

P.S. В Инвалиде (журнале «Русский инвалид». — Авт.) статья об Акте вполне (без пропусков Северной Пчелы) перепечатана сегодня (т. е. 12 февраля) в № 33». ⁶⁵

Надо отметить, что несмотря на все старания Плетнева, проявившиеся в отказе его от освещения предшествующих этапов истории Петербургского университета, сверхзадача достигнута не была, Университету так и не было пожаловано монаршее согласие именоваться «николаевским». Были отброшены замечательные находки и догадки по истории Университета XVIII в., изложенные в статье для «Современника», в речах на Торжественном акте в 1838 г., в письме Плетнева к неперемемному секретарю Академии наук П. Н. Фуссу от 10 октября 1842 г. и др. В угоду земным интересам Плетнев отказался от собранных им материалов и оставил свое желание «для полноты истории Университета связать начало и ход этого заведения с прежним заведением, носившим с ним одно имя». Однако поучительность истории празднования «25-летия Университета» и отступления Плетнева-историка от истинного содержания документов состоит в том, что не только не было получено право называться Университету «николаевским», но и на несколько десятилетий было искажено подлинное представление о существенных этапах развития российского просвещения и национальной культуры.

От юбилейных торжеств 1844 г. осталась и живет в этой книге метафора о «едином вдохновении» — осталась отнюдь не подкреплением придворной аналогии «Петр Великий — Николай I», а в знак признания единства устремлений и помыслов ратоборцев российского высшего просвещения — от великого основателя Петербургского университета до его выдающихся деятелей первой половины XIX в.

Примечания

¹ Шульгин И. П. 1) Курс всеобщей географии, в пользу воспитанников имп. Лицея и учрежденного при нем пансиона. Ч. 1: Европа. СПб., 1824; Ч. 2: Азия, Африка, Америка, Австралия. СПб., 1825; 2) Изображение характера и содержания Новой истории: История трех последних веков. СПб., 1838; 3) Изображение характера и содержания Новой истории. Кн. 1. Изображение характера и содержания истории первых десяти веков по падению Западной Римской империи. СПб., 1845; Кн. 2. История

трех последних веков. СПб., 1845 и др.

² Веселовский К. С. Воспоминания о Царскомсельском лицее. 1832-1838 // Русская старина. 1900. Т. 104. Кн. 10. С. 12.

³ Белуха-Кохановский Н. А. Воспоминания царскомсельского лицеиста IV выпуска. 1820-1826 // Русская старина. 1890. Т. 65. Кн. 3. С. 841; Корф М. А. Из пережитого. Записки барона М. А. Корфа // Русская старина. 1884. Т. 42. Кн. 5. С. 378; Дневник Вильгельма Карловича Кюхельбекера. 1831-1845 // Русская старина. 1884. Т. 41. Кн. 1. С. 74.

⁴ Дневник ... Кюхельбекера. С. 74.

⁵ Колманов Н. М. Очерки и воспоминания Н. И. Колманова с 1816 года // Русская старина. Т. 70. Кн. 5. С. 467-468.

⁶ Там же. С. 468.

⁷ Никитенко А. В. Дневник. В 3 т. Т. 1. 1826-1857. М., 1955. С. 147, 190, 192.

⁸ Там же. С. 202.

⁹ РГИА. Ф. 733. Оп. 87. Д. 288. Ч. 4. Л. 62.

¹⁰ Никитенко А. В. Дневник. Т. 1. С. 203.

¹¹ Там же.

¹² Шульгин И. О начале и постепенном возрастании императорского Санкт-Петербургского университета, в день его открытия в бывшем здании 12 коллегий 25 марта 1838 г. // Слова и речи, читанные ректором и профессорами императорского Санкт-Петербургского университета в день открытия его в бывшем здании 12 коллегий 25 марта 1838 г. СПб., 1838. 2-я паг. С. 6.

¹³ Там же. С. 12.

¹⁴ Там же. С. 13-14.

¹⁵ Там же. С. 14.

¹⁶ Там же. С. 16-17.

¹⁷ Там же. С. 18.

¹⁸ На это отличие Педагогического института от Университета (по сути единственное отличие) указывал С. Б. Окунь (см.: История Ленинградского университета 1819-1969: Очерки/Под ред. В. В. Мавродина. Л., 1969. С. 19).

¹⁹ Никитенко А. В. Похвальное слово Петру Великому императору и самодержцу всероссийскому, отцу отечества // Слова и речи, читанные ректором и профессорами... С. 3.

²⁰ Там же. С. 5.

²¹ Там же. С. 9.

²² Там же. С. 23.

²³ Бычков А. Ф. Отчет за 1877 год // Отчеты императорской Академии наук по отделению языка и словесности за 1866-1891 годы. СПб., 1903. С. 282.

²⁴ Никитенко А. В. Отчет за 1866 год // Там же. С. 12.

²⁵ Пекарский П. П. История императорской Академии наук в Петербурге: В 2 т. СПб., 1870.

²⁶ Толстой Д. А. 1) Академический университет в XVIII столетии по рукописным документам Архива Академии наук. СПб., 1885; 2) Взгляд на учебную часть в России в XVIII столетии до 1782 г. СПб., 1883; 3) Академическая гимназия в XVIII столетии по рукописным документам Архива Академии наук. СПб., 1884.

²⁷ Материалы для истории Академии наук с 1725 по 1803 год: В 4 т. / Под ред. К. С. Веселовского. СПб., 1897-1911.

2019/9/1 12:55

- 28 Грот Я.К. Плетнев Петр Александрович // Русский биографический словарь. Т. «Плавильщиков — Примо». СПб., 1905. С. 75–91.
- 29 Шубин В.Ф. Вечера Плетнева в Ректорском флигеле // Очерки по истории Ленинградского университета. Вып. 5. Л., 1984. С. 86–93.
- 30 Рукописный отдел ИРЛИ (Пушкинский дом). Ф. 234 (П.А. Плетнев).
- 31 Грот Я.К. Плетнев Петр Александрович. С. 83.
- 32 Там же.
- 33 Плетнев П.А. Перемещение университета в Санкт-Петербурге // Плетнев П.А. Сочинения и переписка. Т. 1. СПб., 1885. С. 360.
- 34 Там же. С. 351.
- 35 Вайскопф М. Сюжет Гоголя. Морфология. Идеология. Контекст. М., 1993. С. 419.
- 36 Цит. по: Сладкевич Н.Г. Очерки истории общественной мысли в России в конце 50-х — начале 60-х годов XIX века. Л., 1962. С. 232.
- 37 Плетнев П. Перемещение университета ... С. 362.
- 38 Там же. С. 364.
- 39 Григорьев В.В. Императорский Санкт-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования: Историческая записка. СПб., 1870. С. 115.
- 40 РГИА. Ф. 733. Оп. 87. Д. 375. Об отлитии медали в связи с торжественным открытием Санкт-Петербургского университета в доме 12 коллегий: 1838–1839. Л. 1–1об.
- 41 Там же. Л. 4.
- 42 Там же. Л. 7.
- 43 Там же. Л. 23об., 29, 33.
- 44 Пекарский П. История императорской Академии наук в Петербурге. Т. 1: Жизнеописания президентов и членов АН, вступивших в нее в 1725–1742 гг. СПб., 1870. С. XVII. Ср.: Марголис Ю.Д., Тишкин Г.А. Отечеству на пользу, а россиянам во славу: Из истории университетского образования в Петербурге в XVIII — начале XIX в. Л., 1988. С. 28–35.
- 45 Пользуемся приятной возможностью, чтобы выразить нашу признательность за помощь в поисках документов, относящихся к изготовлению юбилейной медали, заведующей читальным залом РГИА Серафиме Игоревне Вареховой.
- 46 Переписка Я.К. Грота с П.А. Плетневым. Т. 1. СПб., 1896. С. 521, 508.
- 47 Там же. Т. 2. СПб., 1896. С. 14, 42, 43.
- 48 Плетнев П.А. Первое двадцатипятилетие императорского Санкт-Петербургского университета: Историческая записка, по определению Университетского совета, читанная ректором университета Петром Плетневым на публичном торжественном Акте 8 февраля 1844 года. СПб., 1844.
- 49 Плетнев П.А. Памяти графа Сергея Семеновича Уварова // Плетнев П.А. Сочинения и переписка. Т. 3. СПб., 1885. С. 160.
- 50 Сладкевич Н.Г. Очерки истории общественной мысли в России... С. 234.
- 51 Отечественные записки. 1867. Февраль. С. 102–105.
- 52 РО ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 1. Д. 17. Л. 5об.
- 53 Там же.
- 54 ПФААН. Ф. 2. Оп. 1 (1842). Д. 4. Л. 150 (Пользуемся возможностью, чтобы поблагодарить научного сотрудника Архива РАН М.Ш. Файнштейна, указавшего на существование этого письма П.А. Плетнева).
- 55 См.: Марголис Ю.Д., Тишкин Г.А. Отечеству на пользу, а россиянам во славу...; Тишкин Г.А. Е.Р. Дашкова и учебная деятельность

Петербургской академии наук // Очерки по истории Ленинградского университета. Вып. 6. Л., 1989.

56 ПФААН. Ф. 3. Оп. 9. Д. 1086. Л. 2.

57 Переписка Я.К. Грота с П.А. Плетневым. Т. 1. С. 615.

58 Речь идет о рукописи Г. Миллера «О бывшем при Академии наук университете» (см.: Сухомлинов М.И. История Российской академии. Вып. 2. СПб., 1885. С. 413).

59 Переписка Я.К. Грота с П.А. Плетневым. Т. 2. СПб., 1896. С. 14.

60 Плетнев П.А. Первое двадцатипятилетие императорского Санкт-Петербургского университета. С. 6.

61 Переписка Я.К. Грота с П.А. Плетневым. Т. 2. С. 179.

62 Там же. С. 182-183.

63 Никитенко А.В. Дневник. Т. 1. С. 279.

64 Горбенко Е.П. Профессора словесности // Очерки по истории Ленинградского университета. Вып. 5. Л., 1984. С. 73.

65 Переписка Я.К. Грота с П.А. Плетневым. Т. 2. С. 183-184.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование, начало которому положила дискуссия 1983 г. в Ленинградском университете, продолженное монографией авторов 1988 г. «Отечеству на пользу, а россиянам во славу (Из истории университетского образования в Петербурге в XVIII — начале XIX вв.)», в главных чертах завершено. Правда, дополнительные разыскания по всему полю исследуемой проблематики необходимы — от указа Петра I от 28 января 1724 г. об учреждении «триединого здания» Академии наук с Университетом в ее составе и вплоть до выяснения меры осознания универсантами XIX в. неразрывной связи Петровского университета с тогда существовавшим. Повторим мысль А. Е. Иванова — речь «не об амбициях, порожденных местным патриотизмом»,¹ а о научной реконструкции фундаментальных страниц истории российской культуры. Эта реконструкция далеко не закончена.

Вот почему в заключение уместно проверить себя — восстановить в памяти основные результаты исследования, взвесить их историко-научную значимость, наметить предложения к продолжению работы.

Первый результат — обоснование и защита идеи непрерывности университетского образования в Петербурге с первой четверти XVIII в. Нами предъявлены и изучены новые убедительные факты продолжения деятельности Университета в Петербурге и после кончины М. В. Ломоносова, во второй половине XVIII в., вплоть до возникновения первой «отрасли» внеакадемического университета — Педагогического института. Это факты и о поисках новых моделей сохранения университетского образования в условиях изменившейся государственной политики («Академическое всеучилище»), и о преподавательской деятельности академиков-профессоров, и о возобновлении государственного патроната над петербургским «рассадником высшего просвещения», и о его международных связях, и о его вкладе в изучение отечества в научных экспедициях Академии наук с участием профессоров и студентов Университета в Петербурге, и о других формах их внеуниверситетской деятельности — публичных лекциях, удовлетворявших потребности «взыскующих просвещения» петербуржцев.

Второй результат проведенного исследования — подтверждение преемственности связующих звеньев истории высшего просвещения в Петербурге: Академический (Петровский, а после учреждения Московского университета — Петербургский) университет — «Академическое всеучилище» — Педагогический институт — Главный Педагогический институт с Благородным пансионом при нем — внеакадемический университет, учрежденный указом Александра I от 8 февраля 1819 г. Преемственность места (все основные события развернулись в Петербурге), целей деятельности (подготовка ученых всех уровней), ее форм (по преимуществу типичных для университета — лекционной, практически специализирующейся и связанной с участием студентов в разработке научных программ), преемственность в истории научных школ (математической — Л. Эйлера, химической — М. В. Ломоносова, исторической — А. Л. Шлецера и Г. Ф. Миллера и др.). Наконец, преемственность, реализованная в жизни и судьбах людей (В. Ф. Зуев, М. Е. Головин, Е. Ф. Зябловский, К. Ф. Герман, многие еще), связанных со сменявшимися друг друга университетскими учреждениями Петербурга.

Третий результат — в определении и истолковании дискретности правительственной политики в отношении Петербургского университета — от патроната при Петре Великом и его ближайших наследниках через отчуждение времен Павла I, а отчасти и Александра I, не предотвратившего погрома Университета в 1821 г. Этот результат обогащен новым видением роли поборников российского просвещения, противостоявших колебаниям правительственной политики в университетском вопросе. К их числу в свете вновь открытых материалов следует отнести и графа С. С. Уварова, проделавшего сложную эволюцию от просвещенного консерватизма до охранительства.

Четвертый результат — в установлении непреложных фактов осознания Университетом середины XIX в. своей преемственности с Петровским университетом; это ярко воплотилось в девизе, под которым прошли торжества по случаю переезда Университета в 1838 г. в здание Двенадцати коллегий и который был избран названием этой книги.

Все результаты исследования, разумеется, могут и, надо надеяться, будут дополнены и развиты. Можно ожидать, что они смогут послужить дальнейшим размышлениям и разысканиям.

Примечания

¹ Иванов А. Е. Письмо из Москвы // Ленинградский университет. 1983. 18 ноября. С. 6.

CONCLUSION

A study inspired by a discussion in Leningrad University in 1983 and continued in the writers' monograph of 1988, "For the benefit of Our Motherland, to the Glory of the Russians. (Excerpts from the History of University Education in St. Petersburg in 18th—early 19th Centuries)", has in the main been completed. True, further research should be done for more details over the entire area under study, from Peter's decree of 28 January 1724 on the founding of a "triune establishment" of the Academy of Sciences incorporating a university down to finding out the extent to which 19th-century university staff and students were aware of an inseparable link between Peter's University and the contemporary one. A. E. Ivanov's view will be supported that the point at issue is "not the ambitions born of a local patriotism" but a scholarly reconstruction of some fundamental pages from the history of Russian culture.

It is appropriate therefore to test ourselves at the conclusion, recalling the main results of the research undertaken, to evaluate their significance for historical science and outline the path for further study.

The first result is substantiation and defense of the concept of the continuous nature of university education in St. Petersburg beginning from the first quarter of the 18th century. The writers have produced and studied new and convincing facts proving that the university continued to function in St. Petersburg in the latter half of the 18th century, after M. Lomonosov's death, until the establishment of the first "branch" of an university outline the Academy, i. e. the Pedagogical Institute. These are also facts of the search for new models of university education in conditions of the changing government policy ("Academic universal school"), of the involvement of the Academy professors in the teaching process, of government resuming its patronage of the "seat of higher education", of the university's international ties, of its contribution to the exploration of Russia by scientific expeditions arranged by the Academy of Sciences with participation of the university professors and students, and of other forms of its extramural activities, such as public lectures to meet the demands of the people in St. Petersburg "seeking enlightenment".

The second result of the present study has been to confirm the continuity of higher education in St. Petersburg throughout its history:

the Academy (Peter's, or, after establishment of Moscow University, St. Petersburg) University — the "Academic Universal School" — the Pedagogical Institute — the Main Pedagogical Institute with an affiliated Boarding School for Nobility — the university independent of the Academy of Sciences as established by the decree of Alexander I of 8 February 1819. The continuity of place (all the main events took place in St. Petersburg), of purpose (to train future researchers of various types), of the forms of activity (primarily typical of a university, that is, lectures, practical specialist training and students' participation in the development of scholarly projects), continuity of the schools of thought (that of L. Eiler in mathematics, M. Lomonosov in chemistry, A. Schletzer and H. F. Millerr in history and other). Finally, the continuity as realized in the lives of individual academics (such as V. F. Zuev, M. Ye. Golovin, Ye. F. Ziablovsky, K. F. Hermann, and many other), connected with the succeeding university establishments in St. Petersburg.

The third result consists in the definition and interpretation of the changing nature of government policy with respect to the Petersburg university from patronage by Peter the Great and his immediate successors through alienation at the time of Paul I and partly also of Alexander I, who failed to prevent the University's massacre in 1821. This result has been enriched by a new vision of the role of Russian education advocates who opposed the government's vacillating policy on university issues. The newly discovered materials place Count S. S. Uvarov among their ranks as someone who showed an evolution from enlightened conservatism to consistent protection.

The fourth result is the disclosure of irrefutable evidence of the awareness by the 19th-century University of the its succession to Peter's University; this was expressed by a slogan used for the celebrations on the occasion of the University's move to the Twelve Colleges Building in 1838, which has been used as the title of the present work.

It is to be hoped that all the results of the study can and will be added to and developed. One can expect them to form the basis for further reflection and research.

ПРИЛОЖЕНИЕ

М. М. Перекалина

ВОСПИТАННИКИ И СТУДЕНТЫ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ГИМНАЗИИ В 1805 г.

В Центральном государственном историческом архиве С.-Петербурга хранится фонд Канцелярии попечителя Петроградского учебного округа, который содержит многочисленные материалы по истории Санкт-Петербургского университета.

В предлагаемой вниманию публикации представлены лишь два документа из этого фонда, относящиеся к началу XIX в., когда академические учебные заведения были ликвидированы как не предусмотренные новым Уставом Академии наук, а их воспитанники продолжили свое обучение в других местах.

Публикуемые ниже документы представляют большой интерес для всех, кто интересуется историей Петербургского университета в XVIII-XIX вв., кто ищет ответ на вопрос, как происходило преобразование-превращение Академического училища в Санкт-Петербургский университет, действовавший с 1819 г. в системе учреждений Министерства народного просвещения. Особая значимость публикуемых документов состоит в том, что они подтверждают существование учебного процесса в Петербургской Академии наук и после смерти М. В. Ломоносова (1765). Мы видим, что и в 1805 г. здесь училось более 50 человек, что и в начале XIX в. питомцев Академической гимназии производили в студенты по тем же правилам, что и в предыдущие десятилетия. Подчеркнем здесь, что и в первые десятилетия XIX в. лишь выпускники Петербургского университета при получении диплома награждались званием студента. Публикуемые ниже документы редко привлекали внимание исследователей, так как противоречили сторонникам той идеи, что во второй половине XVIII в. ни студентов, ни занятий по университетской программе в Академии не было.

По новому Уставу Академии наук действовавшие при ней в течение почти 80 лет учебные заведения были ликвидированы, а оставшиеся недоучившимися более 50 человек были переведены в Губернскую гимназию. Об этом было известно уже в XIX в., когда указания на перевод недоучившихся академических воспитанников были опубликованы в исследовании А. В. Воронова¹, а затем повторены в «Сборнике постановлений по Министерству народного просвещения»². На это обратили свое

¹ Воронов А. Историко-статистическое обозрение учебных заведений С.-Петербургского учебного округа с 1715 по 1828 год включительно. СПб., 1849. С. 126-130.

² Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. СПб., 1875. Стлб. 1180-1181.

внимание исследователи Университета И. В. Керзум и Г. А. Тишкин, когда опубликовали «Материалы по истории управления университетом в 1724–1889 гг.»³.

Публикуемый ниже первый документ — выписка из журнала заседаний Комитета правления императорской Академии наук свидетельствует о том, что начиная с 1805 г. и во все последующие годы до воссоздания Петербургского университета вне стен Академии наук в 1819 г. воспитанники академических учебных заведений учились в Губернской гимназии, а затем лучшие из них — в Главном педагогическом институте, на базе которого и был воссоздан университет, или, точнее говоря, Главный педагогический институт при Петербургском университете был преобразован в сам университет. Все эти годы, т.е. до 1819 г., Академия наук перечисляла учебным заведениям за обучение и содержание своих питомцев по 12–15 тысяч рублей в год. С 1817 по 1822 г. аттестаты выпускников Санкт-Петербургской Губернской гимназии при чиновничьем производстве приравнивались к университетскому диплому, что делало Губернскую гимназию в некотором смысле конкурентом воссоздаваемому университету. Эта противоречивая ситуация была ликвидирована в 1822 г. и за счет изменения программы преподавания и превращения Санкт-Петербургской Губернской гимназии в среднее учебное заведение. С этого времени подготовка кадров по университетской программе продолжил в Петербурге лишь воссозданный, преобразованный из Главного педагогического института Петербургский университет.

Второй документ — именной список воспитанников упраздненной Академической гимназии содержит данные о 55 учащихся с указанием возраста, времени поступления в гимназию, места службы отца, а также краткую характеристику способностей, прилежания и поведения как студентов, так и гимназистов и художественных учеников. Наличие именного списка позволит исследователям проследить судьбы воспитанников в переломный период университетской истории в первые десятилетия XIX в. Так, значащийся под № 1 студент Иван Красовский 17 лет, сын протоиерея, может быть младшим братом выпущенных несколькими годами ранее из Гимназии братьев Красовских, оставивших определенный след в общественной и культурной жизни Петербурга в начале XIX в. Они были членами созданного Василием Попугаевым и Ивановым Борном знаменитого Вольного общества любителей российской словесности⁴.

В публикуемых документах полностью сохранено написание фамилий. В «Именном списке воспитанников...» в некоторых случаях не указаны годы, месяцы и числа их поступления в Академическую гимназию, не заполнены графы об их возрасте и родителях. Отсутствуют также имена нескольких учеников, которые, однако, значатся в другом из публикуемых ниже документов, — в Выписке из журнала заседаний Комитета правления императорской Академии наук.

Карандашные подчеркивания, встречающиеся в тексте документов, сделаны предположительно рукой попечителя С.-Петербургского учебного округа гр. П. А. Строганова.

³ Очерки по истории Ленинградского университета. Т. 6. Л., 1989. С. 234.

⁴ См.: Соболев Г. Л., Тихонов И. Л., Тишкин Г. А. 275 лет Петербургскому университету. СПб., 1999. С. 95.

Из журнала заседаний Комитета правления
императорской Академии наук
о переводе части воспитанников
упраздненной Академической гимназии
в пансион Губернской гимназии
и определении дальнейшей судьбы оставшихся

2019/9/1 12:56

По отношению г-на Директора народных училищ¹ статского советника и кавалера Ростовцева извещавшего, что Комитет 1-го числа наступающего месяца октября по утру препроводил в новоучрежденный пансион Губернской гимназии² предопределенных к воспитанию в оном на иждивении Академии 50 человек гимназистов — к Академической гимназии³ и двух Её императорского величества государыни императрицы Марии Федоровны пансионеров Арнольда и Зибенгара, — рассуждено: вышесказанных пятьдесят гимназистов и пансионеров 1-го Арнольда, 2-го Зибенгара, 3-го Калашникова и 4-го Панфилова, первых двух на иждивении государыни императрицы Марии Федоровны а последних на иждивении их сиятельств графов Строгоновых, Александра Сергеевича и Павла Александровича 1-го октября по отслужении молебствия в Академической церкви препроводить в оный пансион Губернской гимназии через г-на надворного советника Корца при именном списке с показанием звания родителей их, лет, времени вступления в Академическую гимназию, также прилежания и способностей при отношении к г-ну Директору народных училищ статскому советнику Ростовцеву с прописанием в оном учиненного Комитетом в 16-й день прошедшего августа месяца повеления о всегдашнем содержании 50-ти гимназистов в оном пансионе Губернской гимназии на иждивении Академии: старших же из сих 5-ти гимназистов: 1-го Ивана Красовского, 2-го Владимира Волкова, 3-го Ивана Автомонова, 4-го Фридриха Волгрена и 5-го Федора Бобринцова в уважение отличных их успехов в науках и добронравия переименовать их в звание студентов. А следующие на содержание сих 50-ти гимназистов за полгода вперед, считая с 1-го октября сего 1805 года, деньги 6 250 рублей отпустить из экономической суммы ныне же под расписку г-на Ростовцова с запиской по оной в расход; отпуская ему и впредь таковую сумму за каждые полгода вперед. Художнических же учеников, оставшихся за сим упразднением гимназии без призрения и вольных пансионеров распределить по возможности и способностям их таковым образом: художнических учеников 1-го Ивана Дмитриева, 2-го Алексея Торопова, 3-го Бориса Лукьянова определить к письменным делам писцами, первых двух в Комитет и Лукьянова при Музее, с производением им по 60 рублей каждому в год жалованья, 4-го Гаврилу Богомолова и 5-го Алексея Давыдова, считать при типографии производя им по 50 рублей в год жалованья, с тем чтобы они до полного возраста продолжали учение в народном училище на своем содержании и по совершении оного вступили в наборщики оной, в уравнении

¹ По Уставу учебных заведений 1804 г. Директор народных училищ одновременно являлся Директором гимназии.

² По Уставу учебных заведений 1804 г. Главное народное училище было преобразовано в Губернскую гимназию, которая была открыта в 1805 г. В это же время при ней был учрежден пансион.

³ Академическая гимназия была учреждена в 1724 г. и существовала до своего закрытия в 1805 г.

с прочими таковыми, 6-го Ивана Зотова и 7-го Степана Дмитриева отдать родителям по желанию их с аттестатами о увольнении из гимназии, предоставляя сим 7-ми ученикам имеющуюся на них одежду, постельный и столовый прибор 8-го Льва Потанина и 9-го Василия Михайлова по способностям и прилежанию их поместить в число академических пансионеров в Губернскую гимназию на иждивении Академии содержащихся пансионеров: 1-го Алексея Далгрена в уважение отличных его способностей, прилежания, а также крайней бедности родителей его поместить равно в число академических пансионеров в Губернскую гимназию, 2-го Ивана Арнольда 3-го Николая Зибенгара, 4-го Василия Калашникова, и 5-го Алексея Панфилова препроводить в Губернскую гимназию пансионерами же, первых 2-х на иждивении государыни императрицы Марии Федоровны, а последних 2-х на иждивении их сиятельств графов Строгановых, как выше сказано: прочих же 6-го Дмитрия Пилюгина 7-го Николая Кардашева 8-го Михайлу Опедера 9-го Константина Юрьева возратить в дома их родителей, родственников или тех, от кого они в гимназии содержались, истребовав за всех сих пансионеров через эскутора⁴ от родителей или содержателей их следующие Академии по расчету за содержание их по 1-го октября деньги. Касательно же учителей и прочих чинов при гимназии состоящих поступить согласно резолюции Комитета от 22 числа сего месяца и о упразднении гимназии объявить им через г-на инспектора оной и кавалера Гурьева, удовлетворив как их так всех служителей оной заслуженным по 1-е октября жалованьем. А имеющиеся при гимназии казенные вещи и всякие снадобья как то: постели с надлежащими приборами, кровати, скамьи, столы, стулья, столовую и кухонную посуду, а равно и старую одежду оставшуюся от гимназистов, препровождаемых в Губернскую гимназию, принять г-ну эскутору, который имеет все то представить в Комитет для продажи с публичного торга; с коего определения и послать г-ну инспектору Гурьеву, для выполнения, копию с приобщением именного списка 50-ти гимназистам и 4-м пансионерам для препровождения их при оном с г-м Корцом в пансион Губернской гимназии, а прочим всем дать, для точного выполнения по сему, до кого надлежит, надлежащие выписки.

С подлинным верно. Секретарь Фишер
ЦГИА СПб., ф. 139, оп. 6, д. 5, лл. 7-8об.
Копия заверенная.

⁴Эскутор — чиновник, на которого возложены хозяйственные обязанности.

ИМЕННОЙ СПИСОК ВОСПИТАННИКОВ УПРАЗДНЕННОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ГИМНАЗИИ,
ПЕРЕВЕДЕННЫХ В ПАНСИОН С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ ГИМНАЗИИ

26 октября 1805 г.*

Г п/п	Имена и фамилии	Сколько от роду лет	Вступление в гимназию		Чьи дети	Способности, прилежание и поведение
			годы	месяцы и числа		
1	Иван Красовский	17	1796	мая 20	Протоиерея	За отличные успехи в науках и добронравие удостоены звания студентов
2	Владимир Волков	18	1795	января 9	Секретаря	
3	Иван Автомонов	16	1795	15	Умершего священ- ника	
4	Фридрих Волгрейн	15	1796	января 1	Умершего портного мастера	Имеет изрядные способности и прилежен, но слаб зрением Малые способности, но приле- жен, хорошего поведения Имеет способности, но не- сколько нерадив Имеет хорошие способности, прилежен и поведения хоро- шего
5	Федор Бобринцов	16	1794	апреля 20	Обер-офицерский	
6	Михайло Протопопов	17	1795	июля 6	Канцеляриста	
7	Иван Помо	17	1796	января 9		Имеет хорошие способности, прилежен и поведения хоро- шего
8	Василий Плеханов	14	1797	28	Поручика	
9	Михайло Григорьев	13	1797	февраля 26	Прапорщика	
10	Федор } Андрей }	14	1797	апреля 14	Губернского секре- таря	Изрядные способности, мало прилежны и поведения хоро- шего
11		Ильины				
12	Николай Тенигин	13	1797	июня 20	Губернского секре- таря	Хорошие способности, но мало прилежен
13	Евграф Кошлаков	12	1797	января 19	Умершего коллеж- ского секретаря	Мало способности и прилежен

Г п/п	Имена и фамилии	Сколько от роду лет	Вступление в гимназию		Чьи дети	Способности, прилежание и поведение
			годы	месяцы и числа		
14	Александр Данин-берг	14	1798	апреля 29	Титулярного советника	Способности изрядные и довольно прилежен
15	Михайло } Илья }	14	1798	июня 8	Придворного кучера	Средственные способности, но прилежен
16		12				
17	Николай Сидоров	14	1798	сентября 28	Умершего придворного камердинера	Средственные способности, довольно прилежен, поведение хорошего
18	Карл Радиг	14	1798	октября 21	Академического гравера	Совсем неспособен, хотя прилежен
19	Алексей Гользин	15	1799	декабря 5	Священника	Мало способен, однако прилежен, поведения хорошего
20	Василий Лукьянов	10	1801	февраля 22	Придворного певчего	Изрядные способности и довольно прилежен
21	Владимир Овчинкин	13	1801	апреля 1	Придворного прогондьякона	Изрядные способности, довольно прилежен и поведения хорошего
22	Андрей Белоусович	13	1801	апреля 27	Надворного советника	Средственные способности, довольно прилежен и поведения хорошего
23	Иван Гречкин	14	1800	июля 27	Придворного псаломщика	Хорошие способности и прилежен
24	Петр } Федор }	12	1802	января 10	Титулярного советника	Мало способности, но прилежен
25		9				

Г п/п	Имена и фамилии	Сколько от роду лет	Вступление в гимназию		Чьи дети	Способности, прилежание и поведение
			годы	месяцы и числа		
26	Петр Суслов	10	июля 25**	июля 25	Придворного швейцара	Средственные способности, прилежен и хорошего поведения
27	Андрей Лагынин	11	1803	27	Коллежского советника	Изящные способности, прилежен и хорошего поведения
28	Павел Рейтер	12	1802	октября 4		Хорошие способности и довольно прилежен
29	Николай Батенков	12	1804	января 7	Титулярного советника	Хорошие способности, прилежен и поведения хорошего
30	Александр } Петр } Солодовники	15	1804	января 28	Тульского купца	Изящные способности и прилежен
31		11				
32	Павел } Петр } Беляевы	12	1804	марта 4	Коллежского асессора	Изящные способности, прилежен и поведения хорошего
33		6				
34	Петр Кухнев	12	1804	марта 4	Умершего регистратора	Изящные способности и довольно прилежен
35	Дмитрий } Егор } Драшковиचे	7	1802	апреля 23	Генерал майора	Имеют способности, учится с прилежанием
36		8				
37	Александр Далгрэн	9	1803	июня 1	Титулярного советника	Изящные способности, довольно прилежен
38	Дывыд Нелингер		1804	сентября 18	Титулярного советника	Хорошие способности, прилежен
				июня 6	Придворного скорохода	Изящные способности, прилежен

Г п/п	Имена и фамилии	Сколько от роду лет	Вступление в гимназию		Чьи дети	Способности, прилежание и поведение
			годы	месяцы и числа		
39	Лев Алексеев	14	1799	марта 31	Надворного советника	Способности хорошие и весьма прилежен Имеет хорошие способности и прилежен
40	Лев Потанин	12	1804	августа 17	Титулярного советника	
41	Павел Михалов		1805	июля 4	Умершего титулярного советника	} За кратковременным нахождением в гимназии способности не известны
42	Николай Гронский		1805	июня 1	Надворного советника	
43	Август } Петр } Паленгауты		1805	июня 1	Польского надворного советника	
45		Дмитрий Лукьянов	1805	июня 1	Надворного певчего	
46	Иван Веттер		1803	ноября 13	Титулярного советника	Имеет способности, довольно прилежен и поведения хорошего
47	Константин Вельд-брехт		1803	августа 18	Титулярного советника	Имеет способности, довольно прилежен и хорошего поведения
48	Павел } Иван } Рябинины	12	1803	августа 13	Титулярного советника	Имеют способности, хорошего поведения и прилежны
49		9				
50	Василий Михайлов	13	1801	октября 21	Умершего титулярного советника	Способности имеет и прилежен
да сверх того						
51	Арнольд****					} На иждивении государыни императрицы Марии Федоровны
52	Зибенгар					
53	Калашников					} На иждивении господ графов Строгоновых
54	Панфилов					

Г п/п	Имена и фамилии	Сколько от роду лет	Вступление в гимназию		Чьи дети	Способности, прилежание и поведение
			годы	месяцы и числа		
55	Пялюгин					На иждивении Коллегии иностранных дел переводчика Червина

Всего 55 человек

Директор училища Иван Ростовцев***

ЦГИА СПб. Ф. 139, оп. 6, д. 5, лл. 62-64об.
Отпуск

- * Дата входящего документа. Учащиеся были переведены в Губурнскую гимназию 1 октября 1805 г. (там же, л. 6)
- ** Так в тексте документа
- *** Подпись подлинная
- **** Имена, годы, месяцы и числа поступления см. на с. 213 наст. изд.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Авгомонов И. 212, 214
 Адалунгов 32
 Акульшин П. В. 170
 Александр I 10, 44, 49, 60, 70, 82,
 100, 108, 111, 119, 121, 127-128,
 130, 132, 145, 162-167, 170-172,
 174-176, 192, 195, 207
 Александр II (Александр Нико-
 лаевич, вел. кн.) 176, 186-187
 Алексеев Л. 217
 Алексеев П. А. 54
 Алтынский А. 49
 Алтынский В. 49
 Андреев Е. 23
 Андреев Н. 89
 Ансберг О. Н. 10
 Ануфриев П. 47-48
 Аракчеев 171
 Арнольд И. 212, 213, 217
 Арсеньев К. Л. 150-151, 155-161,
 164-166, 169-170, 174-175
 Архипова Г. А. 10
 Архипов С. 42
 Архипов Я. 42
- Баглай И. 215
 Баглай М. 215
 Байбаков 35
 Бакмейстер Л. 6, 14, 17, 22, 26,
 29, 57, 62-63, 198
 Бакунин М. П. 23
 Бакунин П. П. 19, 44
 Балашов П. 22
 Балугьянский М. А. 100, 114-
 116, 124-125, 151, 159-160, 164,
 174
 Баратынский Е. А. 186
 Барсов 185
 Батенков Н. 216
- Бейер 49
 Белоусович А. 215
 Белуха-Кохановский Н. А. 179-
 203
 Беляев О. Н. 96
 Беляев Павел 216
 Беляев Петр
 Беляев И. 28
 Бенкендорф А. Х. 172
 Березников 24
 Бецкой И. И. 83
 Блом 47
 Блудов Д. Н. 107
 Блуменбах 93
 Бобринцов Ф. 212, 214
 Богомолов Г. 212
 Бол Г. 29
 Болховитинов Е. 108
 Борисов В. 23
 Борисов Г. 23
 Борн (Борм) И. М. 29, 214
 Браун И. А. 22, 57, 198
 Буканов П. 19, 39
 Булгаков К. Я. 123
 Бунина А. 54
 Бурцов И. Г. 147
 Бусс Я. 19
 Бутырский Н. Н. 100, 174
 Быков Вл. 23
 Бычков А. Ф. 203
- Вайскопф М. 204
 Варехова С. И. 204
 Вельбрехт К. 217
 Верховский П. 148
 Веселая Г. А. 12, 79
 Веселовский К. С. 8, 11, 52, 178,
 202-203
 Веттер И. 217

- Вильгельмс П. 23
 Вильмот К. 12, 79
 Вильмот М. 12, 64, 79
 Вилиевский В. К. 154
 Витовтов А. 26
 Воейков А. Ф. 165
 Волгрейн Ф. 212, 214
 Воронов А. 52, 102
 Воронов А. В. 210
 Воронцов Е. 27, 34
 Волков А. 27, 43-44
 Волков В. 212, 214
 Волков Г. 17
 Волков П. 17
 Волконская 17-18
 Волконский 18, 200-201
 Вольф К. Ф. 14, 32, 36, 62, 73
 Второв И. А. 70
 Вяземский П. А. 107, 138, 147,
 165, 168, 173, 175-176
- Гакман Н. Ф. 28, 94
 Галич А. И. 11, 100, 131, 147,
 150-155, 160-161, 165, 168, 171
 Галченко 80
 Георги И.-Г. 15, 16, 60, 74, 96
 Герман К. Ф. 23-24, 45-46, 147,
 150-151, 154, 158-160, 165,
 169-170, 207, 209
 Гернет М. Н. 62
 Герцен А. И. 108, 124
 Гертон 32
 Гете И.-В. 107, 109-110, 123, 126
 Фон Геше П. П. 171
 Гилельсон М. И. 174
 Гиляровский П. 182
 Глазунов И. 95
 Глинка М. И. 101
 Гмелин И. Г. 15
 Гнедич Н. 186
 Гоббс Т. 141
 Гоберт 31
 Гоголь Н. В. 108, 185, 204
 Годунов Борис 156
- Голицын А. Н. 102, 112, 114,
 116-117, 119-120, 125, 128,
 130, 132-133, 135-137, 145-146,
 148-149, 160-161, 165, 167-169,
 171, 175
 Голиков 95
 Головин М. Е. 29, 36-37, 44, 81,
 93-94, 96, 98, 182, 207, 209
 Головкин Г. И. 32, 80
 Гользин А. 215
 Горбенко Е. П. 201, 205
 Горри Ф. 26
 Горчаков А. М. 143, 144, 172
 Грефе Ф. Б. 107, 123, 154, 174,
 177, 180, 191, 201
 Греч Н. И. 69, 80, 123, 160, 164,
 174
 Гречкин И. 215
 Грибко А. 23
 Грибко О.-Х. 23
 Григорьев В. В. 50, 104, 124-125,
 157, 174, 190, 192, 204
 Григорьев М. 214
 Грозный Иван 156
 Грот Я. 186-188, 192, 198-201,
 203-205
 Гронский Н. 217
 Грушин 32
 Губин А. 28
 Гудимов А. 23
 Гудимов И. 23
 Гумбольдт А. 107
 Гурьев 213
- Далген А. 213, 216
 Давыдов А. 212
 Данинберг 214
 Дашкова Е. Р. 6, 8, 10-12, 15-17,
 19, 22, 26-31, 40, 53-81, 197
 Дашков Павел 54
 Дегуров А. А. 159, 174, 178
 Деманж Ж. 110, 154, 159, 164,
 174
 Демидов П. А. 96
 Десницкий С. Е. 54

- Дмитриев И. 212
Дмитриев И. И. 174
Дмитриев С. 213
Дмитриев С. С. 12, 35, 79
Домашнев С. Г. 61
Домимиана 32
Дондуков-Корсаков 180, 190
Драшковичев Д. 216
Драшковичев Е. 216
Дубровин Н. Ф. 171-172
Дурылин С. Н. 8, 12, 123-124, 126
- Екатерина II 22, 29, 53, 60, 76-77, 83-84, 95, 102-103, 182, 188, 196-197
- Елизавета 196
Елютин В. П. 79
Емельянов 23
Ермолаев П. 18
Ершов П. П. 186
Ефимов П. 42
Ефимов С. 42
- Жихарев С. П. 170
Жуковская Т. Н. 10, 173
Жуковский В. А. 108, 110, 124-125, 185
- Завадовский П. В. 83, 98, 112
Загоскин Н. П. 126
Захаров Я. Д. 64, 69
Захарова М. 49
Здирецкий А. 28
Зинбергар Н., 212, 213, 217
Зон Г. 18, 20
Зонтаг А. П. 186
Зотов И. 213
Зуев В. Ф. 43, 69, 76-78, 81 93-96, 98, 103, 182, 207, 209
Зябловский Е. Ф. 49, 95-96, 103, 123, 159-160, 174, 183, 201, 207
- Иванов А. 35
Иванов А. Е. 206, 207, 208
Иванова 35
Иванова К. 23
Извекова М. 54
Илер Н. 18, 23, 37-38
Ильин А. 214
Ильин Н. 49
Ильин Ф. 214
Иноходцев П. Б. 18, 27, 41-42, 63, 69, 73, 185
Иогансон И. 23
Ислентьева А. 54
Ишимова А. О. 186, 198
- Кавелин Д. А. 114, 148-149, 154, 156, 158-160, 165
Калашников В. 212, 213, 217
Каменский Ф7 28
Кампенгаузен Б. Б. 169
Карамзин Н. М. 54, 95, 197-108, 165, 167, 174
Карандашев Н. 213
Квартано Н. 37
Квитко-Основьяненко Г. 186
Кедрин П. 26
Керзум И. В. 10
Кестнер 39-40, 74
Княженин Я. Б. 185
Ковалев П. 29
Козицкий Г. В. 185
Кокурин Н. 23
Кокурин П. 23
Колманов Н. М. 203
Колодкевич 35
Коломинов В. В. 11, 79
Колошин П. И. 147
Кононов А. 15, 16, 19, 40, 43, 67, 69, 71, 74-75, 81
Кононова Н. Н. 86, 103
Константин Николаевич, вел. кн. 178
Константин Павлович, цесаревич 60
Кору В. 34
Корф М. А. 179, 203

- Корц 213
 Корягин Ф. 27
 Косачевская Е. М. 104, 115–117, 125
 Кослик В. 23
 Котельников С. В. 18, 22, 32, 41, 67–69, 185
 Кохановская Н. (Соханская Н. С.) 186
 Коцебу 131
 Кочубей В. П. 171
 Кошлаков Е. 214
 Краснобаев Б. И. 11, 55, 78–79
 Красовские 27, 211
 Красовский В. 38, 48
 Красовский И. 49
 Красовский И. 211, 214
 Крафт В. Л. 31, 36–38
 Крафт Г. В. 14, 15, 28
 Крафт Г. Ф. 48, 62–63, 65, 72–74
 Крашенинников С. П. 185
 Крутицкий А. 23
 Крутицкий И. 23
 Крылов И. А. 186
 Кузнецов Ал-др 23
 Кузнецов Андр. 23
 Кук 32
 Кукольник П. В. 100
 Кулибин Д. 24
 Кулибин И. 24
 Кулиш П. 186
 Кулябко Е. С. 58, 73, 80–81
 Кун И. 38–39
 Куницын А. П. 9, 11, 100, 132–145, 151, 160, 165, 171–173
 Кунялев М. 28
 Куракин А. Б. 164
 Куракин Я. 93
 Кутузов М. И. 171
 Кухнев П. 216
 Кюхельбекер В. К. 148–149, 179, 186, 203

 Лавров С. 28
 Лавуазье 67, 70
 Лаксман И.-С. 37
 Лаксмаг Э. Г. 14, 25, 62
 Ламне А. 23
 Латынин А. 216
 Лебецкий И. 29
 Лексель А. И. 14, 36, 62, 65
 Леман И. 29
 Лепехин И. И. 15, 17–18, 22, 26, 28, 37, 45, 48, 57–58, 63–64, 66, 69, 71–72, 74–76, 182, 185
 Лесгафт И. Г. 5
 Ливен К. А. 169
 Линдер 47
 Лихачева Е. 56, 79
 Лобанов-Ростовский А. Б. 169
 Ловиц Т. 43, 69
 Ловиц (сын) 59–60
 Лодий П. Д. 100, 151, 159, 174
 Лозинская Л. Я. 11, 61, 78–80
 Ломоносов М. В. 5, 9–10, 13–14, 26, 31–33, 36, 49, 56–57, 61–62, 66, 78, 206, 207, 208, 209, 210
 Лукреций 109
 Лукьянов Б. 212
 Лукьянов В. 215
 Лукьянов Д. 217
 Луцкий Е. 19–20
 Лялин 191
 Лященко А. И. 80

 Мавродин В. В. 12, 203
 Магницкий М. Л. 11, 113–116, 120–122, 124, 129, 132, 146, 156–158, 162, 164–173
 Макаров П. И. 54
 Мальгин Г. 27, 29
 Марголис Ю. Д. 4, 10–12, 50, 80, 104, 123, 204
 Мария Федоровна 212, 213
 Маркевич Н. А. 101–104
 Марков Л. В. 170
 Мартынов И. И. 113, 120
 Маскаковский В. 58

Матинский 94
Маяковский И. Л. 173
Мейер К. (Meyer) 10
Мейздорф К. 49
Мейлах Б. С. 143
Мелехова Г. 23
Менделев Д. И. 5
Менкер И. 49
Местр, Жозеф де 108, 124
Меттерних К. 128, 132
Миллер Г. Ф. 198–199, 205
Милюков А. 194
Михайлов В. 213, 217
Михайлов П. 217
Михайловский-Данилевский А. И.
171
Мишель 15
Моисеев 80
Моисеева Г. Н. 12, 79
Моичсеенко Ф. 29, 37
Моисеенков 36
Мондрю 41
Мономах Владимир 95
Монтескье 121
Моульский В. 97
Муравьев М. Н. 108, 138

Наумов 93
Наполеон Бонапарт 121
Нарышкин М. Н. 147
Нелингер Д. 216
Нельнер 48
Николаев А. С. 173
Николай А. И. 19, 25, 35, 37, 48
Николай I 8, 168, 170–171, 176–
177, 180–181, 187–190, 194–195
Никитенко А. В. 131–132, 171,
177, 180–181, 183–185, 190,
201–203, 205
Никофоров А. 49
Никифиров Г. 29, 42
Никон 32
Нилова Е. 54
Новиков Н. И. 54
Новосельцев П. Н. 100

Овечкин З. 42
Овечкин П. 42
Овчинкин В. 215
Огарков В. К. 54, 79
Одищов И. 29
Озерцовский Н. Я. 31, 60, 67–
68, 70, 77–78, 81
Озерцовский П. Н. 18
Окороков В. И. 54
Окунь С. Б. 8–9, 12, 104, 110, 113,
115–116, 120, 123–125, 203
Оленин А. Н. 107
Ождер М. 213
Орлик О. В. 170
Орлов В. Г. 57, 61, 198
Орлов Вл. 79
Орлова М. 54
Осиновский 182
Осиповский 95, 168
Осват А. 170
Очкин 202

Павел I 1, 6, 17, 22, 24, 29, 48,
51–52, 61, 207, 209
Павлов 40
Павлов Г. 71
Пак 15
Паллас П. С. 15–16, 20, 43, 60,
69, 74, 76–77, 94
Панфилов А. 212, 213, 217
Папенгаут А. 217
Папенгаут П. 217
Паперно И. А. 174
Паррот Г. Ф. 166
Пастухов П. П. 83
Пекарский П. П. 175, 185, 192,
203–204
Пенинский И. С. 148, 173–174
Перекалина М. М. 210
Перовский Л. А. 166
Петр I 5, 8, 10, 14, 32–33, 56,
63, 95, 98–99, 177, 181, 183–
185, 189–192, 194, 198–199, 203,
206–207, 208
Пилогин Д. 213, 218

Пингер И. (отец) 23
Пингер И. (сын) 23
Пинин 24
Плавильщиков 203
Плацман 65-66
Плетнев П. А. 8, 11, 123-124,
176, 178-180, 185-189, 192-196,
198-205
Плеханов В. 214
Плисов М. Г. 7, 11, 100, 151, 154-
156, 160-161, 164, 173-174
Погодин М. П. 126
Поздняков 35
Поленов 185
Помман 171
Помо И. 214
Попов В. М. 130, 167, 171, 174-
175
Попов Д. П. 154, 159
Поповский Н. 185
Попугаев В. В. 6, 26-27, 29, 60,
211
Поспелова М. 54
Потанин Л. 213, 217
Потоцкий С. О. 108, 110-111, 124
Правдин 135
Предтеченский А. В. 9, 171-172
Предтеченская Л. М. 176
Протасов А. П. 22, 69, 76, 185
Протопопов М. 214
Прянишникова М. П. 79
Пугачев В. В. 8, 12, 109, 124
Пуле, М. де 80
Пучкова Е 54
Пушкин А. С. 120, 126, 148, 171-
172, 174, 185, 189
Пушкин Л. С. 101, 148
Пушин И. И. 133, 172
Пыпин А. Н. 121, 126-127, 131,
162, 171, 174
Радич К. 215
Радлов 174
Радлоф К. Ф. 154
Раздеришин А. 97

Разумовский А. К. 102, 112, 119
Разумовская Е. А. 107
Райков Б. Е. 81, 103
Раупах 151, 153-154, 158-161,
165, 169-170
Рейтер П. 216
Ржевский 174
Ребинин М. 49
Рихман Г. В. 26
Рихман Ф. Г. 26, 29, 36
Рогов Г. О. 154, 174
Рождественский С. В. 102-104,
106, 115, 118, 123-126, 173
Розин 182
Розлаг И. 35
Ростовцев 212
Ростопчина Е. П. 186
Румель И. 38-9
Румовский С. Я. 15, 18, 22, 31,
41, 56, 69, 71-74, 182-185
Рунич Д. П. 114-115, 119-122,
124-125, 129-132, 146-147,
149-151, 154-156, 158-162,
164-167, 169-173, 175
Руссо Ж.-Ж. 145
Рыбников П. 49
Рыколовский А. 23
Рыков А. 23
Рябинин И. 217
Рябинин П. 217
Саблин Е. 23
Саитов В. И. 123
Санги 27, 34
Саси Сильвер де 110
Сахаров 15-16, 67, 70-71, 75, 81
Свет И. 48
Севастьянов А. 44, 69, 75, 80
Севергин В. М. 15, 20, 31, 32, 43,
68-71, 75, 81
Селезнев И. 171
Селим 32
Семеновский В. И. 172-175
Серебрякова Н. О. 11
Сеченов И. М. 5

- Сидоров Н. 215
Силанд К. 23
Синицкий Ф. 29
Сироткин В. Г. 123
Скабичевский А. 175
Сладкевич Н. Г. 194, 204
Смеловский 44
Соболева Е. В. 4
Соколов Н. П. 93
Соколов П. 15-16, 28, 37
Соловьев Д. Н. 173-174
Соловьев С. М. 195
Солодовников А. 216
Солодовников А. Е. 24
Солодовников П. 216
Солодовников С. Е. 24
Сонов Д. 28
Сперанский М. М. 108, 124, 130, 167, 175
Сталь, Жермена де 108
Стаханов А. 23
Стаханов П. 23
Стелецкий Н. 125
Стенник Ю. В. 79
Степанов И. 23
Степанов С. 23
Столыпин А. А. 124, 175
Строганов А. С. 212
Строганов П. А. 211, 212
Строганов Г. А. 23
Строгановы 63, 213
Стриттер И. Г. 63
Судаков Н. 27, 37, 39, 48
Сумарокова И. 54
Суслов П. 216
Сухомлинов М. И. 11, 67, 71-72, 76, 79-81, 170, 173-174
Сушкова М. В. 54
Счастный 36
Сырейщиков 182
Тарасов Е. И. 172
Татаринов 24
Татищев 95
Тауберг И. И. 28
Телемак 31
Тенигин Н. 214
Тенисин К. 49
Теплов Г. Н. 185
Теряев А. М. 93, 95-96
Тессинг 191
Тимковский 174
Тишкин Г. А. 4, 11, 12, 50, 80-81, 123, 204, 211
Толмачев Я. В. 159, 174
Толстой Д. А. 17, 50, 76, 80, 102-103, 185, 203
Толстой Ф. П. 190-191
Тредьяковский В. К. 31
Трофимовы П. и Ф. 215
Тургенев А. И. 107-108, 123-125, 129, 138, 147, 165, 170, 173
Тургенев Н. И. 108, 123, 129, 137-138, 165, 172
Тургенев С. И. 108, 129, 138, 172
Тюкин Е. 34
Уваров С. С. 7-9, 11, 99, 101-102, 105-126, 128, 137, 148-149, 151, 160, 162-165, 169-170, 172-174, 179, 191, 194, 200, 204, 207, 209
Угрюмов В. 58
Урусова К. 58
Устрялов Н. Г. 179
Файнштейн М. Ш. 11, 79, 204
Федотов 49
Фейерензен Г. 25
Фейерензен Э. 25
Фейерензен К. 24-25
Феоктистов Е. М. 125-126, 130, 171-172
Фещенко Л. 10
Филарет 113
Фишер Я. 57, 71, 198, 213
Флоренов И. 28
Флоренский К. 29, 36-37
Флоринский 80
Фридерикс 23

- Фусс Н. И. 16, 28, 31, 66, 72, 74,
145
Фусс П. Н. 196, 198, 202
- Хакман 66
Ханин П. 23
Хвостов А. 29, 36
Хвостов В. 29
Хвостов Я. 29
Хлор 31
Христенен З. 23
- Чарторыйский А. А. 108
Чебышев П. Л. 5
Черемисова 35
Чижов Д. С. 116, 159, 174, 183
Чихачев Н. 17, 27
- Цветаев А. 28–29
Цветихин М. 28
Цыплятников Т. 49
- Шаргаев 35
Шармуа Ф. Ф. 110, 154, 164, 174
Шахт К. Ф. 23
Шебалин П. 49
Шебунин А. Н. 107, 108, 123, 170
Шевченко Ф. П. 10
Шевырев С. 81
Шеллинг Ф. В. 155
Шереметьева П. И. 54
Шестаков А. 28
Шигунов К. 48
Шилов Л. А. 86, 103
- Шильдер Н. К. 170–171, 175
Шип Н. А. 10
Ширинский-Шихматов П. А. 200
Широкин 31
Шишков А. С. 167, 169
Шлегель 39
Шлецер А. Л. 207
Шне И. 42
Шне И.-Г. 42
Шнет Г. Г. 107, 123, 173
Штейн Ф. К. 120, 126
Штриттер 22, 57, 198
Шуберт Ф. И. 15, 18, 19, 23, 45,
69, 72–75
Шубин В. Ф. 203
Шульгин И. П. 8, 11, 177–183,
189, 191, 193, 198–199, 201–203
- Щеглов Н. Ф. 154, 174
Щербатов Н. Ф. 31
- Юрьев К. 213
- Эберт 93
Эзоп 32
Эйлер Л. 31, 66, 69, 73, 94
Энгельгардт Е. А. 110, 145
Эпинус Ф. У. 69, 83
Эрислебен И. 93
- Янкович де Мириево Ф. 20, 83,
85, 87, 92, 94, 96, 98, 102–103
Яценко О. А. 171–172

Оглавление

Введение	5
Глава первая. «Академическое всеучилище»	13
Глава вторая. Под сенью «мадам директор»	53
Глава третья. «Отделение имеющего учредить в Санкт-Петербурге Университета...»	82
Глава четвертая. «Побеждать просвещением» (С. С. Уваров в борьбе за идею Университета в столице)	105
Глава пятая. Правительственная реакция и «дело профессоров»	127
Глава шестая. Преемственность университетского образования в Петербурге	176
Заключение	206
Приложение. Воспитанники и студенты Академической гимназии в 1805 г. (Публикация М. М. Перекалиной)	210
Именной указатель	219

Contents

Introduction	5
Chapter One. «Academic universal school»	13
Chapter Two. Under the protection of «Madam Director»	53
Chapter Three. «Department of the university being established in St. Petersburg...»	82
Chapter Four. «Winning through education» (S. S. Uvarov in support of the idea of a university in the metropolis)	105
Chapter Five. Government response and the «academic case» .	127
Chapter Six. Continuity of university education in St. Petersburg	176
Conclusion	206
Supplement. The fosterlings and the students of the Academic Universal School in 1805 (A publication by Perekalina M. M.)	210
Namis index	219

Научное издание

Юрий Давидович Марголис,
Григорий Алексеевич Тишкин

«Единым вдохновением»:
Очерки истории университетского образования
в Петербурге в конце XVIII — первой половине XIX в.

Зав. редакцией *М. Л. Малютина*
Редактор *Т. В. Глушенкова*
Художественный редактор *Е. И. Егорова*
Технический редактор *А. В. Борщева*

Лицензия ЛР № 040050 от 15.08.96

Подписано в печать 11.07.2000. Формат 60×90 1/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 14,25. Уч.-изд. л. 14,39. Тираж 1000 экз.
Заказ 174.

Издательство СПбГУ. 199034, С.-Петербург, Университетская наб., 7/9.

Типография Издательства СПбГУ,
199061, С.-Петербург, Средний пр., 41

МАРГОЛИС Юрий Давидович
(1930–1996), доктор исторических наук, профессор, автор работ о Тарасе Шевченко, общественном движении XIX–XX вв., истории университетского образования. (См. о нем: Юрий Давидович Марголис. Библиографический указатель трудов. СПб., 1995; О жизни и судьбе профессора Ю. Д. Марголиса. Документы, письма, воспоминания. СПб., 2000).

ТИШКИН Григорий Алексеевич
(1941), доктор исторических наук, профессор, автор работ по истории общественного движения, женского вопроса, университетского образования и науки. (См. о нем: Григорий Алексеевич Тишкин. Библиографический указатель трудов и цитирующей литературы. СПб., 1994; О благородстве и преимуществе женского пола. Из истории женского вопроса в России / Под ред. Р. Ш. Гакелана. СПб., 1997).